

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 4 (20) 2008
ISSN 1996–0522

Учредители
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»
и НП «Институт развития города»

Издатель
Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Редакционный совет
О.В. Артемова – д.э.н., профессор
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
Р.А. Сабитов – д.ю.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Главный редактор
доктор философских наук,
профессор А. С. Чупров

Редакция
С.Г. Зырянов - зам. главного редактора,
зав. отделом социологии и политологии
С. С. Загребин - зав. отделом культуры
В. Н. Новоселов - зав. отделом истории
А. В. Павлов - ответственный
за международные контакты
Т.Ю. Савченко - зав. отделом
экономики и менеджмента
А. Л. Фартыгин - зав. отделом
государства и права

Ответственный секретарь
А. А. Сафиуллина

Журнал
включен ВАК Минобразования и науки РФ в
перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук и
рекомендован
экспертным советом по политологии

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77–16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

**Издание подготовлено
к печати**
ООО «Нобис»
454000, г. Челябинск,
ул. Цвиллинга, 34,
тел./факс: (351) 263-87-27

Ответственный за выпуск А. П. Павлов
Дизайн, верстка Д. Е. Сенацкий
Корректура М. В. Денисова
Переводчик Е. В. Райт

Отпечатано в типографии
ООО «Люкс-принт»
455049, Челябинская обл.,
г. Магнитогорск, ул. Завенягина, д. 7
Подписано в печать 15.12.2008 г.
Тираж 1000 экз.

Цена свободная

СОЦИУМ

В. Н. Сагатовский

О свободе и эксплуатации 4

А. Б. Докторович

Системное исследование социального потенциала
Часть 2. Анализ взаимодействий и отношений 11

Н. В. Иванчук

Собственность и управление:
социолого-антропологический подход 20

ВЛАСТЬ

А. В. Аврамов

Российский коммуникативный феномен
концептуализации кода власти 26

Н. Р. Балынская

Специфика проявления информационной
сущности современного российского политического
процесса 31

А. А. Александров, Л. С. Карымова

Национальная политика субъекта Российской
Федерации как условие стабильного развития
региона (на примере Свердловской области) 38

М. И. Пранова

Избирательная кампания
как арена социального конфликта 40

Л. Х. Дзахова

Избирательная кампания как политический проект
российских партий (региональные обобщения) 46

А. Е. Шапаров

Стратегии формирования социальной политики 50

О. В. Дейнега

Административный ресурс в системе
государственного управления России:
сущность, природа и роль 55

Е. О. Сони́на

Реформа как «измерение» политического процесса
в современной России: ценностный аспект 60

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. К. Родионова

Основные признаки федерализма
и их классификация 65

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал «СОЦИУМ
И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, работников государственных структур, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношения с муниципальной и государственной властью.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 123

Рукописи рецензируются

Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:
454071, Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: saa@urags-chel.ru

Редакция журнала
не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов

**Журнал распространяется
по подписке
в отделениях почтовой связи.
Подписной индекс
по Российской Федерации 46536**

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Е. Ю. Сабитова

О реализации и ресурсном обеспечении
федеральной целевой программы
«Развитие судебной системы России»
в 2007–2011 годах. 71

И. А. Шумаков

Возникновение и развитие института
особых конституционно-правовых режимов. 76

Е. В. Миронов

Концепция «либерального консерватизма»
Б. Н. Чичерина. 81

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**И. Е. Абрамова**

Институциональная политика агроэкономических
преобразований в России. 87

Ю. Б. Шлимович, Н. Ю. Коротина

Экологическое страхование как экономический
инструмент возмещения вреда окружающей среде ... 91

КУЛЬТУРА**Н. В. Гапанович-Кайдалов**

Организация государственного управления
культурой в республике Беларусь. 97

ИСТОРИЯ**А. П. Яркков**

Из исторического опыта укрепления
российской государственности
(к 300-летию Сибирской губернии). 108

Д. В. Бобылев

Подготовка казачьих офицерских кадров
в системе военного образования
в Урало-Сибирском регионе
в конце первой половины XIX века. 111

Указатель статей, опубликованных в 2008 году
в журнале «Социум и власть» 119

Требования к рукописям научных статей,
предоставляемым для публикации
в научном журнале «Социум и власть» 123

SOCIUM**V. N. Sagatovsky**

The freedom and exploitation..... 4

A. B. Doctorovich

The systemic research of social potential. Part 2: The analysis of interactions and relations 11

N. V. Ivanchuk

The property and management: sociology – anthropology approach..... 20

POWER**A. V. Avramov**

The Russian communicative phenomenon of power code conceptualization 26

N. R. Balynskaya

The features of informational display of modern Russian political process entity..... 31

A. A. Alexandrov, L. S. Karymova

The national policy of Russian Federation subject as a condition of stable development of the region (example of Sverdlovsk region) 38

M. I. Pranova

The election campaign as a field of social conflict 40

L. H. Dzahova

The election campaign as a political project of Russian parties (regional generalizations) 46

A. E. Shaparov

The strategies of social policy formation 50

O. V. Deinega

The administrative recourse in the system of Russian state management: the essence, nature and role 55

E. O. Sonina

The reform as a «dimension» of a political process in modern Russia: the value aspect 60

STATE AND LAW**A. K. Rodionova**

The general features of federalism and their classification 65

E. Y. Sabitova

About the realization and recourse provision of federal task program «The development of Russian law system» in 2007–2011 71

I. A. Shumakov

The appearance and development of special constitutional-law regimens 76

E. V. Mironov

The concept of «liberal conservatism» by B. N. Chicherin 81

ECONOMIC POLICY**I. E. Abramova**

The institutional policy of agro-economical transformations in Russia 87

Y. B. Shlimovich, N. Y. Korotina

The ecological insurance as economical tool of redress to environment 91

CULTURE**N. V. Gapanovich-Kaidalov**

The organization of state management of culture in Belarus Republic 97

HISTORY**A. P. Yarkov**

From the historic experience of securing the Russian nationality (300 years of Siberian province) 108

D. V. Bobylev

The training of Cossack officers in the system of military education in Ural-Siberian region at the end of the first half of the 19th century 111

The article index of «Socium and power» journal published in 2008 119

The manuscript requirements for publications in «Socium and power» scientific journal 123

О СВОБОДЕ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

В. Н. САГАТОВСКИЙ

В этой статье я попытаюсь обосновать следующие три тезиса. 1. Реализация любой свободы содержит в себе возможность эксплуатации. 2. Если не сводить эксплуатацию к ее экономической разновидности, то в человеческой деятельности она также неустранима, как и стремление к свободе. 3. Условием радикальной минимизации эксплуатации является гармонизация свобод в общности, построенной на началах соборности и общего дела.

Если не уточнить все употребляемые здесь термины, то ничего, кроме очередной филологической «интеррепазии», не получится.

Начнем с эксплуатации. В самом общем смысле эксплуатация есть использование чего-либо в качестве средства (извлечение выгоды — частный случай такого использования). Обычно выделяются три группы объектов эксплуатации: человек, природа и то, что создано человеком. Причем в понимании эксплуатации от третьей группы к первой нарастает определенный отрицательный оттенок. Так эксплуатация, к примеру, транспорта не предполагает обязательного нанесения ущерба; речь может идти о разумной, грамотной или безответственной эксплуатации. Когда же мы, особенно в современной экологической ситуации, имеем в виду эксплуатацию природы, то оба отрицательных момента — вред и насилие — присутствуют уже гораздо более явно. А понятие «эксплуатация человека человеком» целиком носит отрицательный характер.

В контексте соотношения эксплуатации и свободы актуально именно отрицательное понимание эксплуатации, и в дальнейшем мы будем употреблять это слово только в таком смысле. Онтологической основой внесения в эксплуатацию моментов вреда и насилия является допущение того, что используемое средство представляет собой не только объект, «вещь», но и обладает собственной субъективной реальностью, т.е. самоценностью и определенной информационной программой, является «лицом» [1]. При таком подходе взаимодействие эксплуатирующего с эксплуатируемым может рассматриваться, во-первых, как добровольное или вынужденное, и, во-вторых, может быть оценено с позиций *справедливости*, т.е. соответствия *вкладов* и *результатов* взаимодействия для обеих сторон. Если использование является насильственным и таким, что польза для использующего оборачи-

вается преимущественным вредом для используемого, а вклад использующего в результат взаимодействия не соответствует получаемому им результату, то такое использование является *эксплуатацией*, а использующий — *эксплуатором*. Коротко говоря, эксплуатация есть насильственное и несправедливое использование в качестве средства другого субъекта, «лица», другой «целенаправленной системы» [2]. Не будем пока обсуждать, насколько такое понимание подходит для отношений человека с природой, но то, что оно характеризует эксплуатацию человека человеком, вроде бы не должно вызывать сомнений.

Но не является ли предложенное определение эксплуатации слишком общим? В марксистской традиции эксплуатация человека человеком сводится к экономической эксплуатации, т.е. несправедливому присвоению части произведенного продукта собственником средств производства. Однако вклад в целостную жизнь общества и личный (или групповой) результат в соответствии (несоответствии) с этим вкладом могут носить не только экономический характер. Вклад может оцениваться не только в рублях или владении собственностью, но и в статусе, как формальном, так и неформальном, который получает субъект (личность, группа), в недооценке или переоценке его заслуг, в степени и характере участия в принятии социально-политических решений, в предоставляемых ему правах и обязанностях, в обеспечении адекватной информацией, наконец, в психологическом комфорте или дискомфорте. Я не претендую здесь на полную классификацию видов эксплуатации человека человеком, но и сказанного достаточно для того, чтобы говорить о возможности несправедливого и насильственно достигаемого несоответствия между вносимым вкладом и получаемым результатом в экономическом, социальном, политическом, правовом, моральном, информационно-психологическом и иных аспектах.

Необходимость преодоления узкоэкономического понимания эксплуатации можно пояснить на множестве примеров как личностного, так и группового характера. Так, человек может смириться с несправедливо низкой зарплатой, если его деятельность находит признание в референтной группе, а трудности компенсируются хорошим социально-психо-

логическим климатом в коллективе. Напротив, невнедрение его вклада может сделать бессмысленным и насильственным дальнейшее пребывание в данном статусе независимо от величины дохода. Мы оцениваем степень перенесения или осуществления эксплуатации со стороны социальной группы не только по ее доходам, но и по несправедливому злоупотреблению властью (например, со стороны бюрократии) или неадекватной оценке социальной значимости (например, интеллигенции).

Что касается насильственного характера эксплуатации, то он может оказаться достаточно сильно замаскированным. Вплоть до того, что эксплуатируемый искренне не считает себя таковым, или неверно указываются эксплуатирующая и эксплуатируемая стороны. Первый случай имеет место при информационно-психологической эксплуатации (манипуляции сознанием [3]), которая может обеспечивать дальнейшую политическую и экономическую эксплуатацию (к примеру, политехнология управления электоратом). Пример второго — явно неадекватные доходы некоторых участников шоу- и спортивного бизнеса. Те, кто эти доходы оплачивают, могут считать, что делают это вполне добровольно. Но, во-первых, мода, реклама и социально-психологическое заражение при бизнесовом подходе вполне укладываются в рамки манипуляции сознанием (т.е. замаскированного насилия). Во-вторых, добровольное «фанатство» — это, скорее, патология, чем явная эксплуатация (что хотели, то и получили). Эксплуатируемой стороной здесь оказывается общество в целом и те, кто с таким порядком вещей не согласны. Ведь эти средства могли бы быть направлены на куда более значимые цели.

Предпримем некоторое «забегание вперед» на пока что интуитивном уровне. Чем больше свободы в обществе при наличии возрастающего разнообразия — вплоть до взаимоисключения — интересов социальных групп и личностей, тем больше возможностей для проявления различных видов эксплуатации. Как же так: разве не очевидно, что «свобода лучше несвободы»? Обратимся, стало быть, к понятию свободы.

Существуют три основных понимания свободы, которые при ближайшем рассмотрении оказываются не взаимоисключающими, но взаимодополняющими [4]. По линии Спиноза — Гегель — марксизм свобода есть осознанная необходимость. В экзистенциалистской философии свобода есть возможность выбора. В философии Н. А. Бердяева и С. А. Левицкого

свобода предстает как творчество, как «овозможнение невозможного». Заметим кстати, что молодой Маркс видел онтологическую основу свободы в эпикуровском понятии отклонения атома, т.е. в реализации спонтанного начала. И лишь задумав осуществить пролетарскую революцию на сугубо научной основе, он предпочел свободно осознать ее как объективную необходимость. Однако далеко не все свободно приняли этот марксов выбор.

Действительно, суть свободы — это *свой* выбор. Однако осуществление выбора связано с осознанием его объективных возможностей. Если же этого не произошло, субъект терпит неудачу и рискует вместо свободы попасть в зависимость от воли более успешного субъекта. Но возможна и другая ситуация: не найдя наличных условий для реализации своей мечты, человек *создает* их, творит новое, не вытекающее с неизбежностью из существующих обстоятельств, но создающееся здесь и сейчас в творческой «точке бифуркации». Этот третий вариант является самой глубинной основой подлинно человеческой деятельности, а первые два — предварительными условиями. Сначала надо сделать выбор, затем осознать необходимые условия его реализации и, только не приняв невозможность его осуществления в данных обстоятельствах, рискнуть радикально изменить сами обстоятельства, доопределить бытие.

Понимание свободы как возможности выбора наиболее близко обыденному сознанию. Для нерелефлексивного человека свобода часто оказывается близкой к *своеволию* в смысле Достоевского [5]: я хочу иметь то-то и не хочу зависеть от обстоятельств и обязательств, препятствующих этому моему желанию. Буду ли я при этом рассчитывать на «счастливый случай», системно осознавать и подбирать необходимые условия или творчески создавать их, — фактически не влияет на ту сердцевину трактовки свободы, которая непосредственно близка к ее соотношению с эксплуатацией. В рафинированной форме такое понимание свободы предстает как возможность самовыражения и самореализации «без заранее выбранного масштаба» (К. Маркс), т.е. по максимуму.

Но максимум для одного с неизбежностью оборачивается минимумом для кого-то или для чего-то другого. Так антропоцентристский выбор современного человека грозит экологической катастрофой. Свобода, как направленная на одни и те же ценности в случае их дефицита, так и разнонаправленная в случае взаимоисключения векторов, порождает кон-

курунцию. «Так это же хорошо, больше будет разнообразия», – возразят нам. А вы уверены, что это разнообразие для всех обернется «успешностью»? Или на это стоит закрыть глаза, как в «американской мечте»? И достаточно ли тут будет чисто юридических ограничений?

В самом деле, обратимся к реальной жизни. В историческом аспекте возможность эксплуатации появляется вместе с разделением труда. В личном плане ее возможность связана с неудовлетворенностью отдельных личностей общим статусом и наличием у них способностей этот статус изменить. В первобытном обществе доля добычи, как правило, соответствует вкладу в ее получение. Нарушение равенства сначала имеет место для вождей, т.е. людей, обладающих преимущественными способностями на охоте и на тропе войны, и служителей культа (колдунов, шаманов, жрецов). В первом случае возрастание преимуществ до определенной черты не нарушает справедливости (адекватного соответствия вклада и результата) и не обязательно достигается путем насилия. Второй случай сложнее. Не всегда удается провести грань между экстрасенсорными способностями, действительно приносящими пользу соплеменникам, и сочетанием обмана и самообмана, которое позволяет первобытным «идеологам» избежать общих обязанностей и получить явные преимущества. Здесь мы уже сталкиваемся с возможностью *уйти от контроля* на предмет соотношения реального вклада в жизнь общества и получаемой доли благ. И вождь, и «идеолог» могут, что называется, воспользоваться служебным положением, но в первом случае злоупотребление властью более очевидно: прямое насилие легче диагностируется, чем насилие информационное, манипуляция сознанием.

По мере усложнения общественной жизни возрастают как возможности бесконтрольного получения преимуществ, не адекватных реальному вкладу, так и разнообразных способов насилия. Иными словами, разнообразие возможностей выбора, т.е. свободы для одних людей чревато увеличением возможности стать жертвами эксплуатации для других. Разумеется, так происходит не всегда. Допустим, изобретатель новых орудий труда вносит уже иной вклад, чем обычный земледelec или скотовод. И получаемый им результат может оказаться больше, но справедливость его преимуществ достаточно очевидна. То же самое можно сказать о соотношении вклада и получаемого результата у представителя «правлящего меньшинства» (А. Тойнби [6]), знахаря,

жреца, добывающего новые знания, а в дальнейшем, естественно, у ученого, художника, философа и т.д. Здесь нет эксплуатации, хотя полностью проявляются преимущества свободы перед несвободой.

Но с одной серьезной оговоркой: если привилегированное положение представителей всех этих видов деятельности *действительно* соответствует значимости их вклада в общее дело. А определить и, тем более, изменить несоответствие очень непросто. В целом ряде случаев оно достаточно очевидно. Например, когда руководитель предприятия получает не просто большую зарплату, чем его сотрудники, но в разы большую; когда олигархи тратят на свои прихоти баснословные суммы; когда законодательная и исполнительная власти сами себе назначают явно завышенные привилегии. Но, во-первых, значимость целого ряда занятий и величина справедливого вознаграждения за них неочевидны. Во-вторых, в дело вступает манипуляция сознанием, вуалирующая несправедливое положение вещей, внушающая его «естественность» или даже божественное происхождение. В-третьих, применяется насилие, которое де-факто завоевывает и закрепляет такое положение. Вот тогда возможность эксплуатации становится действительностью.

Та или иная форма эксплуатации может существовать в любых вариантах взаимодействия людей друг с другом: от общения любого количества индивидов по любому поводу до общества в целом. Но существуют такие виды деятельности и статусы, где соблазн эксплуатации особенно велик. В явной и идеологически откровенной форме эксплуатация провозглашается и осуществляется в деятельности криминалитета: «настоящий» вор убежден в своем «праве» жить за наш счет. Однако любая эксплуатация содержит в себе, так сказать, неявный криминалитет. Далеко ли ушел от него политик, смотрящий на «биомассу» как на объект манипуляций? Или бизнесмен, осознанно или подсознательно руководствующийся пониманием бизнеса, предложенным одним американцем: бизнес есть попытка залезть в чужой карман на законном основании? Люди, ориентированные на то, чтобы урвать кусок, явно превышающий их реальный вклад, в зависимости от своих склонностей и способностей, а также от сложившейся жизненной ситуации, стремятся занять положение в тех сферах деятельности, где контроль за соотношением вклада и получаемого результата ослаблен, а возможности для насильственного получения желаемой доли велики.

Назовем основные сферы деятельности такого рода: власть (деятельность «правлящего меньшинства»); экономика на основе частной собственности; различные формы посредничества (торговля, ростовщичество, страховка и т.д.); «духовная» сфера («гуру» и эпигоны в сфере религии, искусства, идеологии); индустрия развлечений; СМИ. В принципе соблазн эксплуатации может реализоваться в любой деятельности, результаты которой пользуются повышенным спросом, а контроль качества этих результатов и процесса их производства затруднителен. Например, деятельность врача или адвоката. А теперь — и колдуна или развлекающе-отвлекающего мистификатора. В общем, чем больше отрыв деятельности от таких ее видов, где процесс и результат достаточно прозрачны, тем больше опасность эксплуатации.

Но очевидно, что чем больше свободы в деятельностном проявлении и вытекающих отсюда плохо контролируемых разнообразия и сложности, тем больше простора для несправедливости, обмана и насилия, которые в свою очередь принимают все более изощренные формы. Особенно трудно диагностировать информационное насилие, удельный вес которого, естественно, возрастает в современном информационном обществе. Спрос на те или иные результаты все больше организуется рекламой, а современная реклама — от товаров до «духовных» услуг — как правило, сплошной обман.

Демократически настроенный читатель, наверное, уже заподозрил меня во всех грехах: так что же, ограничить свободу, «подморозить» общество, остановить прогресс?! Давайте сначала посмотрим, а что реально предлагается для ограничения возможностей эксплуатации. Практически очень немного. Во-первых, упование на всесилие саморегулирующегося рынка. Во-вторых, все более изощренные процедуры правовой регуляции. Ни то, ни другое, увы, не решает проблемы. Современное рыночное потребительское общество ориентировано на максимум прибыли, престижного потребления и волю к власти (над природой и себе подобными). Отсюда следует, что любая потребность должна быть удовлетворена, и следует культивировать такие потребности, удовлетворение которых приносит максимум прибыли и производителем. Неужели надо доказывать, что в таких условиях любые формы эксплуатации (не только экономическая) могут только возрастать?

Конечно, юридические законы и уровень

культуры их исполнения позволяют как-то ограничивать эксплуатацию. Но в принципе все эти ограничения паллиативны, а непомерное усложнение правовой регуляции само становится источником эксплуатации. Так, разница в доходах наиболее бедных и наиболее богатых может существенно различаться, скажем, в России или Швеции. Точно так же может различаться степень бюрократического произвола, коррупции, информационно-психологического манипулирования, уровня преступности и т.д. Но господство ценностных ориентаций на максимум (прибыли, потребления, власти) в менталитете общества с неизбежностью порождает тенденцию оставлять кого-то на уровне минимума. Этими «кто-то» могут оказаться и отдельные люди, и общности, и регионы, и природа планеты. Надеяться на внутреннее стремление к справедливости при доминировании таких базовых ценностей утопично. Внешние же (политико-правовые) средства становятся все более «неповоротливыми» (дела рассматриваются в течение многих лет, а то и десятилетий), а усложненность и противоречивость системы правовых норм позволяет и саму политико-правовую деятельность превращать из средства справедливого решения конфликтов в средство достижения целей субъектов этой деятельности, т.е. в эксплуатацию.

Вывод: без радикальной переоценки ценностей («революции духа») невозможно сколько-нибудь серьезно минимизировать эксплуатацию. Строго говоря, устранить ее полностью нельзя, но степень минимизации может быть очень различной. И гораздо большей, чем в самых относительно благополучных сообществах современности.

Неустранимость эксплуатации обуславливается следующими обстоятельствами. Во-первых, стремлением к свободному выбору и творчеству нового, являющемуся существенным качеством человека, неизбежно порождает непредсказуемые последствия. В том числе и возможности несправедливого соотношения вклада субъектов выбора и творчества и получаемых ими долей благ. Во-вторых, способность к рефлексии, к непредвзятой оценке последствий своих свободных самовыражения и самореализации для других людей и окружающей среды пока еще у большинства людей и общественных организаций находится в зачаточном состоянии. В то же время на подсознательном уровне «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» (включая самообман). В-третьих, даже если в развитии

честной рефлексии будет достигнут значительный прогресс (что в современном обществе массовой информационно-психологической манипуляции маловероятно), сами базовые ценности различны у людей разного психологического типа (независимо от их классовой, национальной, профессиональной, религиозной и иной принадлежности). Наивно думать, подобно Сократу, что люди совершают зло только потому, что они не знают, что такое добро. Видимо, всегда — в той или иной степени выраженности и объеме — будут воспроизводиться типы созидателей, деструкторов и конформистов [7]. Созидатели могут поддаваться соблазну эксплуатации в силу увлеченности своим делом (во имя благой цели!), деструкторы в принципе ориентированы на преступление (необязательно в правовом, но в более широком — ницшевском — смысле), а конформисты подлаживаются к тому, что сейчас принято, доминирует («мимесис», по А. Тойнби).

Но одно дело принципиальная возможность, другое — наши возможности по минимизации ее реализации. Повторяю: в современном обществе, где бизнесом становится все — экономика, политика, право, искусство, идеология (в том числе религиозная), информирование, образование и даже в какой-то мере наука — такие возможности минимальны.

При каких же условиях возможности минимизации эксплуатации человека человеком могли бы существенно возрасти? Выше уже было упомянуто о необходимости переоценки базовых ценностей, задающих смысло-жизненную направленность человеческой деятельности. Но подобно тому, как само по себе развитие экономики, науки и техники не решит глобальных проблем современности без «революции духа», так и последняя останется утопическим пожеланием без одновременных преобразований объективной реальности — устройства общества и его деятельности в отношении природы. Духовно-психологический и социально-организационный факторы здесь обуславливают друг друга.

Начнем с духовной основы человеческой жизнедеятельности. Характер воздействия этой основы на объективные процессы ее реализации определяется задаваемой ей направленностью, теоретическим обоснованием и проектной разработкой ее идеалов и присущими ей средствами контроля над соотношением идеальных проектов и реальных результатов. Направленность современной цивилизации отличается антропоцентристской и либерально-индивидуалистической односторонностью,

уровень теоретически обоснованной стратегии давно уступил место прагматической тактике, а средства контроля — явным несоответствиям сложности и противоречивости управляемых процессов. Ориентация на максимум свободного самовыражения и самореализации человечества по отношению к природе и личности в обществе (природа и общество, а чаще всего и другие личности, выступают в роли средств) в сочетании с нежеланием и неумением ответственно относиться к проигрыванию различных вариантов и брать на себя труд честной рефлексии с позиций взаимодействия личности — общества — природы как *целого* при одновременной мощной технической вооруженности, в конечном счете, и порождает глобальные проблемы современности. Такая свобода и такая рефлексивная беззаботность (прагматическая тактика без ответственной стратегии) порождают эксплуатацию, чреватую крахом зарвавшихся эксплуататоров.

В качестве противовеса реальная история знает пока что только другую крайность, потерпевшую сокрушительное поражение в XX столетии, — тоталитаризм как принесение в жертву свободы во имя, якобы, нерушимости целого. Причем под целым понимается только общество, живущее в мобилизационном режиме борьбы с другими обществами и природой. Этот режим не спасает от суперэксплуатации, хотя и делает ее, по видимости, более простой и прозрачной. Между тем на уровне духовных оснований культуры имеет место концепция, преодолевающая недостатки обеих противоположностей. Системообразующей ценностью и понятием соответствующего похода является идея *соборности* [8]. Наиболее глубоко и полно эта идея проработана и пережита в русской культуре. Хотя, к сожалению, этого не скажешь об ее реализации в российской действительности в целом.

Предельно кратко: суть соборности заключается в добровольном взаимном признании самоценности индивидуальности и целого, личности и общества, признании самоценности природы в ее негэнтропийной направленности. Не рациональный утилитаристский расчет (я тебе — ты мне), за которым скрывается воля к власти, но воля к любви в отношении к другому и целому со стороны индивидуальности и в отношении к индивидуальности со стороны целого. Ведь высшая форма любви — это и есть такое добровольное и взаимное признание самоценности. Но где такая индивидуальность и такое общество? После этого вопроса следует оценка мечты о соборности как чистойшей

утопии. Не будем, однако, смешивать вопрос о неготовности современной цивилизации к принятию идеала соборности с вопросом о необходимости этого принятия.

Соборность включает в себя свободу как необходимый момент, но стремление к свободе самовыражения и самореализации органически дополняется в ней столь же внутренне фундированным стремлением к сопричастности целому (Богу, природе, человеческому обществу, конкретной общности). А отсюда вытекает душевно и духовно обоснованная *ответственность* поступков перед развивающейся гармонией целого и индивидуального, общества и природы. Глобальная реализация такого единства свободы и ответственности в современной ситуации может реализоваться только в сознательном созидании *ноосферы*. Последний термин понимается здесь не как особая оболочка Земли, созданная развитием культурной деятельности человечества (В. И. Вернадский), но в содержательном плане — как взаимодополняющее единство общества, природы и личности, основанное на признании их самоценности [9]. Я не вижу иной альтернативы глобальной катастрофы кроме объединения лучших сил человечества в новом Общем деле — созидании ноосферы. Тоталитаризм и либерализм — эти две крайности — изжили себя. Но односторонняя абсолютизация насильственной целостности и лишь юридически регулируемой индивидуальности продолжают оставаться реально существующими тенденциями в менталитете различных людей и человеческих общностей. Трудно внутренне принять, даже понять, что такое соборность, тем более «переключиться» на нее. Но разве не очевидно, что без такого «переключения» созидание ноосферы лишается духовной основы, а современная цивилизация будет продолжать свое гибельное движение к глобальной катастрофе?

Попробуй объяснить это человеку, вписавшемуся в мир всеобщего бизнеса и супермаркета, или самовлюбленному *Homo ludens!* Ситуация драматическая, может быть, даже трагическая. Но для тех, кто осознал альтернативность современной ситуации, разработка идей ноосферного устройства жизни на нашей планете представляется необходимой, независимо от реального исхода этой ситуации. Понятно, что душевно-духовная культура людей, делающих выбор в пользу Общего ноосферного дела, предполагает такую совесть и такой уровень честной рефлексии, которые внутренне и без искусственных мучительных усилий позволяют осуществлять постоянную оглядку на то,

как твое свободное поведение отзовется на состоянии и развитии другого и целого. Но одного внутреннего стремления мало. Оно может успешно формироваться в сколько-нибудь заметном масштабе, только коррелируя с определенным устройством общества в аспекте его социально-экономической организации.

Крах социалистических экспериментов ушедшего столетия не означает, что сама социалистическая идея оказалась ошибочной. Надо понять, что ни значительная часть населения, ни теория построения, функционирования и развития общества без эксплуатации (точнее, с ее радикальной минимизацией) были просто не готовы к тому, чтобы обеспечить успешную реализацию этой идеи. Эксплуатация со стороны собственников средств производства сменилась бюрократической эксплуатацией; теперь эти формы, включив в себя криминальную струю, объединились. И что же — «конец истории»? Мечты о справедливом устройстве общества оказались полной утопией? Но ведь такой «конец» может оказаться реальным концом человеческой цивилизации. Поэтому разумнее понять допущенные ошибки и вернуться к идее «социализма с человеческим лицом».

В контексте нашей проблемы это означает, прежде всего, разработку критериев оценки различных видов человеческой деятельности и значимости вкладов, вносимых их представителями в жизнедеятельность общества в целом. Пока что в случаях, когда значимость труда не может быть оценена на основе затрат энергии, т. е. за пределами чисто физического труда, доля которого постоянно уменьшается, такая оценка строится либо на наличии спроса, либо просто «берется с потолка». Понятно, почему в рыночном обществе вознаграждение деятельности поп-звезды или представителя коммерческого спорта несопоставимо с вознаграждением серьезного писателя или философа. В обществе же «реального социализма» зарплата артиста или научного работника определялась волевым порядком. Принцип «каждому по его труду» фактически оставался декларацией о намерениях. Чтобы выйти на путь обоснованных оценок, требуется наличие целостной теории жизни общества и разработка процедур гуманитарной экспертизы. Без выполнения этих условий научное управление жизнью общества невозможно. Пока что можно указать лишь исходный принцип справедливой оценки отдельных вкладов: каждый из них должен быть необходимым, а все вместе необходимыми и достаточными для оптимизации движения к ноосфере. Слишком

«абстрактно»? Так давайте системно двигаться от абстрактного к конкретному, а не играть в постмодернистские и феноменологические игры.

Уже на таком уровне становится очевидной связь ноосферной и социалистической идей. Социализм, заменяющий критерий максимизации прибыли на развитие человека получает более широкое и глубокое ноосферное содержание: это замена максимума на оптимум и эгоцентрического самовыражения на сборную деятельность в рамках развивающейся гармонии ноосферы как органического единства общества, личности и природы. Не случайно появился термин «ноосферный социализм» [10]. Ни собственность на средства производства, ни другие формы владения преимуществами (властью, информацией, повышенным спросом на результаты данной деятельности и т.д.), которые могут быть использованы в эксплуатационных целях, должны быть законодательно заблокированы в отношении таких возможностей. Но это нельзя сделать без проявлений волюнтаризма, пока отсутствует постоянно совершенствующаяся социальная теория, дающая объективные основания для ранжировки различных видов деятельности с точки зрения их необходимости и значимости для целостного развития общества в рамках ноосферы в процессе постоянного экспертного мониторинга. Нетрудно представить, как в свете такой теории и базирующейся на ней системной экспертизы станет очевидной ненужность и даже вредность целого ряда проявлений бюрократии, деятельности СМИ (к примеру, рекламы в ее современном виде), коммерчески выгодных, но безответственных с точки зрения ноосферных ценностей «акций» искусства, форм «индустрии досуга» и многого другого. Само управление жизнью общества должно

обеспечить объективные условия для минимизации эксплуатации. В обществе «реального социализма» не было системы соответствующих программ (ни в момент взятия власти, ни позже), а не деклараций о намерениях, и, стало быть, отдельные идеологические кампании не имели серьезной теоретической основы.

Однако любая деятельность, управленческая в том числе, осуществляется живыми людьми, уже обладающими определенными базовыми ценностями (об их различии уже шла речь выше). С этих позиций требуется не только оценка квалификации кадров, претендующих на участие в «эксплуатационноопасных» видах деятельности, но и проведение аксиологически-психологической экспертизы. К примеру, прекрасный специалист и талантливый человек, хорошо работающий как исполнитель или генератор технических идей, но склонный к карьеризму и злоупотреблению властью, к руководству людьми допущен быть не должен. То же можно сказать и о хорошем организаторе, «попутно» склонном ко всяческим спекуляциям в посреднической деятельности.

Да как же при таких требованиях осуществлять успешный политический (читай: манипулятивно-бюрократический) и экономический бизнес?! Действительно, все это выглядит весьма утопично, если подходить с позиций ценностей, господствующих в современной цивилизации. Но переоценка ценностей столь же утопична, если она будет лишена одновременно формирующихся условий в организации жизни общества и личностей. Но кто сказал, что путь от сползания к глобальной катастрофе вследствие нерешаемости глобальных проблем современности окажется легким и базирующимся на стандартных предпосылках, напрочь лишенных опасности восприниматься в качестве утопических?

1. О различии «вещи и лица» см.: Бубер М. Я и Ты. М., 1992.

2. О понятии «целестремленная система» см.: Аюф А., Эмери Ф. О целестремленных системах. М., 1975.

3. См.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2001.

4. Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Уровни свободы и ответственности: системный синтез // Человек и христианское мировоззрение. Выпуск 10. Симферополь, 2005.

5. См.: Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. М., 1982.

6. Здесь и дальше см.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

7. Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии в 3-х частях. Ч. 3: Антропология. СПб., 1999. С. 212–226.

8. Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь. СПб., 1994. С. 103–123.

9. Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994. С. 146–152; его же. Философия развивающейся гармонии в 3-х частях. Ч. 3: Антропология. С. 278–282.

10. См.: Субетто А. И. Ноосферизм. СПб., 2001. Субетто гораздо больший марксист и материалист, чем я, но в данном аспекте наши позиции достаточно близки.

СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

ЧАСТЬ 2. АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ОТНОШЕНИЙ

А. Б. ДОКТОРОВИЧ

Проблемы социальной и инновационной ориентации социально-экономического развития приобрели в современной России особую остроту и актуальность. Состояние ключевых отраслей социально-трудовой сферы и сферы услуг, основные характеристики и показатели, оценивающие развитие человеческого и трудового потенциалов, вызывают особую тревогу и неудовлетворенность. Существенное снижение качества образования, ухудшение основных демографических показателей и здоровья населения, качества медицинских услуг (особенно профилактических, первичных, диагностических и высокотехнологичных), многолетние трудно решаемые жилищно-коммунальные проблемы, неудовлетворительный уровень развития и низкое качество социальных услуг обусловили значительное снижение российского социального и человеческого потенциала, что признают руководители страны, ученые, эксперты и политики.

Объективные причины сложившейся ситуации хорошо известны — они кроются не в отсутствии экономических ресурсов, а в основных областях социально-трудовой сферы: недостаточное и запаздывающее бюджетное финансирование, отсутствие современного социального прогнозирования и планирования. Ситуацию усугубляют неэффективное использование бюджетных средств, коррупция, низкий уровень социальных, особенно медицинских и образовательных технологий.

Дефицит высококвалифицированных специалистов, подготовленных для работы в современной рыночной экономике, особенно в ее социальных отраслях, порождает вторую группу проблем — отсутствие *системного анализа социально-экономического развития*, научного обоснования крупных национальных проектов, программ, игнорирование возможностей программно-целевого планирования и ряд других порождает *низкую эффективность управления отраслями социально-трудовой сферы*. В настоящее время лишь отдельные крупные и эффективно функциони-

рующие предприятия, организации и учреждения располагают в своем штате специалистами, обладающими высокой профессиональной квалификацией, способными к инновационной деятельности в рыночной экономике. Такая ситуация не способствует внедрению результатов теоретического знания, развитию социального и человеческого потенциалов.

У нас по-прежнему вся *архитектура социально-экономической системы строится из человека, а не для человека*. В такой социальной архитектуре и экономике человек рассматривается в качестве объекта и необходимого рабочего ресурса.

В новом тысячелетии особенно актуальна и остра главная проблема — **проблема целей развития**. Сегодня мы должны, наконец, признать, что устойчивое развитие экономики — лишь необходимое, но не достаточное условие развития человека, общества и социальной инфраструктуры.

Главной целью социально-экономического развития всей системы «человек — общество — государство» является всестороннее, сбалансированное развитие человека, расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциалов. В социально ориентированной инновационной экономике человек — главная цель и наивысший приоритет социально-экономического развития.

Поэтому вполне закономерно, что выступая на Пятом Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 года, Д. Медведев сформулировал следующую стратегическую цель социального развития России: «Современной экономике должна соответствовать современная политика социального развития. Главным ее объектом должны стать не конкретные отрасли социальной сферы (мы это уже проходили), а каждый гражданин, каждая отдельная семья. И вокруг них и должны гармонично выстраиваться системы здравоохранения, образования и социальной поддержки, должны создаваться широкие возможности для самореализации людей» [1].

Настоящая работа продолжает цикл публикаций, посвященный системному исследованию социального потенциала — фундаментальной категории, характеризующей совокупные возможности и способности общества, социальных групп и индивидов к жизнедеятельности и труду. В публикациях этого цикла автор стремится теоретически обосновать, что *целенаправленное всестороннее, сбалансированное развитие человека и семьи, расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциалов — главная цель и наивысший приоритет социально-экономического развития современной России*. Социально ориентированное развитие экономики и общества должно быть направлено на достижение указанной цели.

Социальное пространство

В работе автора «Социальный потенциал: системное исследование и анализ развития» [2] была исследована структура социального потенциала и показано, что он формируется и воспроизводится в *социальном пространстве*. Под социальным пространством понимается «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» [3], т.е. такое пространство, которое, не будучи физическим, «стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [4], включая в себя все поля социальных взаимодействий: *экономики, культуры, права, науки, информации, религии* и другие. Структура социального пространства порождается и изменяется в результате взаимодействий его полей.

Поскольку социальный потенциал формируется и воспроизводится в социальном пространстве и порождающих его полях социальных взаимодействий, целесообразно и полезно исследование их структуры. Полный анализ структуры социального пространства, совокупности порождающих его полей и их сложных межполевых социальных взаимодействий, к сожалению, выводит за пределы данной работы [5]. В настоящей работе мы ограничиваемся исследованием социальных взаимодействий в полях экономики, культуры, науки и информации, глобальных и локальных полей, а также соответствующих отношений, возникающих в результате социальных взаимодействий.

Поле социальных взаимодействий (социальное поле) рассматривается нами как подпространство социального пространства, определяемое ансамблем различий активных

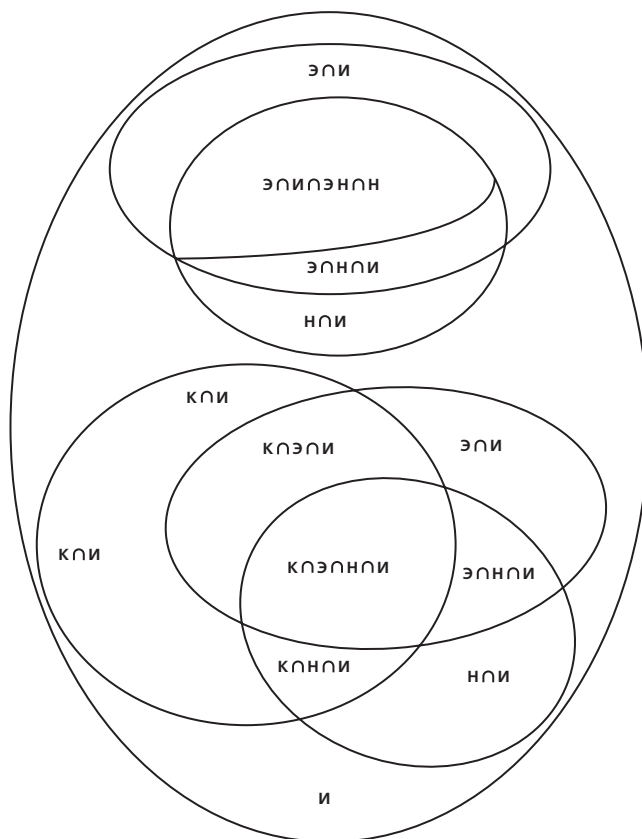
свойств, обуславливающих его специфику и отличие от любого другого подпространства. По существу, социальное поле есть специфическая структурированная система отношений между различными *позициями индивидуальных или групповых агентов*. Позиции агентов в нем обусловлены как структурой социального пространства в целом, так и структурой данного поля, и по существу мало зависят от физического существования занимающих эти позиции агентов. Каждой позиции агента в структуре социального поля и социального пространства соответствуют: во-первых, общий объем его капитала, во-вторых, структура капитала, т.е. относительный вес различных видов капитала в их совокупности, и, в-третьих, особенности расходования капитала, определяющие типы социальных взаимодействий [6]. Позиция агента в структуре социального поля и социального пространства определяет его статус в данном поле и в социальном пространстве.

Таким образом, при синхронном рассмотрении социального пространства каждое поле предстает как *структурированное подпространство позиций* его агентов. Итак, *социальное поле* — это область социального пространства (социальное подпространство), в которой проявляют себя достоверно зарегистрированные, доступные объективному измерению или достоверной экспертной оценке позиции взаимодействующих агентов.

Социальное поле — это социальное подпространство, в котором реализуется один тип или малое число типов социальных взаимодействий и отношений [7].

В настоящей работе исследуются поля экономики, культуры, науки, а также поле информационных взаимодействий и информатики, структура которых представлена на рисунке 1. Указанные поля были определены и подробно охарактеризованы в работе автора [2]. Поэтому, не задаваясь целью их подробного описания, мы концентрируем внимание на исследовании *структуры социального пространства*, основных свойств, характера и особенностей социальных взаимодействий и отношений, формирующих и воспроизводящих социальный потенциал.

Поле экономики — это поле действий и взаимодействий, которые осуществляются в процессах производства, обмена, распределения и потребления благ в условиях ограниченности имеющихся ресурсов и формируют воспроизводящиеся экономические отношения [8].

Э – поле экономики;
К – поле культуры;
Н – поле науки;
ЭН – поле экономической науки;
И – поле информационных взаимодействий и информатики;
Н – символ пересечения полей;
ЭНИ – поле взаимодействий экономики и информатики;

ННИ – поле взаимодействий науки и информатики;
КНИ – поле взаимодействий культуры и информатики;
ЭННИ – поле взаимодействий экономики, науки и информатики;
КЭНИ – поле взаимодействий культуры, экономики и информатики

Рис. 1. Структура взаимодействующих социальных полей

Поле культуры. По определению П.Сорокина, «в самом широком смысле слова культура обозначает совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или воздействующих на поведение друг с друга» [9]. Следуя Т.Парсонсу, под взаимодействиями в поле культуры мы понимаем межличностные взаимодействия акторов-субъектов [10], разделяющих общие ценности, нормы, убеждения и правила, их взаимодействия с социальными системами, а так-

же с символами и системами символов как объектами [11]. Взаимодействия в поле культуры обеспечивают производство, актуализацию, изменения и синтез, распределение, обмен и потребление культурных образцов и их элементов. Существенным условием таких взаимодействий является то, что акторы, признающие и принимающие некие ценности, нормы, убеждения и правила, сталкиваясь с другими акторами, которые не разделяют их, тем не менее сохраняют некоторые взаимоприемлемые нормы и правила взаимодействий. В результате культурных взаимодействий могут

производиться, воспроизводиться, актуализироваться, корректироваться и синтезироваться культурные образцы, нормы и их элементы, а также формироваться новая субкультура, поглощающая и трансформирующая образцы, нормы и элементы культуры в качественно новую сущность.

Поле науки — это поле действий и взаимодействий, нацеленных на выработку и обоснование, систематизацию, актуализацию и практическое использование объективных знаний о мире и абстрактных моделей, а также признаваемых научным сообществом методов познания, которые формируют систему воспроизводящихся научных действий, взаимодействий и отношений.

Социальные взаимодействия и отношения

Социальное действие — простейшая единица социальной деятельности. Под социальным действием понимается форма или способ решения социальных задач, проблем и разрешения противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных групп данного общества [12]. Рассматриваемое понятие введено в социологию М. Вебером для обозначения действия индивида, сознательно ориентированного на решение жизненных задач и проблем, разрешение противоречий, которое учитывает и анализирует прошлое, настоящее и/или будущее поведение других людей. Вебером определены основные (сущностные) признаки социальности действия: а) рациональная осмысленность действия (*meaningfulness*), т.е. субъективное осмысление индивидом или социальной группой состояния объектов внешнего мира, наличия средств и ресурсов, необходимых для достижения цели; б) сознательная ориентация субъекта социального действия на ответную реакцию — возможные варианты поведения других людей, вступающих с ним во взаимодействие и последствий собственного поведения.

Вебер определял социологию как науку, которая стремится интерпретировать смысл действия.

Веберовская концепция социального действия получила дальнейшее развитие в теоретических трудах американского социолога и социального психолога Дж. Г. Мид и крупного американского социолога Т. Парсонса.

Дж. Г. Мид определял действие с использованием таких его составляющих, как импульс, определение ситуации и совершение (действия).

Американский социолог Толкотт Пар-

сонс (Т. Parson) обобщил и развил веберовскую концепцию социального действия и идеи Дюркгейма, разработал теории социального действия и социальных систем, которые оказали огромное влияние не только на американских исследователей, но и на представителей многих общественных наук, включая европейских ученых [13]. Ученый утверждал, что действие как основная единица социологического анализа включает: 1) агента или деятеля (*actor*); 2) определенную цель или будущее положение дел, на достижение которых оно направлено; 3) ситуацию, состоящую из условий и средств действия; 4) совокупность норм, направляющих действие и определяющих выбор средств.

Исходный элемент теории Парсонса — социальное действие — расширяющийся конструкт, последовательно вбирающий в себя все многообразие социологических понятий и концептуальных схем, а вслед за ними — понятий и схем культурологических и социально-психологических. Разработанную им теорию ученый назвал «теорией социального действия».

Понятие социального действия играет основополагающую роль и в социологической концепции французского социолога А. Турена, трактующего его как действие, совершаемое в процессе коллективного труда при создании материальных и нематериальных ценностей. Турен видит в социальном действии не только реакцию на определенную ситуацию, он подчеркивает смыслообразующий и новаторский характер социального действия, благодаря которому создаются новые социальные связи, институты и т.п. В трудах американского социолога, представителя социально-психологической школы интеракционистов Р.Г. Тернера получили развитие идеи, выработанные Дж. Г. Мидом. Тернер разделял убеждение интеракционистов в том, что складывающиеся в обществе отношения являются продуктами коммуникации. Так, он установил, что индивид, как правило, стремится сохранить свой социальный статус только в том случае, если ему удастся сохранить статус личный. Дальнейшее развитие понятие «социальное действие» получило в социологических концепциях польского философа и социолога, представителя гуманистического направления в социологии Ф. Знанецкого, американских социологов Р. Макайвера и Г. Беккера, немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса — видного представителя неомарксизма и Франкфуртской школы «второго» поколения теоретиков.

Развитию теории социального пространства, формирующих и воспроизводящих его полей социальных взаимодействий (социальных полей) посвящены работы одного из крупных французских социологов-теоретиков Пьера Бурдьё. Им были выработаны основные представления о социальном пространстве, полях социальных взаимодействий (экономики, культуры, религии, науки) и практиках [14], позволяющие выделять и исследовать различные формы социального потенциала: экономическую, культурную, религиозную, научную и другие, каждая из которых формируется и воспроизводится в соответствующих полях социальных взаимодействий и практиках.

Переходя к рассмотрению известной концепции П. Бурдьё социального пространства [15], отметим следующее существенное обстоятельство. Попытка придать развитие указанной концепции социального пространства, предполагая, что структура каждого социального поля сформирована, застыла и неизменна, приводит к теме *статических полей* и *статического социального пространства*. Такая конструкция, по-видимому, не обладает большой перспективой развития. Тем не менее, намереваясь развивать рассматриваемую концепцию социального пространства, мы не призываем отказаться от такого принципиально важного компонента социального пространства, как глобальное поле (экономики, культуры, информации, науки, религии и др.). Проблема в другом: необходимо понять, в результате чего и как трансформируется структура социальных полей и всего социального пространства? Мы полагаем, что введение в теорию таких новых объектов, как «сильное социальное поле» и «слабое социальное поле», «глобальное социальное поле» и «локальное социальное поле», а также некоторых новых теоретических конструкций позволит адекватно описывать динамику и трансформацию глобальных полей и всего социального пространства.

В настоящей работе мы стремимся преодолеть статичность социального пространства П. Бурдьё и создать новую теоретическую конструкцию, которая позволит построить *теорию динамического социального пространства (ДСП)*. С этой целью автором разработана концепция *динамического социального пространства*, в которой определены новые ключевые объекты, относящиеся к полям социальных взаимодействий, и новые типы социальных взаимодействий. Развивая разработан-

ную концепцию динамического социального пространства, автор надеется на реальность создания новой теории динамического социального пространства.

Изложение авторской концепции *динамического социального пространства* начнем с определения ее понятийного аппарата, включающего следующие новые понятия:

- «*социальная интерференция*» и «*социальная дифференция*» — понятия, которые будут использоваться в изучении социальных полей;
- *сильные и слабые взаимодействия* — вводимые в теорию новые типы социальных взаимодействий, обеспечивающие возможность определения и исследования новых объектов — *сильных и слабых социальных полей*;
- *сильные и слабые социальные поля*, сущностными характеристиками которых являются соответственно *сильные и слабые взаимодействия*;
- *локальные поля социального пространства*;
- наконец, не менее важным конструктом разрабатываемой теории служат такие ее объекты, как *слабые и сильные локальные поля*.

Все вышеназванные теоретические элементы и объекты будут использованы в разработке намеченной нами теории динамического социального пространства.

1. Социальные дифференция и интерференция

Для более полной и точной характеристики социального пространства, углубленного анализа его полей и межполевых взаимодействий необходимо различать характер социальных взаимодействий. Поэтому в последующем исследовании социальных полей и взаимодействий между ними будут рассматриваться два типа межполевых взаимодействий: **социальная дифференция** и **социальная интерференция**.

Социальной дифференцией [лат. *differentialia*] назовем такие социальные взаимодействия между полями, при которых каждое из взаимодействующих полей сохраняет относительную обособленность в социальном пространстве и не стремится к интеграции.

Примером социальной дифференции в поле экономики может служить такая конкуренция между производителями товаров или услуг, при которой каждый из них, сохраняя свои позиции в поле экономики, стремится сохранить свой сегмент рынка, своих потребителей и не стремится к интеграции с конкурентом. В качестве примера социальной

дифференции (в области социологии города) можно рассмотреть такие социокультурные взаимодействия между малыми городами, при которых рыночный обмен товарами ограничен, очень мала миграция (включая трудовую), практически отсутствуют культурные связи и т. п. В рассматриваемом примере все поля социальных взаимодействий таких городов (экономическое, информационное, научное, культуры и др.) почти не взаимодействуют, каждое из них сохраняет свою относительную обособленность в социальном пространстве и не стремится к интеграции. К сожалению, в настоящее время в России таких городов немало.

Социальной интерференцией [от лат. *inter* – взаимно и *ferio* – ударяю] назовем социальные взаимодействия между полями, при которых каждое из взаимодействующих полей, сохраняя частичную обособленность в социальном пространстве, стремится к усилению взаимодействий и интеграции.

Конкуренция между производителями товаров или услуг, при которой одна из конкурирующих организаций укрепляет и расширяет свои позиции и свое локальное поле в глобальном поле экономики путем добровольного соглашения или принуждения одного или нескольких конкурентов к слиянию (объединению), в результате которого объединенная организация не только сохраняет, но расширяет свой сегмент рынка, численность потребителей своих товаров или услуг представляет собой социальную интерференцию.

Примерами социальной интерференции в поле образования могут служить созданные в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 4 ноября 2006 г. № 1518-р Сибирский федеральный университет (СФУ) и во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 1616-р Южный федеральный университет (ЮФУ).

Сибирский федеральный университет (СФУ) объединил четыре крупных вуза – Красноярский государственный университет, Красноярский государственный технический университет, Государственный университет цветных металлов и золота, Красноярскую государственную архитектурно-строительную академию. Южный федеральный университет создан на базе Ростовского государственного университета, путем присоединения к нему Ростовского государственного педагогического университета, Таганрогского государственного радиотехнического университета и академии архитектуры и искусств.

В результате создания Южного и Си-

бирского федеральных университетов, были существенно расширены локальные поля, порожденные деятельностью каждого из них в глобальном поле образования. Более того, сформированные новые поля образования имеют тенденцию к последующему укрупнению сформированного образовательного кластера.

2. Сильные и слабые социальные взаимодействия

Следующим пунктом намеченного плана является определение и исследование новых типов социальных взаимодействий – *сильных и слабых взаимодействий*, которые обеспечивают возможность введения в теорию новых объектов – *сильных и слабых социальных полей*.

Сильные социальные взаимодействия – это взаимодействия, при которых осуществляются как социальная дифференция, так и социальная интерференция, доминирует последняя, в результате чего объем занимаемого полем социального пространства возрастает и само социальное поле расширяется в нем.

Слабые социальные взаимодействия – это взаимодействия, при которых осуществляются как социальная интерференция, так и социальная дифференция, доминирует последняя, в результате чего объем занимаемого полем социального пространства уменьшается, а само социальное поле сжимается и стремится локализоваться в нем.

3. Глобальные и локальные поля социальных взаимодействий

Переходя к следующему этапу нашей теоретической модели, рассмотрим *глобальные и локальные поля социальных взаимодействий*.

Все поля социального пространства, рассматриваемые П. Бурдьё в его социологии социального пространства [16], – это *глобальные поля*.

Глобальным социальным полем мы называем такое социальное подпространство, в котором позиции агентов обусловлены как структурой социального пространства в целом, так и структурой данного поля, и по существу мало зависят от физического существования занимающих эти позиции индивидов. В таком поле реализуются в основном *сильные взаимодействия* – взаимодействия, породившие и воспроизводящие достаточно устойчивые отношения, благодаря которым существует само социальное поле с относительно устойчивой системой отношений между различными позициями индивидуальных или групповых

агентов. *Глобальное социальное поле* — это поле, которое при синхронном рассмотрении социального пространства предстает как *многомерное, структурированное подпространство относительно устойчивой системы позиций и отношений между его агентами*. Глобальное социальное поле существенно влияет на другие поля, формирует и сохраняет структуру всего социального пространства.

4. Локальные поля социально-го пространства

Углубленный анализ структуры социального пространства и его полей позволяет выявить и другие — *локальные поля*.

Локальное поле — это поле социальных взаимодействий, порожденное и существующее в результате взаимодействий между членами малой социальной группы.

5. Слабые и сильные локальные поля социального пространства

Продолжая рассмотрение локальных полей социальных взаимодействий, рассмотрим поля двух типов: *слабые и сильные локальные поля*.

Слабым локальным полем назовем поле социальных взаимодействий, порожденное и воспроизводящееся в результате таких взаимодействий между членами малой социальной группы, которые существенно не влияют на другие поля социального пространства. Слабое локальное поле — это поле слабых социальных сил, которые не оказывают существенного влияния на структуру других социальных полей.

Слабыми локальными полями являются поля социальных взаимодействий любой малой социальной группы (например, семьи), которые не нарушают установленных в обществе законов, норм, правил, традиций и не вызывают существенных возмущений в других социальных группах и полях. Слабые локальные поля существуют в глобальном социальном поле, не оказывая существенного воздействия на его структуру и не меняя ее.

Такие локальные поля слабо взаимодействуют как между собой, так и с глобальными полями, заполняя их «без гущений» (рис. 2.1), и не вызывают существенных изменений ни в структуре глобальных полей, ни в структуре социального пространства.

Сильное локальное поле — это поле социальных взаимодействий, порождающих относительно устойчиво воспроизводящиеся отношения между членами малой социальной группы, которые существенно влияют на отношения в одном или нескольких других по-

лях социального пространства. Социальные взаимодействия сильного локального поля порождаются такими социальными силами, которые существенно влияют, по крайней мере, на одно или более одного поля социального пространства и способны изменить его структуру (рис. 2.2).

Примеры позитивных сильных локальных полей: взаимодействия в научных, инженерно-технических, литературных, театральных и музыкальных школах. Крупные научные открытия и разработки, достижения в искусстве оказывают существенное влияние на развитие общества и многих других социальных групп. Выдающиеся представители научных, инженерно-технических, литературных, театральных, музыкальных и др. школ оказывают существенное влияние на развитие других областей (локальных полей) культуры, способны изменить вкусы, культурные нормы и критерии оценки произведений науки, техники и искусства.

Негативные примеры сильных локальных полей: поля взаимодействий между членами преступных группировок (наркотики, торговля оружием, контрабандисты), которые оказывают существенное влияние на многие другие поля социального пространства и социальные группы (молодежь, органы охраны правопорядка, медицинские, социальные организации, службы и др.).

В заключение работы обратим внимание на актуальность и приоритетность развития социального потенциала и социальных отношений, которые мы рассматриваем в их воспроизводственном аспекте. Полагая в качестве генеральной цели и наивысшего приоритета социально-экономического развития всей системы «человек — общество — государство» утверждение Президента России Д. А. Медведева о том, что «в современной экономике главным объектом должен стать каждый гражданин и каждая отдельная семья... а инвестиции в человека — это наш долгосрочный национальный приоритет» [17], следует признать главными и приоритетными целями всестороннее, сбалансированное развитие человека и семьи, расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциалов.

При такой парадигме расширяющееся воспроизводство социального потенциала выступает в качестве одного из ключевых факторов социально-экономического развития современной России.

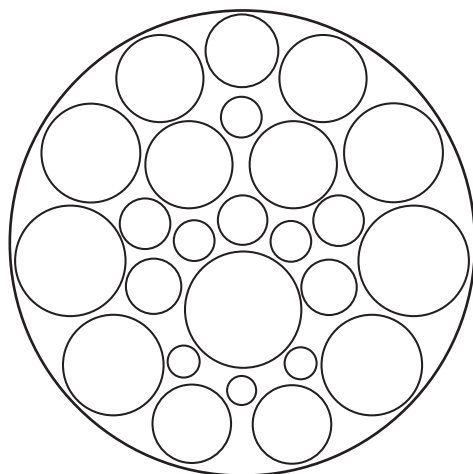
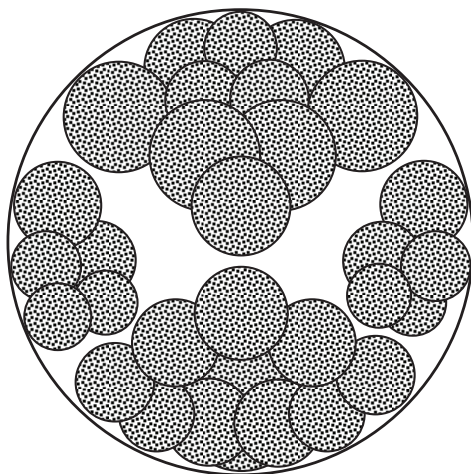

Рис. 2.1. Слабые социальные поля, локализованные в пространстве

- – слабое локальное социальное поле
- – сильное локальное социальное поле
- – пересечение сильных локальных социальных полей
- – социальный кластер

Рис. 2.2. Сильные социальные поля и кластеры

1. Медведев Д. А. Россия 2020. Главные задачи развития страны // Выступление на Пятом Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 года. Красноярск // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008. С.50.

2. Докторович А. Б. Системное исследование социального потенциала. Часть 1. Анализ структуры // Социум и власть. 2007, № 3 (15). С. 72–83.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 53.
4. Там же. С. 53.
5. Более полный анализ социального пространства и его полей представлен в трудах П. Бурдьё: Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Социология социального пространства / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Bourdieu P. Le champ scientifique / Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2–3. P. 88–104; Bourdieu P. Le champ économique / Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. № 119. P. 48–66; а также в фундаментальной работе Coleman J. S. Foundations of Social Theory. The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1990.
6. Так же понятие «позиция» определял А. Р. Рэдклифф-Браун: «Личность — это человеческое существо, рассматриваемое не как организм, а с точки зрения позиции, занимаемой в социальной структуре» [См.: Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе / Пер. с англ. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 17].
7. В представленной характеристике социального поля предполагается, что если число типов социальных взаимодействий и отношений, реализуемых в данном поле, превосходит единицу, оно все же мало — существенно меньше общего числа типов взаимодействий и отношений, осуществляемых во всем социальном пространстве.
8. Экономические отношения мы понимаем в широком смысле, включая в их совокупность социально-трудовые отношения. Поэтому в последующем изложении социально-трудовые отношения будут выделяться лишь в случаях их отдельного рассмотрения.
9. Цит. по: Волков Ю. Г., Добренчиков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология: учебник / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. 3-е изд. М.: Гардарики, 2006. С. 92.
10. Как отдельных личностей, так и социальных объектов и систем.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002. С. 550–551.
12. См.: Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 65; Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. академик РАН Г. В. Осипов. М.: Изд-во ИСПИ РАН, 1995. С. 164.
13. Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951. (Рус. пер.: Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.); Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York: Free Press, 1967.
14. См.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
15. См.: П. Бурдьё. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Социология социального пространства / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
16. См. те же библиографические источники.
17. Медведев Д. А. Россия 2020. Главные задачи развития страны // Выступление на Пятом Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 года. Красноярск // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 48, 50.

СОБСТВЕННОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ: СОЦИОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Н. В. ИВАНЧУК

Памяти Льва Наумовича Когана посвящается

Собственность является весьма сложным, внутренне противоречивым явлением. Она в одном из ее важнейших измерений – право на преимущество, выгоды для тех, кто ею владеет, отрицание равенства. Вместе с тем эффективно функционирующая система собственности не должна игнорировать глубоко укорененные в природе человека идеалы равенства, вступать в непримиримый конфликт с ними. Это может привести при определенных обстоятельствах к разрушению, казалось бы, самых сбалансированных и рациональных систем собственности. «Разрушительной силой любого общества всегда была группа людей, класс, лишенный собственности или насильственно ограниченный в праве на нее» [1].

1. Социолого-антропологический подход: актуальность использования его потенциала

В управлении собственностью, анализе ее проблем свою обоснованность, научную состоятельность доказали и продолжают доказывать такие подходы как экономический, юридический, философский, исторический, связанные со спецификой соответствующей области научного знания. О важности экономического и юридического подходов к изучению собственности говорить особо не приходится, ибо на сегодняшний день это наиболее развитые, давно сформировавшиеся и подтвердившие свою жизнеспособность подходы.

Следует подчеркнуть, что среди базовых ценностей выделенных президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, на которые российское государство опирается и будет опираться в дальнейшем – «безусловная защита собственности» [2]. Но и юридический, и экономический подходы, не обогащенные другими весьма важными аспектами анализа собственности, управления ею, не могут в полной мере раскрыть заложенного в них конструктивного потенциала, а в ряде отношений оказываются весьма ограниченными.

Социологическое и антропологическое –

одинаково важные измерения человеческого бытия, института собственности и управления ею. Однако и в теории, и на практике оба эти начала нередко не только не дополняют, не взаимоусиливают, а противостоят друг другу или живут своей независимой жизнью. Выделение антропологической составляющей в социолого-антропологическом подходе, включение ее в него придает этому подходу онтологическую глубину, делает его не только более конкретным, но и более универсальным. В идеале социология собственности должна быть, на наш взгляд, антропологичной, а антропология – социологичной при рассмотрении важнейших социальных проблем, в том числе и связанных с собственностью.

Антропогизация социологии позволяет более взвешенно, реалистично осмысливать многие социальные феномены, в том числе процесс социального взаимодействия, который играет исключительно важную роль в возникновении и функционировании такого социального института как собственность. Она – важнейший регулятор взаимоотношений между управляющими и управляемыми, между производством и потреблением, реальным и желаемым, абстрактным и конкретным.

Человеческий фактор обусловлен множеством других, взаимодействует с ними. Но вместе с тем он самоценен и способен как «продуцировать» изменения, так и тормозить их. Почему происходит так или иначе – одна из загадок антропологической природы человека. Но в любом случае человек как данность не может быть «ни замещен, ни подменен, ни вытеснен» [3]. Но зачастую нередко это происходит. Замещенный, подмененный, вытесненный человек способен даже самым на первый взгляд позитивно развивающимся процессам придать деструктивную направленность, имитировать то, что от него требуется, а делать прямо противоположное. Для повышения эффективности управления собственностью анализ такого рода проблем исключительно важен.

Но человеческое, антропологическое измерение собственности – при всей его важности – нельзя абсолютизировать, противосто-

поставлять другим ее измерениям. Чтобы это измерение оказалось действенным, продуктивным, а не только абстрактно-гуманным, необходимо его органично включать в другие аспекты реального функционирования собственности как многогранного экономического, социального, культурно-исторического института.

Практическая реализация в нашем обществе новой роли частной собственности, ее принципиально иного взаимодействия с другими видами и формами собственности требует глубокого социологического осмысления тех социальных процессов и их последствий, которые порождаются приватизацией, в том числе ее издержками, носящими как объективный, так в значительной мере субъективный характер. Приватизация должна обязательно рассматриваться в широком социальном контексте, не ограничиваться односторонними ведомственными подходами к ней. Такое понимание приватизации сегодня начинает утверждаться и находить многочисленных сторонников. «Приватизация — это акт, направленный на решение фундаментальных правовых и этических проблем, а также на достижение многих экономических целей, которые должны находиться в равновесии с политическими соображениями и ограничениями» [4].

Приватизация призвана решать — наряду с практической реализацией многих других задач — и проблемы, сконцентрированные вокруг социального поля, которое условно можно обозначить как социология морали. Этим проблемам уделяется пока гораздо меньше внимания, чем сугубо экономическим или правовым вопросам приватизации. Но становится все более очевидным, что, например, представления о «справедливом — несправедливом» у разных групп населения весьма существенно различаются. А недооценка этих различий, не говоря уже об их игнорировании, создает серьезные проблемы для легитимации формирующихся сегодня отношений собственности.

Для стабилизации российского общества, осуществления назревших изменений важно, чтобы его стратегические ориентиры имели прочную не только экономическую, политическую, но и социолого-антропологическую основу. Один из таких стратегических ориентиров — идея подвижной иерархии. Она требует дальнейшего развития и обоснования. Из нее проистекает важный вывод о том, что собственность и собственники об-

разуют целостную систему, в которой одним ее элементам принадлежит доминирующая, а другим — подчиненная роль. Но иерархии — отнюдь не застывшие и постоянно развивающиеся образования. «Отсутствие мобильности порождает или усиливает состояние, которое в социологии получило название “депривация”, когда у людей возникает чувство собственной неполноценности и обездоленности вследствие отсутствия возможности улучшить свое материальное положение и социальный статус» [5].

В обществе подвижной иерархии исключительно важное значение имеет формула: «ради сохранения единого ни одним из его фрагментов пожертвовать нельзя» [6], ибо сами фрагменты, даже если «они не равны, но равноценны». Однако нельзя не учитывать, что в современном российском обществе укоренены, пустили глубокие корни идеи прямо противоположные: ради счастья и процветания одних социальных групп можно пожертвовать интересами и благополучием других — среднего класса, крестьян, бедных, пенсионеров, молодежи. Хотя эти идеи не всегда открыто провозглашаются, но их сторонники — отнюдь не редкое исключение. Отказ от такого рода философии и соответствующей ей практики управления требует больших усилий и со стороны государства, и самого общества.

Реалистично осмысливая природу человека в единстве ее антропологической и социальной составляющих, мы можем более умело, эффективно управлять различными явлениями и процессами, в том числе отношениями собственности, в которых эта природа в полной мере проявляется.

2. Собственность как система социальных институтов и их взаимодействий

Социолого-антропологический подход к собственности и управлению ею взаимодействует с институциональным и неинституциональным и многими другими подходами, что ведет к их взаимообогащению, более глубокому и всестороннему пониманию проблем собственности. Социальные институты в их современном социологическом понимании — важнейший компонент социальной структуры общества. Они интегрируют и объединяют, направляют множество индивидуальных действий людей. Собственность — один из самых фундаментальных, базисных институтов. Но она в свою очередь взаимодействует с множеством других и может быть содержательно раскрыта как совокупность системы социальных институтов. Анализ собственнос-

ти как системы институтов, учитывая ее многогранность, требует привлечения внимания к тем из них, которые по тем или иным причинам недооцениваются, а их управленческий потенциал не реализуется. Поэтому возможны самые разнообразные подходы к собственности как системе.

Собственность — это и нормоценностная система, свод законов и нормативных актов. Всегда важно отслеживать, как эта система работает, нет ли в ней перекоса в ту или иную сторону. Но собственность — это и совокупность ее организационных форм. Она для ее успешного развития и функционирования нуждается в постоянном поиске наиболее действенных, результативных практик и способов хозяйствования. Сегодня в российской экономике утверждаются госкорпорации. Многие в них видят панацею от всех бед. Но так ли это? Раздаются и критические голоса. «Их создание — не продуманная стратегия, а некий вариант ситуативного управления — “под” проект, проблему, чиновника» [7].

Госкорпорации как институт хозяйствования, как одна из форм организации экономической деятельности, на мой взгляд, вполне оправданы. Но есть опасность абсолютизации их роли, что может в перспективе привести к многим негативным последствиям. Известный английский социолог Э. Гидденс из всего многообразия социальных институтов выделяет четыре их разновидности: правовые, политические, экономические, а также язык, дискурс [8], который может быть включен в состав еще более широкого социального института, такого как культура.

Собственность как система социальных институтов их взаимодействий складывается из множества подсистем, таких как власть — собственность, политика и собственность, право — собственность, средства массовой информации, институты культуры и образования и собственность и других. Рассмотрим их.

Власть и собственность неразрывно взаимосвязаны. Но взаимоотношения между этими социальными институтами не остаются неизменными. Но именно власти в ее взаимоотношениях с собственностью зачастую принадлежит ведущая роль. Отечественные ученые Р. М. Нуреев и А. Б. Рунов трактуют процессы, протекающие в сфере отношений собственности, их взаимодействия с политической властью как эволюцию централизации при советской системе через упадок (номенклатурная приватизация 1987–1992 гг.) и разрушение (массовая приватизация

1992–1996 гг.) к институционализации новой власти — собственности [9], новых взаимоотношений между ними. Важно, чтобы эти новые взаимоотношения становились более конструктивными, социально ориентированными, служащими интересам самых различных слоев населения. Новые взаимоотношения между властью и собственностью требуют поиска более взвешенных социально ответственных практик и ориентиров взаимодействия между бизнесом, властью и обществом, чем это выражено в принципе «приватизация прибылей и национализация убытков» и других, аналогичных ему.

Учитывая такую особенность российской ментальности как повышенное внимание к вопросам распределения и перераспределения материальных и духовных благ, важно, чтобы и власть, и собственники своевременно осознавали опасность «перераспределительной лихорадки», состояния «перманентного перераспределения», на что совершенно справедливо обращается внимание ряда российских ученых [10].

Сегодня для дальнейшего развития отношений собственности необходима их экономико-юридическая определенность. Размытость отношений собственности — важнейший источник «извлечения доходов для властных кланов». Одним из самых серьезных препятствий на пути формирования новых институциональных отношений между властью и собственниками является коррупция. С одной стороны, коррумпированная власть тянет деньги из бизнеса, а с другой — сам бизнес коррумпирует органы власти» [11], подчеркнул руководитель российского государства на встрече с малыми предпринимателями г. Гагарина Смоленской области. Многообразны средства и приемы, используемые для того, чтобы «кошмарить» малых и средних предпринимателей. Это и рейдерские захваты их собственности, которые перекинулись с крупной собственности, крупных предприятий на малые, и произвольно устанавливаемая чиновниками непомерная плата за аренду помещений и т. д.

Как разорвать тот порочный круг, о котором речь шла во время встречи президента с малыми предпринимателями г. Гагарина? «В структуре бюджетов всех уровней до 35–40 % составляют налоговые доходы от использования имущества. Это приводит к очень серьезным злоупотреблениям. Шкала арендной платы по каждому помещению иногда составляет 15, 20, 30 пунктов. Чиновник

имеет право выбрать, какой пункт употребить в каждом конкретном случае. И когда чиновник выбирает, он далеко не всегда руководствуется публичным интересом. Во всех случаях, где властные функции соседствуют с хозяйственными, возникает коррупция», – считает В. Плескачевский, председатель комиссии Государственной думы РФ по собственности [12].

Хорошо известно: между легкостью совершения тех или иных правонарушений и их частотой имеется прямая связь. Зачем отечественному чиновнику создавать дополнительные соблазны для коррупционного поведения? Власть должна жить за счет налогов, а не выполнения хозяйственных функций. Такой подход в случае его практической реализации перекроет один из важнейших источников коррупции. Не менее важно для формирования новых отношений собственности взаимодействие политики и собственности, формирование и реализация политических курсов, активно воздействующих на становление этих отношений. «После многолетнего опыта приватизации в России можно констатировать, что задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики страны решена не была» [13]. Но и возврат к прежней, доприватизационной модели собственности, конечно, невозможен. В этой ситуации роль политики, кредо которой ряд ученых формулирует как «трансформировать, не разрушая», имеет огромное значение.

Необходим постоянный поиск баланса интересов различных субъектов собственности: государства, крупных собственников, средних и малых предпринимателей, лиц наемного труда. В такого рода политике и политических курсах обязательно должно найтись место технологиям, направленным на блокирование управленческих и иных практик необремененности ответственностью одних групп собственников перед другими и собственников в целом перед обществом.

Поскольку собственность – это и подсистема культурных, образовательных институтов, формирующих как отношение к отдельным видам и формам ее, так и к собственности в целом, важно реалистически оценивать деятельность этих институтов, повышать эффективность их усилий в этом направлении. Особая роль в этом процессе принадлежит СМИ как государственным, так и частным. Однако непроясненность ряда важных стратегических вопросов развития собственности, например, к какой оптимальной для него

модели соотношения, баланса различных видов собственности должно стремиться наше общество, ангажированность самих СМИ, нередко присущая им, и ряд других причин и факторов приводят к тому, что они не только несут новые знания, новое видение и понимание отношений собственности, но и воспроизводят элементы конфронтационной культуры, от которой так важно практически любому социальному институту дистанцироваться.

В формировании отношения к собственности необходимо выявлять и раскрывать потенциал особого вида институтов, а именно – самообразования, самовоспитания, самоидентификации. Но о них даже в специальных научных работах, посвященных проблемам собственности, речь обычно не идет. Образование и самообразование неразрывно взаимосвязаны. Первое не только не отрицает роли второго, напротив, актуализирует эту роль. Без самообразования очень трудно эффективно управлять собственностью в силу ее сложности, многогранности, противоречивости, недостаточной изученности даже в наше время – время повсеместного возрастания роли научного знания.

Формирование отношения к собственности, адекватного новым экономическим и социальным реалиям, окажется тем эффективнее, чем полнее и глубже оно станет учитывать не какие-то отдельные черты ментальности, культуры того или иного народа, а всю совокупность этих черт. «К особенностям российского менталитета традиционно относят пониженное внимание к ценностям этой жизни, к индивидуальной личности, собственности, к праву как гарантированию свободы и достоинства личности при акцентировании идеи справедливости, идеала нравственного героя, способного к самоотречению, к страданию, за правду», – отмечает Г.Л. Тульчинский [14].

У этих особенностей – свои несомненные достоинства. Но нельзя не видеть теневых сторон этих особенностей. Они создают исключительно благоприятную, «искусительную» духовную среду для самозванства, для узурпации чужого места в мире, чужой собственности, для оправдания насилия» [15]. Борьба с захватом чужой собственности, неуважением к собственности как таковой независимо от ее принадлежности репрессивными методами нужно. Но их одних явно недостаточно. Необходимо постоянное создание культурных основ жизни, их развитие и совершенствование. Даже в принципе не очень привлекательным чертам, которые укоренились в нашей мен-

тальности, например, предрасположенности к крайностям, можно придать созидательную направленность. «Пусть будут у нас герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святые, наконец. Пусть снова страна наша будет родиной востоковедения, страной “малых народов”, сохранения их в “красной книге человечества”. Пусть безотчетное стремление отдавать всего себя какому-либо святому делу, что так отличало русских во все времена, снова займет достойное место...», — отмечает Д. С. Лихачев [16]. Однако подвижников, людей, преданных высоким идеалам и служащих им, в нашей стране и в ее регионах станет гораздо больше, если эти люди перестанут жить в бедности, не будут обречены на постоянную фрустрацию и материальные лишения, что так часто было уделом многих в прошлом и еще не редкость сегодня.

Исключительно велико в формировании отношений собственности значение религии как важнейшей составляющей культуры и влиятельнейшего социального института. Каждая из конфессий накопила огромный опыт в решении этой задачи. Характеризуя особенности русского православия, Лихачев выделяет такую из них. Оно «в своих лучших формах является выражением радости в большей мере, чем чего бы то ни было другого, радости благодарности Богу» [17]. Благодарность всевышнему за дарованную человеку жизнь, предоставленную ему возможность ощутить полноту и совершенство бытия ценны не только сами по себе. Они — противовес культуре Мамоны, обогащению любыми средствами, в том числе ценой попраяния и уничтожения человеческой жизни.

3. Язык — специфический социальный институт: роль научного дискурса собственности

В эффективности функционирования собственности, формирования отношения к ней исключительно важна роль языка, дискурса, хотя на первый взгляд такой вывод может показаться большим преувеличением.

Поскольку собственность — многообразные отношения между теми, кто обладает собственностью, и теми, кто ее не имеет, совокупность норм, правил, регламентирующих эти отношения, и т.д., то все эти отношения, правила, чтобы стать реально функционирующими, должны быть институализированы, выражены, закреплены в языке. Отсюда проистекает его исключительно важная социальная роль. Он отнюдь не вспомогательный,

второстепенный, а фундаментальный социальный институт. Как отмечает американский исследователь этих проблем Дж. Серл, «нет языка — нет статусной функции; нет статусной функции — нет институциональной деонтологии» [18]. Должное, деонтологическое только посредством языка и может быть выражено, ибо должное — это символическое, опосредованное, зачастую скрытое в глубине человеческого существования.

В научном дискурсе собственности обязательно должно найтись место таким концептам, как реальные и иллюзорные потребности, критерии их разграничения, институциональные разрывы в процессе развития и функционирования собственности, роль предрассудков, мифов в этом процессе и многим другим.

В научном дискурсе собственности особая роль принадлежит артикуляции и агрегации интересов различных видов и форм собственности, их взаимосвязи и здоровой конкуренции. Именно здоровая конкуренция выступает важнейшим противовесом абсолютизации различных форм собственности, что находит выражение и в теории, и на практике.

Здоровая конкуренция важна не только для различных отраслей материального производства, но и социальной сферы, сферы образования, здравоохранения, хотя долгие годы считалось, что общественная собственность, управляемая государством, функционирует и развивается если не безупречно, то почти безупречно и в каких-либо конкурентах не нуждается. В формировании новых отношений собственности в современных российских условиях позитивную роль могут сыграть идеи и подходы, например, «нового» русского либерализма конца 80–90-х гг. XIX в., идеологами которого стали П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, В. М. Гессен, С. А. Котляровский, Л. И. Петражицкий. «Оригинальность собственных позиций “нового” либерализма была связана с разработкой идей о взаимных правах и обязанностях человека и государства. Если старый либерализм настаивал на невмешательстве государства в деле гражданского общества, хозяйственную деятельность, то новый либерализм утверждал “правопритязание” каждого по отношению к государству и, соответственно, государства по отношению к своим гражданам» [19].

Современное российское государство и общество находятся в переходном состоянии, их дискурс еще не скоро полностью освободится от уже отживших элементов этого дискурса. Но процесс освобождения уже оче-

виден. Новый либерализм исходит из неизбежности частной собственности, но она не абсолютизируется, а вводится в определенный социальный контент, в пределах которого может быть эффективной: «Собственность оправдана как основание и гарантия личной свободы, монополизация собственности устраняет свободу частной инициативы» [20]. Большое значение для перспектив развития современного российского общества имеет положение нового либерализма, что собственность «не принадлежащая индивиду вещь, а основа его хозяйственно-предпринимательской деятельности и культурного творчества» [21].

Собственность должна постоянно создаваться. Этот тезис настолько важен, что должен быть, на мой взгляд, отнесен к стратегическим ориентирам развития нашего общества.

Любая форма собственности — какой бы совершенной она ни была — создается живыми, конкретными людьми, личностями. С точки зрения социолого-антропологического подхода, важнейшими свойствами человека, личности является неукротимое стремление «к самореализации собственного жизненного потенциала, к самоудовлетворению своих витальных, духовных и социальных потребностей, к самоутверждению свое-

го Я как полноправного субъекта социальной деятельности» [22]. В современном научном дискурсе собственности «самость» не только не выносится за скобки, а является важнейшей составляющей этого дискурса. Нет такого вида собственности, который мог бы быть эффективно действующим в силу неких «имманентно» присущих ему законов и тенденций, без активного участия в этом процессе как управляющих, так и управляемых.

Сегодня становится очевидным, что легитимация отношений собственности, признание и их закрепление не на формальном, а на глубинном уровне сознания и поведения требует такого дискурса, в котором социальной справедливости и справедливости вообще принадлежит одна из ведущих ролей. Стремление к устроению идеальных отношений укоренено в природе человека. Этих отношений может не быть «здесь и сейчас». Но важно, чтобы такие отношения оказались реальными в будущем.

Социолого-антропологический подход к анализу собственности в целом и ее дискурсу в частности содержит значительный потенциал для повышения эффективности управления как отношениями собственности, так и многими другими социальными процессами.

1. Загингирова Э. И. О разрешении противоречий собственности (историко-эволюционный подход) // Управление собственностью: теория и практика. 2007. № 1. С. 60.
2. См.: Российская газета. 4 июля 2008 г. С. 2.
3. Танатова Д. К. Антропологический подход к социологии: монография. 2-е издание. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. С. 171.
4. Указ. соч. С. 380.
5. Туманян А. Средние слои как стержневая составляющая социальной структуры общества // Власть. 2008. № 4. С. 45.
6. Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии // Человек. № 2. 2007. С. 22.
7. Дементьев В. К дискуссии о роли госкорпораций в экономической стратегии России // Российский экономический журнал. № 1–2. 2008. С. 29.
8. См.: Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2003. С. 80.
9. См.: Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
10. Плискевич Н. М. «Власть — собственность» в современной России: происходящие и перспективные мутации // Мир России. № 3. 2006. С. 98.
11. См.: Российская газета. 1 августа 2008. С. 2.
12. Плескачевский В. Приватизация начинается... // Наша власть: дела и лица. № 4 (84). 2008. С. 34.
13. Петраков Н. Укрепление прав собственности: трансформировать не разрушая // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 64.
14. Тутьчинский Г. Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология // Человек. 2005. № 5. С. 45.
15. Указ. соч.
16. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 6–7.
17. Лихачев Д. С. Об особенностях русского православия // Звезда. 2006. № 11. С. 8–9.
18. Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 18.
19. Карипов Б. Н. Сущность и основные черты русского либерального классического дискурса // Вестник Московского университета. Сер. 12. 2008. № 2. С. 99.
20. Указ. соч. С. 100.
21. Там же.
22. Танатова. Указ. соч. С. 21.

РОССИЙСКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОДА ВЛАСТИ

А. В. АВРАМОВ

История общества — это история его коммуникации. На первый взгляд, это утверждение кажется ложным. Но если вспомнить историю, то обнаруживается прямая взаимосвязь, которая указывает на то, что коммуникация — это первая форма организации социума, его инструмент и обязательное условие существования. Нет ни одной биологической системы, которая бы не была структурирована той или иной формой коммуникативного процесса. Как указывает У.Эко: «Коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика — это глобальная коммуникация, учреждающая культуру и, стало быть, общественные отношения» [9, с. 530]. Более того, формирование дискурса является не только условием существования социума и всех общественных практик, но и сама коммуникация зависит и организуется этой практикой. «Только дискурс связывает технические, экономические и политические условия в функциональную сеть функциональных практик, которые затем служат для воспроизводства и самого дискурса, и этой сети» [8, с. 280]. Таким образом, человеческий социум является системой только в той мере, в какой развита его коммуникация, а характер этого развития определяется организацией его коммуникативного действия. Отсюда можно заключить, что аутопойезис общества является детерминированным соответствующим аутопойезисом коммуникации.

В любом обществе огромную роль для организации его солидаризации играет суггестия социального коммуникативного акта, который порождает отношения различия на субъективном уровне через различие первого порядка, а именно — транслируемой социально значимой информации. Таким образом, поле суггестивности определяет предел сообщения, развивающегося в границах одного коммуникативного кода. Все это формирует как субъективные, так и объективные, не зависящие от субъекта нормы и ценности, которые включаются в смежный коммуникативный код как аттракторы, или как бинарно-оппозиционные пары понятий, через которые

выстраивается коммуникативный дискурс с соответствующей последующей тематизацией и определенной, зависящей от уровня кодирования, темпорализацией дискурсивной практики, которая находит свое отражение в организации внешней социальной системы. При этом, следует заметить, что «ценности в коммуникации предполагаются, передаются совместно с прочим, но не становятся предметом коммуникации. Они активируются только в качестве предпосылок, но не утверждений (...). Сами по себе ценности суть, прежде всего, лишь предпочтения» [3, с. 229].

К ключевым и необходимым ценностям любого общества, а, следовательно, и коммуникации относится и феномен власти. При этом проблема концептуализации кода власти отражает не только политическую необходимость и возможность локальной культурной практики, но и формализует и определяет мировоззренческие приоритеты эпохи и социума. Как заметил Ю. Хабермас: «Власть — это то, что позволяет субъекту оказывать успешное воздействие на объект. При этом практический успех зависит от истинности суждений, входящих в план действий; понятие власти зависит от понятия истины, и этот тезис локализует значение критерия практического успеха» [8, с. 286]. Таким образом, будучи детерминированным условиями возможности коммуникативного кода, власть как феномен определяется историей тематизации социальной коммуникации. Исходя из темпоральных границ тематизации, власть получает свои социальные ограничения, которые обуславливают как структуру государственного устройства, так и формы ее изменений.

Обращаясь к истории государства как определенной коммуникативной действительности, не трудно заметить сменяющиеся и чередующиеся организационные формы. В общественно-политической мысли присутствует теоретическое решение возможности и необходимости такого процесса. При этом в зависимости от коммуникативного кода той или иной социальной парадигмы решение выстраивается на основании базовых бинарно-оппозиционных понятий, структурирую-

щих весь парадигмальный дискурс. Обращение к бинарно-оппозиционным понятиям, как основе развития любой коммуникации предопределено возможностями самой организации такой структуры. «Бинарные структуры предопределяют существенные темпоральные преимущества: они предоставляют самую быструю возможность для упорядочивания результатов запоминания. Поскольку язык уже является бинарно-кодированным, бинарные структуры способны быстро актуализироваться» [4, с. 176]. Обнаруженные взаимосвязи между системами коммуникации, сознанием, социумом и языком позволяют определять их взаимосвязь и взаимовлияние. Так, например, Н. Луман, рассматривая социальную дифференциацию через анализ развития коммуникативного кода, подчеркивает: «Кодирование управляет колебанием между позитивным и негативными значениями, т.е. контингентной оценкой, на которые система ориентирует собственные операции» [3, с. 176]. Вместе с тем, решение проблемы темпоральности и очередность государственного устройства практически не генерализируется. Выход из тупика полипарадигмальности существующих социальных теорий обнаруживается в коммуникативном начале, а именно — коммуникация, являясь имманентной основой социума, порождает отношение с внешними системами, такими как сознание и природа. При этом в основе коммуникации лежит не только факт интеракции, но и различие, порождающее различие, т.е. информация. Информация основывается на способе интерпретации, который зависит от принятого коммуникативного кода. В основе каждого кода существует некий «скелет», определяющий устойчивость и структурированность возможной селекции. При этом сам «скелет» является неизменным и сопряжен со структурой сознания, таким образом, код становится всеобщим правилом развития не только коммуникации, но и социума. Различная темпоральность в решении социальных задач и отношений к феномену власти определяется как базисом коммуникативного кода, так и опытом межкультурной коммуникации, приводящей к изменению селективной практики через порождение возможных коннотаций, заимствованных от других коммуникативных практик в рамках единого предметного дискурса. Значение межкультурной коммуникации невозможно переоценить. Ее нельзя охарактеризовать определенно — ни с положительной, ни с отрицательной стороны. С од-

ной стороны, как утверждает К. Леви-Стросс: «Чем меньше человеческие культуры могли общаться между собой, а, следовательно, уничтожать друг друга во взаимных столкновениях, тем меньше их представители были способны замечать богатство и значение этого разнообразия» [2, с. 45]. С другой стороны, многообразие культурного опыта порождает соответствующее многообразие культурных решений, что, в свою очередь, приводит к возрастанию комплексной сложности как социума, так и коммуникации. «Единой введённое кодирование — как момент аутопойезиса языковой коммуникации — уже не может быть отброшено. Его воздействие усиливается вместе с возможностями языковой коммуникации, т.е. вместе с обществом. Чем больше (благодаря развитию семантики сложности) предуготовлено возможность выражения и понимания, тем больше порождено и сопровождающих побуждений, и их отклонений» [4, с. 59]. Отсюда следует, что наблюдаемая в обществе диалектика власти и государства подчинена двум началам, а именно: эндогенным — определенным онтологической сущностью коммуникативного кода, так и экзогенным — опыту межкультурной коммуникации.

Рассматривая каждую культуру как самобытную форму общественного бытия и организации сознания его субъектов, приходится заключать, что все многообразие культур имеет некую общую систему, на основании которой можно систематизировать не только культуры, но и коммуникативные практики. Так, русская культура, с ее особой ментальностью, часто определяемая как душевная, характеризуется неким вектором срединного отношения между духовным и материальным началом. При этом такая характерная черта определяет и отношение в культуре к власти. Сохранение уникальной клишированной [1] культуры способствует сохранению устойчивого отношения и к власти, и ее структурам в общественной коммуникации. Изменение в результате межкультурной коммуникации и ассимиляция признаков вариативности привносит в характер культурной коммуникации и отношений в социуме особое унифицированное отношение к власти. Для большинства стран, которые традиционно позиционируются как государства Запада, унификация является возможным и где-то даже необходимым условием интеграции в единое мировое общество. Но для России такая унификация является практически невозможной, так как

исторически обусловленное расположение между крайними полюсами культурных текстов, а именно — между Западом и Востоком, или — между сенситивной [2] и идеациональной [3] культурами, сформировало определенную позицию медийного транслятора, обеспечивающего коммуникацию между крайними формами. Именно устойчивость исторического места российской культуры накладывает свои отпечатки на попытки вариативизировать культуру России. Так, например, практика общественных отношений к политическому лидеру как некоему идеалу, образцу проявления власти, представляющему квинтэссенцию культурных, а значит, и коммуникативных ожиданий отличается в России от опыта аналогичных ожиданий других культур. Стремление, с одной стороны, к политическому плюрализму, а значит, созданию релевантных отношений в межкультурной коммуникации, к организации российской политической действительности на основе демократических начал отражается в декларировании западных образцов культурной селекции. Вместе с тем принадлежность к идеальной, с точки зрения срединной культурной формы, как равновесной между идеациональной и сенситивной культурами, создает уникальную ситуацию в коммуникации. С одной стороны, — опыт Запада в построении демократического государства, основанный на сенситивной системе ценностей, вступает в противоречие с культурной традицией ожидания идеального, строгого и справедливого правителя, привносит изменение в опыт российского демократического строительства. С другой стороны, генетическая и межкультурная взаимосвязь с восточной, а значит, тяготеющей к идеациональному типу культурой, порождает внутренние противоречия, отражающиеся в опыте построения культурного текста. Учитывая архетипические приоритеты, связанные с сугубо российским опытом демократического строительства, инновации западной коммуникации в области политических решений не позволяют ожидать однозначного опыта реализации демократических институтов. Свидетельством этому служит вся современная политическая история Российской Федерации. Так, например, анализ прошедших в декабре 2007 года выборов в Государственную думу ясно указывает на ряд характерных особенностей российской политической коммуникации. Так, партия власти — «Единая Россия» — в своей предвыборной программе четко позиционирует себя

как партия Путина. Программа партии, в глазах общественного сознания, определяется как программа Путина. Даже символическая презентация партии выражается через образ Владимира Владимировича Путина. Таким образом, современные политтехнологи обнаружили успешную стратегию коммуникативного акта. Обращаясь к электорату, они задействовали сразу несколько коммуникативных кодов, посредством которых добились комплексного воздействия на сознание народа. Обращаясь к рациональным, основанным на уровне здравого смысла аргументам и символическим архетипическим структурам, они активизировали и сформировали в сознании общества целостность образа как партии, так и выбранного курса развития. Необходимость создания хотя бы на уровне симулякра видимости определенности и осознанности выбранного пути, как некоего устойчивого курса развития общества, порождено условиями развития современной информационной цивилизации, которая обрушивает на сознание субъекта гигабайты информации ежечасно. Запутанное и ограниченное сознание стремится выбраться из сложившегося хаоса информации, из усиливающегося коммуникативного шума, порожденного сверхактивной межкультурной экспансией. Проблема определенности экзистенции человека является основополагающей для жизни, как каждого субъекта, так и социума в целом. «Человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно. У него не было бы возможности ориентироваться и найти точку опоры, которая позволяет человеку классифицировать свои впечатления, обрушивающиеся на него» [7, с. 316]. Данная необходимость достаточно определенно выражена К. Р. Поппером в следующем высказывании: «Мы были бы испуганы, озабочены и не смогли бы жить в социальном мире, если бы в нем не было порядка, если бы он не содержал множества регламентаций (regularities), к которому мы приспосабливаемся. Простое существование этих регламентаций гораздо более важно, чем их конкретные достоинства и недостатки» [5, с. 224]. Единственной областью в современном мире, где возможен такой выход для консолидации специализированного субъективного сознания, является область политической коммуникации, которая, в свою очередь, опирается на положения, основанные на ак-

сиологических приоритетах интересубъективного сознания. Границы политической коммуникации наиболее тесно соприкасаются со структурами смежного коммуникативного кода, за счет чего обращение к ней любого субъекта становится достаточно свободным и не требует дополнительных усилий и времени для инкоммуникации [4] в соответствующий код. Более того, область политической коммуникации представляется субъективному сознанию областью с довольно ясной, пускай и кажущейся таковой, структурой, которая позволяет выработать субъективный опыт отношений к существующей культурной среде. Существует и определенная «субстанциональная» необходимость, определяющая доступность политической коммуникации любому субъективному сознанию, а именно — в отличие от других коммуникативных кодов, существующих в практике общекультурного дискурса, политическая коммуникация зависит от развития культуры соответствующей эпохи. Уровень развития соответствующей эпохи отражается в специфике функционирования коммуникации, а именно — любая коммуникация развивается в двух возможных направлениях — парадигмальном и синтагматическом. Парадигмальный вектор развития коммуникации обнаруживает возможный опыт через выстраивание базовых бинарно-опозиционных пар понятий в открывающемся, таким образом, поле коммуникации, где заложены все возможные тематизации дискурса, а значит, и социальной организации. Синтагматическое направление развития коммуникации открывает интеллигибельный горизонт возможного опыта, который выражается в глубоких рациональных построениях, опирающихся как на фундамент на общее поле, раскрытое парадигмальной бинарно-опозиционной парой понятий. При этом единство двух векторов развития определяет и мировоззрение, и, в целом, культурную картину всей эпохи, как в субъективном, так и в интересубъективном сознании. Таким образом, чем шире опыт социальной практики в употреблении синтагматического направления коммуникации, тем более определенным и структурированным предстает политическая коммуникация, не подверженная сезонным изменениям в своих приоритетах.

Тотальная информатизация и скоротечность становятся условиями успешной социальной и субъективной экзистенции. Информация в вариативной культуре становится главным товаром и, вместе с тем, об-

ладает ограниченной темпоральностью. Взаимосвязь культур основывает коммуникацию на тотальном господстве данных ценностей. Все это накладывает определенные ограничения на концептуализацию в интересубъективном сознании ценности и формы организации власти. Последствия такой активной межкультурной коммуникативной агрессии обнаруживаются в сугубо специфических формах культурного творчества, а именно — сочетание в интересубъективном ожидании противоречивых атрибуций самого феномена власти. Особенно остро проявляется это в специфике российской политической коммуникации. С одной стороны, вера в справедливость и демократичность власти, с другой, — ожидание жесткости и авторитаризма в фигуре и поступках политического лидера. Сам коммуникативный код, таким образом, обнаруживает свои темпоральные пределы. Специфика ограниченности такой практики основывается на базовых парах понятий, которые представляют собой не только слабо определенные и поэтому часто изменяющиеся коннотации данных понятий, но и возможной тематизации дискурсивной практики. Таким образом, коммуникация замыкается на области нравственных приоритетов, которые не соответствуют имманентным основам субъективного человека. Они так и остаются в области индивидуального опыта, а значит, и ограничены сознанием субъекта. Такое положение в политической и социальной коммуникации порождает и внешние противоречия, которые не только не способствуют стабильному поступательному развитию культуры, но и приводят к противоречиям в опыте межкультурной коммуникации. Последнее ведет к ограничению политических, экономических и социальных контактов, что переводит коммуникацию на уровень обособленного развития. Возникновение обособленности порождает множество противоречий, которые не позволяют российской культуре успешно интегрироваться в мировую культурную индустрию. При этом двухполярный мир Восток — Запад менее обособлен вследствие априорного положения как крайних точек дискурсивной практики, тогда как Россия обнажает противоречия каждой из сторон. Поэтому ни один из полюсов не может полностью интегрироваться с российской действительностью как областью, обнажающей внутренние противоречия каждого из коммуникативных кодов. Вместе с тем, объединяя в себе оба начала, российская коммуникация

обнаруживает скрытое величие самого человека, ибо только в ней субъект предстает как некая равновесная сущность. Как метко подметил А. Глюксманн: «Величие обнаруживается не в крайней точке, но в обеих крайностях одновременно, если заполнен весь промежу-

ток между ними» [1, с. 57]. Таким образом, специфика проявлений российской политической коммуникации в концептуализации феномена власти характеризуется как необходимая форма общечеловеческой практики культурного взаимодействия.

-
1. Глюксманн А. Философия ненависти/Андре Глюксманн; пер. с фр. А. Демина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 284, [4] с. (Философия).
 2. Леви-Стросс К. Печальные тропики/К. Леви-Стросс; пер. с фр. Г. Е. Сергеева. Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 576 с. (Классики психологии).
 3. Луман Н. Дифференциация/Н. Луман; пер. с нем. Б. Скуратов. М.: Издательство «Логос», 2006. 320 с.
 4. Луман Н. Эволюция/Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский. М.: Издательство «Логос», 2005. 256 с.
 5. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания/Карл Поппер; пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638, [2] с. (Philosophy).
 6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика/П. А. Сорокин. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
 7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности/Эрих Фромм; пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 635 [5] с. (Philosophy).
 8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне/Ю. Хабермас; пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 416 с.
 9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию/У. Эко; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.

Примечания

1. Клишированная культура — это культура, развитие комплексной сложности которой связано с единством природно-климатического, географического и национально-этнического начала. Традиции и ценности данной культуры входят в практику бытования всех сторон общественной и личной жизни ее субъектов и практически транслируются на уровне бессознательного начала, тем самым образуют уникальную архетипическую структуру.
2. Сенситивной культурой называется чувственная культура, считающая реальностью только то, что дано органам чувств [6].
3. Идеациональной культурой называется культура, воспринимающая реальность как нематериальное, непреходящее Бытие, цели и потребности которой в основном духовные [6].
4. Инкоммуникация — процесс усвоения и адаптации коммуникативного кода субъектом.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Н. Р. БАЛЫНСКАЯ

Об информационной сущности современного политического процесса рассуждают многие исследователи. При всем многообразии мнений относительно специфики циркуляции информации в политическом процессе практически все ученые сходятся в том, что информационный ресурс в сфере политики неправомерно ставить в один ряд с другими ресурсами. В рамках традиционной политологии считается: чем больше тех или иных ресурсов, тем политический процесс протекает интенсивнее. Например, чем больше экономических или социальных ресурсов у какого-либо субъекта, тем более действия этого субъекта значимы, заметны в политике. Если это страна (на международном, глобальном уровне), то она более развита, если это политическая партия (на общенациональном политическом уровне), то она более влиятельна.

Однако информационный ресурс принципиально отличается от всех остальных ресурсов в этом отношении: вопрос о том, много или мало информации, — это вопрос по значимости второй, а вот первый — есть ли информация в принципе? И, как показывают наблюдения, информация присутствует в любом случае, она отличается лишь своим качеством. Для того чтобы понять, какие качества информации определяют ее функционирование в политическом процессе, важно осознать: что мы понимаем под информацией, циркулирующей в рамках политического процесса, какими качествами обладает информация вообще и приобретение каких качеств делает ее информацией политической, чем отличается информация политическая от информации социальной, действующей в области политики. Решению этих задач и посвящена данная статья.

Существует множество интерпретаций понятия информации в современной литературе. Известный исследователь Г.Почепцов считает, что информация выступает основой построения информационного пространства, в котором существует каждый человек, «информационное пространство является ресурсом, порождаемым национальным информационным произ-

водителем, но в него разными путями вводится также ресурс, произведенный другой стороной. Информационному пространству характерна определенная закрытость, структурность» [1, с. 24]. В таком понимании информация сопровождает человека везде, и в политике — в том числе. Однако, по мнению исследователя, информация для каждой группы лиц дозирована и обладает собственной спецификой. Автор даже приводит определенную схему [1, с. 46]:

Первый уровень	Герой/антигерой
Второй уровень	Участник
Третий уровень	Зритель

На эту схему накладываются, по мнению Г.Почепцова, все российские политические избирательные технологии, где СМИ являются «проводниками». Цель — управление информационным пространством посредством введения в массовое сознание информационных структур с заранее прогнозируемым реактиванием на них. По мнению исследователя, главное — изменение модели мира. И в этом отношении значимым становится разработка сильной, эффективно работающей информационной инфраструктуры, которая позволит осуществлять активное порождение новых идей, дающих ответы на новые вопросы, поскольку мир вокруг нас быстро меняется.

Не противореча, в общем, стройной концепции, предложенной автором, поставим под некоторое сомнение вывод, к которому он приходит относительно создания «работающей информационной инфраструктуры». Если это новый механизм порождения информации в целях изменить существующую картину мира, то вряд ли это выход из ситуации. Если же речь идет о новом механизме самоидентификации человека в информационном пространстве — это механизм, требующий детального, всестороннего изучения.

На информацию как на «предпосылку действий любого политического субъекта и как на их важнейшее условие, позволяющее лю-

дям эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижений своих целей» смотрит исследователь А. И. Соловьев [2, с. 8]. В своих исследованиях автор ссылается на американского ученого К. Дойча, который ставил в зависимость эффективность деятельности властных институтов от их способностей к упорядочению информации и налаживанию осмысленных контактов между субъектами политических отношений [2, с. 9]. Эти контакты, по мнению А. И. Соловьева, ведут к установлению коммуникации. Исследователь отмечает, что в рамках политической сферы используемые совместно понятия «информационные и коммуникационные процессы» не одинаковы по значению. Так, первое и основное характеризует технико-организационную сторону обменных процессов. И в этом смысле информационные процессы рассматриваются как технологическая основа политической коммуникации. Сюда входит не только содержание сообщений, но и средства передачи информации, степень плотности потоков сообщений и другие аналогичные параметры, от которых непосредственно зависит качество коммуникации. Что касается понятие «коммуникации», то оно охватывает все аспекты субъективированного восприятия, истолкования и усвоения людьми информации, все грани процесса установления осмысленных контактов между отправителями и получателями политической информации и ее применения в соответствии с намерением субъектов. Взаимно дополняя друг друга, эти понятия раскрывают информационно-коммуникационные отношения как связующий политический процесс, в рамках которого происходит самоорганизация сферы политики и складываются предпосылки для искусственного управления политической системой.

К безусловным достоинствам данного подхода следует отнести то, что А. И. Соловьеву удалось через информационно-коммуникационные характеристики дать определение политическому процессу. Единственный вопрос, который возникает при анализе его концепции, сводится к следующему. Если информационно-коммуникационные отношения — связующий элемент в политическом процессе и они рождают предпосылки для искусственного управления политической системой, то следует предположить, что ранее, до технической революции, давшей возможность информации циркулировать с молниеносной скоростью в разных направлениях, управление политической системой было «не искусственно», то есть «естественно». Между тем, на протяжении

всей истории человечества мы наблюдаем картину, когда цель любой власти в любые времена — искусственное, то есть заранее целенаправленное управление политической системой. И даже в то время, когда такое управление определялось силой оружия, оно было именно «искусственным». Это означает, что информационно-коммуникационная сущность политического процесса заключается не в том, что создаются предпосылки для искусственного управления политической системой, а в том, что и сама система, и методы управления ею становятся качественно иными.

В качестве примера можно привести рассуждения И. Панарина о том, как действовал один из первых Комитетов по общественной информации под председательством Джоржа Криля. «Комитет Криля (его создал президент США Вильсон) начал свою работу, не имея под рукой никаких испытанных на практике методик СМИ. Приходилось постоянно импровизировать. Поскольку в те времена не было развитых в масштабах страны радио- и телесетей для быстрого распространения важнейшей информации, Комитет сформировал мобильные группы добровольцев, которые охватили почти 3000 административных графств по всей Америке» [3, с. 147]. Это, пожалуй, один из первых примеров, когда информация начинает «клонироваться» в массовом масштабе и когда политическая система становится быстро, предсказуемо управляемой. Но до этого времени нельзя сказать, что политическая система не управлялась. У того же И. Панарина можно найти множество примеров управления политической системой еще до того, как информация стала массовой в современном понимании.

С точки зрения исследователя, управляемость политических процессов была заложена в осознании народов себя как некой общности. Так выделились и обособились от других славянские племена. А «помогла» этому та же массовая информация, но распространяемая в виде верований, мифов, легенд. Этому посвящена целая глава «Исторические корни» в книге исследователя «Информационная война и геополитика». Все это выводит нас на совершенно иной уровень понимания информационной сущности политического процесса.

Вопрос об управляемости политического процесса важен, но он не является конечной целью исследования, хотя, без сомнения, важен для области практической политологии. Важно другое — понять не просто место и роль информации в политическом процессе, но и вид информации, а также выявить зависи-

мость протекания политического процесса от разных видов информации. Как прекрасно иллюстрируют примеры из книги И. Панарина, информация, определяющая «лицо» славянского народа на протяжении всей его истории, не всегда была массовой в современном понимании, то есть тиражируемой через разнообразные СМИ (газеты, журналы, радио, ТВ). Была и другая информация — мифы, легенды, песни, былины, сказания. И эта информация не меньше способствовала самоидентификации славянского народа и управляемости политическими процессами того времени.

Исследователь И. Панарин опирается на книгу древних славян, в которой были запечатлены верования народа, и во многом, по мнению ученого, именно в этом источнике следует искать источник самоидентификации славянского народа. Речь идет о Книге Велеса: «Это сборник, составленный из текстов, написанных в самое разное время и разными людьми, возможно, отстоящими друг от друга на тысячи и десятки тысяч километров и сотни тысяч лет. Это — не сборник гимнов и жертвенных заклинательных формул, как Веды или Авеста; это — не жития каких-либо святых или героев; это — не хроника или летопись. В этом сборнике есть почти все это, но понемногу. Это не княжеская книга (как «Слово о полку Игореве»), а книга для народа. Сборник этот составлялся не с хронологической целью (это не летопись); он проникнут идеей нравственности, воспитания, — всякий раз на основе примеров из древности. И это-то является одной из причин, почему тексты Книги Велеса местами фрагментарны и иногда мало связаны между собой сюжетно, но все они связаны содержащимся в них Духом, и его можно почувствовать, если вчитаться в эти тексты непредвзято. Дух этот — патриотизм, любовь к Руси» [3, с. 16].

Несмотря на некоторую пафосность отрывка, в нем, на наш взгляд, содержится ценнейшая для понимания поставленной проблемы информация. Именно тот Дух, о котором говорит И. Панарин, помогал на протяжении многих столетий славянскому народу осознавать себя как целостность, дистанцировать себя от других, передавать каким-то образом накопленные знания от поколения к поколению и не растерять через пространство и время ощущения единства. Подобные примеры, кстати, не так уж малочисленны. Например, современные социологи изучают подобный эффект у цыган — народа, не имеющего определенной территории, которую они могли бы назвать своей собственной, родиной. Однако

этот народ, несмотря на грандиозные расселения практически по всей территории земного шара, на протяжении многих столетий социализируется определенным образом, передает образцы поведения новым поколениям.

Вряд ли стоит оспаривать тот факт, что в основе этих процессов также лежит определенная информация. Не пытаюсь на данном этапе исследования дать ей какое-либо точное определение, все же определим некоторые ее специфические черты.

Во-первых, этот вид информации принципиально отличается от той, что мы наблюдаем сегодня и которую привычно называем «массовой». Это информация массова только в том понимании, что она воспринималась как «своя» целым народом. Да, она имеет фиксированную форму (как в примере со славянами — Книга Велеса). Но это — единичный случай, книги такого рода не издавались массовыми тиражами, они, скорее, фиксировали то, что уже было распространено в массовом сознании славянского народа того времени.

Во-вторых, этот вид информации все же на протяжении долгого времени определял направление политического процесса.

В-третьих, очевидно: данный вид информации не исчерпал себя и проявляет до сих пор, вступая во взаимодействие с другим видом информации, который на протяжении последних десятилетий при поддержке СМИ стал ведущим и получил название «массовой».

В связи с вышеизложенным возникает необходимость идентифицировать данный вид информации, осмыслить механизм ее функционирования и, по возможности, соотнести этот вид информации с массовой, а также сделать вывод о видах информации, определяющих течение политического процесса.

Несмотря на всю неопределенность информации, которую мы определяем как особую, «внутреннюю» (противопоставляя ее в некотором смысле «массовой», тиражируемой информации), наличие этого пласта информации и его огромного значения в жизни как отдельного человека, так и целых цивилизаций фиксировали многие ученые. Одна из них — Л. Г. Свитич. Она отмечает: «Особенно важной оказывается идея (по мнению авторов доказанная, хотя не всеми принимаемая и потому кажущаяся гипотетической) существования информационно-энергетического поля как одной из оболочек Земли и способности человека контактировать с этими полями. Существует такая реальность, которая, будучи вполне материальной, одновременно обладает свойс-

твами психического (...) Иначе говоря, психика, если ее рассматривать в аспекте бытия, в онтологическом аспекте оказывается своеобразной формой материи. А информационно-дистанционное взаимодействие, по мнению ученых, по существу должно быть свойственно всему живому, биосфере как единой системе. В этом смысле они подтверждают теорию В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, сфере разума» [4, с. 17].

Если принять такую позицию и представить, что не отдельный человек, а некая человеческая общность (народ, нация) определенным образом «настраивается» на конкретную «информационную волну» в ноосфере, то становятся понятными и объяснимыми процессы воспроизводства и распространения информации, помогающей идентифицироваться большому количеству людей как обособленной общности.

В современной науке появился весьма нетрадиционный взгляд на эту проблему. В последнее время распространение получила теория маятников. Исследователи рассуждают следующим образом: «На уровне материальной реализации структура состоит из людей, объединенных общими целями, и материальных предметов, таких как здания, сооружения, мебель, оборудование, техника и так далее. Но что стоит за всем этим на энергетическом уровне? Структура возникает, когда мысли группы людей направлены в одну сторону, а, следовательно, параметры мысленной энергии идентичны. Мысленная энергия отдельных людей создает интерференционную картину в энергетическом поле. В таком случае посреди океана энергии создается отдельная независимая энергоинформационная структура — энергетический маятник. Эта структура начинает жить своей жизнью и подчиняется законам, действующим в ее создании, своим законам.

Почему маятник? Потому что он раскачивается тем сильнее, чем больше людей — приверженцев — питает его своей энергией. У каждого маятника своя характерная частота колебаний. Например, качели можно раскачать, только прилагая усилия с определенной частотой. Эта частота называется резонансной. Если количество приверженцев маятника уменьшается, его колебания угасают. Когда приверженцев совсем не остается, маятник останавливается и как сущность умирает. Вот несколько примеров угасших маятников: древние языческие религии, каменные орудия труда, древние виды оружия, старые течения моды, винило-

вые пластинки, другими словами, все, что было раньше и что теперь не используется» [5].

В данную теорию вполне укладывается тот вид информации, о котором мы говорим. В информации о самоидентификации нуждается целая общность людей, называемых нацией, поэтому такой вид информации существует столько, сколько существует нация, «последователей» у этого «маятника» хватает, и он живет своей жизнью.

Итак, можно сделать промежуточный вывод о том, что «внутренний» вид информации существует, он наблюдаем, фиксируем. Однако как бы специфичен этот вид не был, ему, как любому виду информации, требуется определенный носитель. И этот носитель давно определен исследователями — это человеческий ген. Ученые отмечают: «Операционная система жизни превосходит любую версию Windows. Крошечная молекулярная установка жизни решает свои задачи надежно в различных условиях работы и с малыми сбоями» [6, с. 99].

Исследователи до сих пор не разгадали тайну человеческой ДНК, отвечающей за перенос определенной информации. Однако это не повод игнорировать научно доказанный факт: информация хранится в человеческой клетке, и эта информация способна влиять на человеческое поведение. Без сомнения, данная мысль не нова в науке. Однако влияние закодированной в ДНК, в психике человека скрытой информации на политический процесс традиционная политология игнорирует. Напротив, в рамках классической политической науки насаждаются совершенно противоположные установки. Так, исследователи считают, что направляют политический процесс лидеры, и именно они оказываются в центре внимания исследователей. «Западные политологи на первых порах делали акцент на изучении личных черт лидера (теория черт). Современные исследователи связывают политическое лидерство не только с личными чертами лидеров, но и с социальными и иными условиями, в которых они действуют, — влияние конкретной ситуации на лидеров (и последних на ситуацию), отношение подчиненных к лидеру, уважение и готовность подчиняться ему (психологическая теория)» [7, с. 55]. Политологи даже убеждены, что складывается определенная группировка мировых политических лидеров, которые схожи по стилю поведения, привычкам. В поведении таких «наднациональных» лидеров стираются отличительные черты, что позволяет их отнести к транснациональной политической элите [8]. Теория

«лидерства», без сомнения, увлекательна, она многое объясняет, но, увы, не специфику политического процесса.

Исследователь И. Панарин, на работы которого мы неоднократно ссылались в рамках данной статьи, отмечал: «Современная властвующая политическая элита России по сути своей осталась советской, то есть проигравшей элитой. Даже так называемые российские "олигархи" не могут, а очевидно, и не способны вести эффективное информационное противоборство с зарубежными "олигархами"» [3, с. 7]. Почему же советскую элиту исследователь считает элитой проигравшей? – «Третью "информационно-идеологическую" мировую войну (1947–1991 гг.) советская политическая элита проиграла. Четвертая «"информационно-финансово-террористическая" война (1991–2005 гг.) также завершилась неудачно для России. Сейчас идет уже пятая мировая война – информационно-интеллектуальная. Ведется она на новых фронтах: культурном, цивилизационном, этническом, религиозном и т.д.» [3, с. 9]. Исследователь считает, что «Россия нуждается в новой, духовно-творческой политической элите, способной объединить духовно и интеллектуально политические элиты Евразии» [3, с. 9]. Опять звучит мысль о духовности новой политической элиты. Значит, информация, на которую новая политическая элита должна опираться в своей деятельности, должна базироваться на идеалах «Добра и Справедливости». Здесь видны глубинные источники деятельности будущей политической элиты России, а не простое механическое соответствие распространенной теории черт лидерства. И опять мы сталкиваемся с довольно специфической информацией, о которой рассуждали выше. Где еще искать идеалы добра и справедливости, как не в генетической памяти собственного народа?

Конечно, данные рассуждения могут показаться оторванными от реальной политической практики. Однако есть и материальное подтверждение наших рассуждений. Если именно такая информация помогает целой нации идентифицироваться на протяжении целых столетий, то она и будет являться своеобразными «болевыми» точками для народа. Не секрет, что существуют «опасные» темы для политологов, журналистов, дипломатов и т.д. К ним относят национальные, религиозные вопросы. А именно на национальной и религиозной платформе строятся те самые идеалы Добра и Справедливости. Поэтому неудивительно, что иногда совершенно спокойное течение по-

литического процесса вдруг нарушается, если на поверхность «всплывают» вопросы национально-религиозного порядка. Следует учесть, что национально-религиозные вопросы – это часть именно той внутренней информации, которая содержится в глубинах человеческой психики. При этом другая информация, объективно более важная и нужная, способна отступить на второй план.

Продемонстрировать это можно на одном показательном примере. В начале 2008 года каждый город Челябинской области, как и России, был «озабочен» верховной властью на предмет создания стратегии развития до 2020 года. Тендер на разработку плана Стратегического развития города Магнитогорска выиграла Уральская академия государственной службы (г. Екатеринбург). В ходе подготовки стратегии группа исследователей и чиновников из Администрации Магнитогорска столкнулась со следующей противоречивой ситуацией. Стратегия развития области уже была принята, и во многом стратегию развития города пришлось «подгонять» под существующий документ. По представленным из области документам складывалась картина, что Магнитогорск, дающий 70 % поступлений в бюджет области, вдруг попал в разряд городов, дотируемых из областного бюджета. Сведения об этом (статьи в газете «Магнитогорский металл», журнале «Западно-восточный АЛБЯНС», газете «Магнитогорский рабочий») вызвали негативные отклики со стороны горожан.

В это же время на страницах тех же газет появились небольшие информационные заметки (в журнале «Западно-восточный АЛБЯНС» – развернутое интервью) о том, что в области появился параллельный муфтият, созданный Н. Ашировым и что это – возможное тактическое действие радикальных мусульман. Откликов горожан, содержащих явную религиозную составляющую, были в семь раз больше, чем в отношении экономической информации о дотируемости Магнитогорска. Хотя объективно можно суверенностью сказать: статус дотируемого или дотирующего города для Магнитогорска по отношению к Челябинской области – информация гораздо более важная для магнитогорцев, чем сообщение о том, что был создан (и, кстати, тут же сформирован) параллельный муфтият (тем более что информация касалась города Челябинска). Однако именно это сообщение задело горожан больше, в обращении граждан слышались вопросы, не связанные напрямую с произошедшим событием: судьба уроков православия в россий-

ских школах, итоги афганской войны с точки зрения пресечения деятельности ваххабитов, близость Челябинской области к Казахстану и возможные религиозные угрозы и т. д. Политический процесс под напором религиозно-национальных настроений (впервые, кстати, проявившихся столь явно на территории области) пошел по другому руслу. Экономические вопросы были отодвинуты «на второй план», была срочно созвана на внеочередное заседание рабочая группа антитеррористической комиссии г. Магнитогорска, на которую был приглашен специалист в области деятельности нетрадиционных мусульманских группировок доцент Московского государственного лингвистического университета Роман Силантьев.

Надо сказать, что именно национально-религиозные проблемы являются часто толчком к военным противостояниям. Почему именно эти проблемы? Думаются, объяснений может быть множество, но одно из них — это роль скрытой информации, содержащейся в глубинах человеческой психики, памяти народа. Именно эта информация помогает человеку идентифицировать себя как члена той или иной общности. И если в информационных потоках, в действиях других людей человек ощущает опасность, грозящую такой идентификации, опасность, которая грозит всей целостности своей общности, он начинает реагировать — защищать это скрытое информационное пространство. Такая реакция на внутреннюю информацию способна качественно изменить политический процесс (примеров религиозных, национальных конфликтов в истории XX века достаточно). При этом часто рационально объяснить многие реакции не удастся. Например, в той же Челябинской области башкиры и русские на протяжении многих веков жили «бок о бок». Границы Башкирии четко определены, территориально никто ей не угрожает, то есть объективных причин для выражения недовольства нет. И, тем не менее, когда комиссия по разработке Концепции национальной безопасности Челябинской области озвучила результаты исследований (число татар в республике Башкортостан оказалось выше, чем число башкир), начались недовольства среди башкир. При этом речь шла всего лишь о статистических данных.

То же самое можно сказать о других нациях. Оказалось, что количество русских на территории субъекта незначительно превышает число национальных меньшинств (а с учетом активного вымирания русского населения эти цифры могут быстро поменяться), начались

гневные выступления русского населения. В СМИ оказались востребованными материалы о происхождении герба Челябинской области (по одной из версий, рыжий верблюд — тотемное животное башкирского народа. И именно независимость этого народа выражена на гербе Челябинской области в виде верблюда перед крепостной стеной (стена — символ пограничного расположения области) и т. п.).

Все это говорит о том, что внутренняя информация, заключенная в психике человека и «работающая» на его самоидентификацию с определенной национально-этнической, религиозной общностью, способна значимо влиять на политический процесс. Можно сделать определенные предположения о том, какими качествами обладает эта информация.

Так как «носитель» данной информации — человеческая ДНК, то эта информация есть у человека постоянно. Она может быть определенное время не востребована, а может быть востребована постоянно. Это зависит от своеобразного «контекста» — внешнего информационного сопровождения. Следует пояснить мнение автора по данному вопросу.

В начале мы сделали упор на том, что информация, которую мы условно обозначили как внутреннюю, имела место уже на ранних этапах развития человечества. Массовой же информация стала после изобретения человечеством способа передавать раstraжированную информацию. Так появилась информация «внешняя». Надо сказать, что информация внутренняя и внешняя соседствовали на протяжении человечества всегда. Внешней, например, можно считать информацию, которая привносилась извне, выводила из равновесия человеческую общность, жившую на основе внутренней информации. Внешней можно считать «вкрапления» чужеродных культурных кодов, символов и т. д. Пока общность живет преимущественно на основе «внутренней» информации, оно живет гармонично. Например, И. Панарин отмечает это на примере народа под названием русы: «Русы жили в природе, считали себя ее частью и, так сказать, растворялись в ней. Это была солнечная, живая, реалистическая религия» [3, с. 19].

Со временем внешняя информация стала играть все большую роль в жизни людей. С изобретением печатного станка соотношение внутренней и внешней информации кардинальным образом поменялось. Внешней информации стало больше. Противоречие, однако, заключается в том, что, как мы видим на выше представленных примерах, и внут-

ренная информация не перестала играть свою роль в политических процессах. Без сомнения, в современную эпоху именно внешняя информация играет решающую роль в политическом процессе, потому что она видима, более заметна, доступна для изучения, анализа. И роль внешней информации в политическом процессе гораздо более велика, чем может показаться на первый взгляд. Массовая информация, раstraжированная СМИ, может практически напрямую направлять политический процесс в определенное русло. Это признавали многие политики (неслучайно один из первых декретов, утвержденных большевиками в первые дни прихода к власти, был «Декрет о печати»). Однако массовая информация выполняет еще одну функцию — она способна не просто «вызывать к жизни» информацию внутреннюю, но и переводить ее в разряд политической информации.

Так чувство самоидентификации, присущее человеку как представителю определенной нации, не имеет отношения к политике, пока не попадает в «окружение» информации внешней. В этом отношении даже простая статистика способна сыграть роль катализатора и спровоцировать быстрый переход информации внутренней, по сути, социальной, в разряд внешней, политической. Перекоc в количестве внутренней информации и внешней в пользу последней меняет жизнь человека. На эту особенность современного политического процесса обращают внимание многие исследователи: «Самая главная информационная революция произошла за кулисами СМИ. Она была связана с появлением информационно-психологического оружия, способного эффективно воздействовать на психику, эмоции и моральное состояние людей» [9, с. 9]. Это оружие,

на наш взгляд, и заключается в переносе внутренней информации во внешнюю, политическую сферу.

Современный политический процесс в России обладает определенной спецификой. С одной стороны, политический курс страны определен, период системной трансформации общества прошел. С другой стороны, это вовсе не означает, что политический процесс стал прогнозируемым. Нелинейность, непредсказуемость политического процесса во многом — результат преобладания внешней информации над внутренней. Это провоцирует различные незапланированные выступления на религиозно-национальной основе.

Без сомнения, выход из создавшейся ситуации, направление политического процесса в русло прогнозируемого — задача практической политологии. Но без осмысления проблемы на теоретическом уровне, без осознания того, что политический процесс в России обладает определенной спецификой, проблема не может быть решена. Более того, в рамках традиционной политологии в последнее время вроде бы наметилась тенденция к осознанию и признанию информационной сущности политического процесса. Роль информации в жизни человеческого общества на современном этапе огромна. И если информация определяет поведение людей во многих сферах, то нет причин игнорировать сферу политического. Напротив, это может стать предметом исследования не только политологии, но и коммуникативистики, социологии, антропологии и многих дисциплин гуманитарного цикла, что, без сомнения, обогатит современное научное знание и поможет сделать на практике политический процесс прогнозируемым, управляемым и обеспечит стабильность жизни общества.

1. Г. Почепцов. Информация и дезинформация. Киев, 2001. С. 24.
2. А. И. Соловьев. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов/[Петрунин Ю. Ю. и др.]; Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект пресс, 2004. 332 с. С. 8.
3. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Издательство «Поколение», 2006. 560 с. С. 147.
4. Свитич Л. Г. Феномен журнализма/Под. ред. проф. Я. Н. Засурского. М.: Факультет журналистики МГУ, 2000. 252 с. С. 17.
5. Вадим Зеланд. ТРАНСЕРФИНГ РЕАЛЬНОСТИ//ИГ «Весь», 2005//lib.aldebaran.ru.
6. Уиггинс А., Уинн Ч. Пять нерешенных проблем науки/Артур Уиггинс, Чарлз Уинн. Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. 304 с.: ил. (Наука и жизнь). С. 99.
7. Политология. Учебник для вузов. Ответственный редактор — доктор юридических наук, профессор В. Д. Перева-лов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М., 1999. 376 с. С. 55.
8. См. Политология: Учебник для вузов/С. В. Решетников, Н. П. Денисюк, М. Ф. Чудаков и др.; под ред. С. В. Решетникова. 2-е изд., стереотип. М.: «ТетраСистемс», 2001. 448 с.; Политология: Учебное пособие/Л. В. Сморгун, В. А. Семенов. СПб., 1996 и др.
9. Василенко А. И. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство//Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 4–11.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. А. АЛЕКСАНДРОВ, Л. С. КАРЫМОВА

Одной из ключевых проблем функционирования системы государственной власти в Российской Федерации является информационная закрытость органов исполнительной власти, а также отсутствие обратной связи с гражданами и организациями [1]. Именно взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества должно внести существенный вклад в развитие страны.

Об этом же говорил В. В. Путин еще в 2004 году в послании Федеральному собранию: «Консолидация общества для борьбы с международным терроризмом, обеспечение единства страны и политической стабильности невозможны без активной роли гражданских институтов. Необходимо изменить формат взаимодействия государства и гражданских институтов» [2].

В нашей многонациональной стране этнические объединения и организации – важный институт выражения общественных интересов, считаться с которым не только необходимо, но и выгодно для органов государственной власти.

Национальная политика – это система обеспечения обустройства, сожительства, сотрудничества и сотрудничества наций по всем присущим им характеристикам в конкретно-исторических условиях, целесообразности и ценностных ориентаций данного общества [3]. Чем лучше будет организовано это сотрудничество, тем быстрее будет происходить развитие общества.

По мнению Р. Абдулатипова, преобладающее большинство национальных, этнополитических конфликтов – это результат грубого нарушения со стороны политических режимов равновесия и справедливости во взаимоотношениях с нациями [4]. Необходимо учитывать, что нация, этнос – наиболее чувствительный, иррациональный объект управления, и исходя из этого строить взаимоотношения органов государственной власти с данным институтом гражданского общества.

У Свердловской области есть богатый опыт

такого сотрудничества. По данным, предоставленным Главным управлением Федеральной регистрационной службы РФ, в Свердловской области официально зарегистрированы 80 национально-культурных общественных организаций. Из них 30 национально-культурных автономий [5]. Потенциал национальных общественных организаций области достаточно высок – и по степени организованности, и по степени готовности к сотрудничеству с органами власти, и по степени позитивного взаимодействия между самими организациями.

Примеры такого сотрудничества: Дни славянской письменности и культуры; областной фестиваль национальных культур; работа национальных воскресных школ; работа Центра поддержки национальных объединений области при Уральском горном университете; телевизионная программа «Измерение Н», проект развития культуры толерантности и другие.

В рамках традиционной Уральской горно-промышленной декады в апреле 2007 года прошел Форум народов Среднего Урала.

Одним из важных результатов взаимодействия является созданный в целях повышения эффективности национальной политики Свердловской области по Указу губернатора Свердловской области от 23.09.2002 года № 618-УГ «О мерах по реализации национальной политики Свердловской области» Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области. В состав Совета вошли представители исполнительной и законодательной власти, лидеры национальных объединений. Основными задачами Совета являются: обсуждение и участие в подготовке проектов программ, затрагивающих права и законные интересы граждан, относящих себя к определенным этническим общностям, стимулирование поддержания на территории области стабильной обстановки в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Возглавляет совет губернатор Свердловской области Э. Э. Россель.

По инициативе национально-культурных

объединений действует общественный редакционный совет программы.

Еще один яркий пример работы по взаимодействию ОГВ и национальных организаций – российско-германский проект «Развитие механизмов взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества с целью развития культуры толерантности по отношению к этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам в Свердловской области». Цель проекта – разработка новых подходов, методов и технологий воспитания толерантности, обеспечения реализации основных прав граждан, предупреждения дискриминационных проявлений, достижения национального и религиозного равноправия, укрепление диалога государственной власти и гражданского общества.

За период реализации проекта был проведен комплекс мероприятий, включающий три семинара по обеспечению обучения культуре толерантности государственных и муниципальных служащих [6]. Первый из них состоялся осенью 2005 года в Уральской академии государственной службы.

Почему это важно? Национальная нетерпимость чревата угрозой терроризма, всплесками жестокости и агрессии, формированием всевозможных фобий и опасных для общества стереотипов.

В поле зрения руководителей этнических общественных объединений находится широкий круг вопросов современной жизни, в том числе вопросы в сфере реализации основных прав человека, вопросы развития культуры толерантности, вопросы миграции и взаимодействия с правоохранительной системой и т. д.

Деятельность национально-культурных общественных объединений способствует формированию активной гражданской позиции жителей области, становлению гражданского общества, развитию социального партнерства.

Есть и другая сторона взаимодействия органов государственной власти с национальными организациями. Многие руководители объединений, имея тесные связи с органами власти и общественными объединениями, национальными центрами в России и в странах СНГ, активно участвуют в развитии интеграционных процессов и взаимовыгодных экономических связей Свердловской области с этими регионами и странами. Конкретным подтверждением этого являются динамично развивающиеся связи с республиками Татарстан и Башкортостан, с Азербайджаном, Арменией, Казахстаном, Украиной, Белоруссией и другими.

Таким образом, развитие взаимодействия органов государственной власти сданными институтами гражданского общества, с одной стороны, обеспечивает стабильность в обществе за счет своевременного распознавания и разрешения кризисных ситуаций, с другой, является источником и одним из механизмов развития региона.

Безусловно, это взаимодействие необходимо совершенствовать. Вот некоторые предложения:

1. Разработать концепцию молодежной политики по формированию межэтнической толерантности, по профилактике национализма, ксенофобии и экстремизма в молодежной среде.
2. Совместно сформировать программу патриотического воспитания детей.
3. Способствовать складыванию толерантного социального климата путем создания и внедрения комплекса мер в области миграции. Необходимы как меры правового характера, так и институционального обеспечения.
4. Рассмотреть возможность финансирования на государственных телеканалах информационной программы о жизни национальностей РФ.

1. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг./Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р

2. Власть и общество. Надо услышать друг друга // Общественно-политический журнал УрФО. 2004. № 11–12. С. 36.

3. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2001. С. 11.

4. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2001. С. 12.

5. Отчет департамента внутренней политики Администрации губернатора Свердловской области «Информация о роли национально-культурных автономий и национальных объединений в гармонизации национальных отношений, предупреждении и урегулировании этнополитической напряженности в Свердловской области», 2007 г.

6. Отчет о работе по проекту «Развитие механизмов взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества с целью развития культуры толерантности по отношению к этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам в Свердловской области» в 2005–2006 гг. Екатеринбург.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ КАК АРЕНА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

М. И. ПРАНОВА

Социальный конфликт является объективным явлением социальной жизни, независимо от того, о какой социальной сфере идет речь. Столкновение интересов, различие и разнообразие которых заложено в самой человеческой природе и институционализируется социальной организацией общества, всегда будет служить источником социальных конфликтов в обществе. Политическая сфера жизни общества сама по себе представляет поле борьбы, в котором сталкиваются различные политические силы, стремящиеся провести свои интересы, цели, воплотив их на практике после прихода к власти, за которую и происходит жесточайшая борьба, ибо власть — основной социальный ресурс управления обществом.

В процессе проведения избирательных кампаний различные политические силы ведут борьбу за привлечение избирателей на свою сторону. В этой борьбе применяются самые разнообразные средства и приемы, в том числе использование тех противоречий, которые существуют между различными слоями населения, кандидатами и политическими движениями. В этих условиях важную роль играют такие формы политической борьбы, как социальные конфликты и конкуренция. Поясняя их различие, известный американский социолог Р. Парк писал: «Конфликт.. всегда осознан, он вызывает самые глубокие эмоции и самые сильные страсти, он мобилизует огромную концентрацию внимания и усилий. И конкуренция, и конфликт являются формами борьбы. Конкуренция при этом непрерывна и безлична, а конфликт носит временный и личностный характер» [1]. Однако, несмотря на видимое различие, социальные конфликты и конкуренция пронизывают всю избирательную кампанию.

Избирательный процесс в правовом демократическом государстве является важнейшей формой трансформации социальных противоречий в фактор социального прогресса. Дальнейшее продвижение нашей страны по пути демократии, построение гражданского общества невозможно без преодоления социальных конфликтов, существующих в обществе, посредством выборов. В то же время избирательный процесс всегда был и будет

одним из видов политической борьбы, и, следовательно, любой его этап изначально является конфликтогенной средой. Выборы — это острая форма политического конфликта, обострение борьбы различных политических сил за власть. Это время, когда различные политические партии, общественные организации и движения усиленно декларируют свои политические программы, манифесты, выдвигают лозунги и программы различных политических деятелей для привлечения электората на свою сторону. Позитивная роль конфликтов заключается в том, что во время выборов часто происходит выброс негативной социальной энергии. Но именно в процессе избирательных кампаний противоречия между основными политическими субъектами резко обостряются и часто доходят до уровня насильственного разрешения социальных конфликтов, хотя, необходимо отметить, что эту грань переходят только в крайнем случае. Как мы уже отмечали выше, очень часто происходит намеренное использование социальных конфликтов в ходе выборов, их разжигание и провоцирование для привлечения внимания избирателей. При этом необходимо иметь в виду, что после окончания выборов обостренные социальные конфликты не всегда удается легко разрешить. Поэтому возникает необходимость управления социальными конфликтами, особенно в ходе такого обострения политического процесса, которым являются выборы.

Обострение конфликтов в процессе выборов изначально запрограммировано. «Общество, признавая необходимость регулярных выборов, признает и целесообразность периодического обострения борьбы за власть» [2]. Запрограммирована степень вовлеченности общества в этот процесс — от четверти взрослого населения (региональные выборы) до половины (федеральные). Обязательная альтернативность выборов также ведет к обострению конфликта. Юридически и морально регламентируя формы и способы проведения избирательной кампании, общество ограничивает формы разрешения и проявления политического конфликта. Нарушения установленных норм избирательного процесса пресекаются, так как в противном случае его результат мо-

жет быть признан недействительным, то есть созданная избирательная система в социальном плане окажется неэффективной. Поэтому «практика сопровождения избирательной кампании представляет собой, по сути, практику управления социальным конфликтом» [3].

Эффективное управление социальными конфликтами в избирательном процессе и их использование невозможно без понимания сути конфликтов, разворачивающихся в обществе. За программами и заявлениями кандидатов стоят властные отношения на различных уровнях социальной иерархии. На уровне межличностных отношений следует иметь в виду, что кандидат, прежде всего, борется за вхождение во власть. На уровне социальных групп борьба идет за доступ к власти определенных социальных общностей — различных социальных слоев, партий, общественных организаций. На уровне социума предвыборная борьба идет за обладание властью над обществом. «Конфликт обязан своим возникновением не только заинтересованности его участников в непосредственном получении, укреплении или смене власти, но и любому столкновению интересов, затрагивающему властные отношения» [4].

Определяя свое отношение к социальным конфликтам в политических процессах и, в частности, в избирательном процессе, следует сказать несколько слов о характере влияния социальных конфликтов на ход развития общества. Характер влияния социальных конфликтов имеет двойственную сущность и может рассматриваться в позитивном и негативном свете. «Дуализм социальных конфликтов заключается в том, — пишет С.В. Бондаренко, — что, с одной стороны, их в своих интересах используют акторы отрицательной девиантной направленности, а с другой стороны, благодаря социальной конфликту происходит эволюция социальной структуры... Конфликт, с одной стороны, способствует повышению эффективности социальной структуры, а с другой — приводит к росту дефункциональности» [5]. Социальные конфликты выступают как стимулы, так и как тормоза прогресса, могут быть средством организации, самоорганизации и дезорганизации, нарушать существующий порядок и устанавливать новый. В этом заключается амбивалентное воздействие социальных конфликтов на общество. Однако в большинстве случаев социальные конфликты носят общественно-конструктивный, прогрессивный характер, являются источниками общественного развития, средством формирования и разви-

тия общества. Там, где нет социальных конфликтов, где все тихо и мирно, не могут иметь место и сколько-нибудь существенные социальные изменения. Конфликты, преодолевая консервативную сторону социального противоречия, выступают, таким образом, стимулятором социальных изменений и, вместе с тем, определенным этапом в развитии социальной системы — этапом изменения старой социальной структуры. В этом своем качестве социальные конфликты являются вызовом внутреннему порядку и стабильности социальной системы. Нарастающая с течением времени объективная необходимость модернизации, с одной стороны, и возможность ее реализации, с другой, формируют основу социального конфликта, влекущего за собой последовательную смену реформ и контрреформ. В то же время они играют важнейшую роль в установлении этой системы, обеспечивают баланс противоположных интересов. Более того, конфликты являются своего рода социальными клапанами для ослабления социальной напряженности. Они «сравливают» социальную энергетику и, тем самым, помогают острее ощутить «болевые точки», оздоровить социальный климат. Без выборов конфликты или заглушаются, что ведет к стагнации общества, или происходит эскалация конфликтов, что ведет к взрыву всей социальной системы. Таким образом, социальные конфликты являются средством саморегуляции социальной системы. Они способствуют изменению социальной системы в соответствии с изменившимися условиями и, тем самым, способствуют сохранению изменившейся системы.

Позитивная роль социальных конфликтов в ходе избирательной кампании проявляется в том, что конфликты, навязывая диалог различным социальным структурам, способствуют принятию крупных решений, общению оппонентов друг с другом. Это создает возможность для выявления и регулирования соотношения борющихся сил, ознакомления с позициями оппонентов, высвечивания особых интересов противостоящих сторон, приводит к их взаимному непосредственному знакомству. Четче обрисовывается объект конфликта, возможные последствия игнорирования противоречий как неадекватного способа их решения. В то же время социальные конфликты способствуют внутренней сплоченности и централизации конфликтующих групп, осознанию их интересов. В результате этого мобилизуются защитные силы группы для борьбы с внешним врагом.

Следует подчеркнуть значимость и естественность социальных конфликтов, существующих в период избирательной кампании, для развития и функционирования политической системы общества. Э.Фромм провел классическое исследование человеческой деструктивности. Он утверждает, что агрессивность человека не унаследована от животного разрушительного инстинкта, а напротив, ее следует искать в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Эта агрессивность лежит в собственно человеческих формах жизни, специфика которой обусловлена способностью к абстрактному мышлению, созданию символического мира мысли и общения. Именно поэтому, как утверждает Э.Фромм, «история человечества дает картину невероятной жестокости и деструктивности, которая явно во много раз превосходит агрессивность его предков» [6]. Рассматривая гегелевскую философию права, К.Маркс писал, что «резкость действительных противоположностей, их превращение в крайности считается чем-то вредным, чему считают нужным по возможности помешать, между тем как это превращение означает не что иное, как их самопознание и, в равной мере, их пламенное стремление к решающей борьбе» [7]. Возникновение и разрешение социальных конфликтов являясь не результатом отклонения от общего хода истории, а итогом нарастания объективных социальных противоречий и сознательных, но противоречивых устремлений социальных групп и отдельных личностей.

Это тем более относится к демократическому обществу, где конфликты признаются нормой общественной жизни. Безусловно, общество представляет собой совместную организацию индивидов, предполагающую единство их действий, помыслов, целей, более того, тождественность интересов людей. Но это единство существует до тех пор, пока оно удовлетворяет интересам людей и всех социальных групп. В истории общества такие примеры встречаются крайне редко. Можно согласиться с Д.Роулсом, который пишет: «Но хотя общество и представляет собой совместную организацию для достижения преимуществ людьми, тем не менее, для него типичны в равной мере и конфликтность, и тождественность интересов людей. Тождественность существует до тех пор, пока социальное взаимодействие представляет большие возможности для личной жизни, чем если бы все жили исключительно собственными усилиями. Конфликт интересов происходит тогда, когда индивиды уже не без-

различны к большим благам, произведенным и распределенным их сотрудничеством, поскольку каждый из них предпочитает большие блага меньшим» [8].

Длительное время в литературе о конфликтах речь шла лишь о классовой борьбе, социальные конфликты имели как бы одну плоскость своего действия. Эпоха биполярных конфликтов ушла в прошлое. Появились конфликты различных социальных групп, партий, общественных организаций. Сегодня в России социальные конфликты приняли многомерный характер. Они разворачиваются в сфере культуры, в поле приватизации и даже в процессе формирования новой государственности. К числу последних, требующих специального рассмотрения, можно отнести конфликт между народом и властью, который часто реализуется в виде конфликта «народ – бюрократия», а также конфликт «власть – оппозиция».

Бюрократия – необходимый элемент структуры общества для его управления. «От бюрократии избавиться нельзя, – писал М.Вебер, – но надо сделать человека не затравленного аппаратом, а более свободного от него» [9]. Но, обособляясь в самостоятельную группу, бюрократия отгораживает себя от народа так называемой «номенклатурой», представляющей собой «список должностей, кадры для которых утверждаются вышестоящими инстанциями; должность, входящую в такой список; работников, занимающих такие должности» [10]. Бюрократия вступает в конфликт с демократическими элементами любого общества, борется за власть как за средство достижения привилегированного положения, политические мотивы при этом отступают на задний план. «Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но, прежде всего, также и за патронаж над должностями... – писал М.Вебер. – Ущемление и распределение должностей воспринимается партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям» [11]. Бюрократия только тогда будет служить своему предназначению – управлять делами государства на пользу народу – когда за ее работой будет создан действенный контроль со стороны народа. В нашем сегодняшнем обществе официально номенклатуры нет. Но когда видишь, как одни и те же лица в высших инстанциях неоднократно перемещаются с одного места на другое, приходишь к обратному выводу. Многие избиратели сталкивались с бюрократическим отношением к своим интересам на различных уровнях. Лозунг борьбы с бю-

рократией, без сомнения, поддерживается большинством членов электората, поэтому его следует использовать в предвыборной работе.

Бюрократизация зачастую захватывает и депутатский корпус, когда депутаты теряют связь с избирателями и превращаются в людей, преследующих свои личные цели, занимаясь лоббированием интересов, далеких от нужд народа, внутрипартийными дрызгами и т.д. Именно такая ситуация характерна для современной политической элиты России, которая, по сути, немногим отличается от прежней коммунистической элиты советского государства. Депутаты часто забывают, что они представляют интересы избирателей, а не свои личные. «Выборы являются моментом истинного диалога, — пишет М.Е. Кошелюк, — но этот момент не может восполнить отсутствие диалога в период пребывания у власти. Если избирателя игнорировали в течение длительного времени, то теперь с его стороны разговор весьма краток — это отказ от дальнейшего общения с данным представителем власти» [12].

Выборы, по образному выражению российского исследователя, — тяжелейшее испытание для власти, «которая, проходя через них, как бы умирает и рождается вновь» [13]. Лежащий в основе выборов принцип можно сформулировать следующим образом: «Смерть власти — это еще не смерть общества, так пусть же власть периодически умирает, чтобы общество продолжало жить» [14]. Следовательно, периодически проводимые выборы — это столкновение власти и оппозиции в рамках управляемого социального конфликта. А смысл выборов состоит в диалоге претендентов на власть с избирателями, а не в давлении власти на других участников избирательного процесса. Столь популярное в последнее время использование административного ресурса властью приводит к дальнейшему разжиганию конфликта между властью и гражданами.

Неизбежность социальных конфликтов вызывает необходимость выработки стратегий и механизмов управления ими. Под управлением социальными конфликтами в период избирательной кампании мы понимаем сознательное воздействие на эти конфликты для достижения определенных целей. В этом случае возникает возможность использовать не только сами социальные конфликты, но и их последствия для снижения социальной напряженности в обществе и реализации предвыборной программы. Можно согласиться с М.Е. Ко-

шелюком, который рассматривает выборы как механизм, позволяющий управлять социальной энергетикой. «Внутренние глубинные социальные конфликты реализуются через конфликт управляемый, разворачивающийся в четко заданное время и регулируемый определенной системой правил» [15]. Именно управляемый социальный конфликт необходим общественной системе для саморазвития. «Понимание того, что социальный конфликт хотя и случаен, но, с другой стороны, неизбежен, неприятен для участвующих в нем сторон и не опасен для общества в целом, позволяет социальной структуре использовать последствия конфликта в целях своего развития» [16].

Рассматривая выборы как управляемый социальный конфликт, являющийся механизмом социальной стабилизации, предупреждающим развитие отношений в обществе по пути конфронтации, можно выделить ряд социальных метатехнологий управления социальными конфликтами. К таким метатехнологиям относятся символизация, запараллеливание и опосредование. «В результате потенциально конфликтные отношения реализуются в жестких рамках относительно безопасных с общественной точки зрения условий игры» [17].

Базовой технологией управления социальными конфликтами, часто используемой в ходе выборов, является символизация, или замещение реального конфликта символическим. Технологические приемы здесь разнообразны.

Во-первых, здесь возможна актуализация действительного скрытого конфликта, замещение одного конфликта другим. Например, перевод ответственности за тяжелые социально-экономические условия в регионе с региональных властей на федеральные или на энергетиков, разжигание межэтнических противоречий. Иногда происходит гашение конфликта социальной фобией, блокирование агрессии страхом. В этом случае рефреном идет мысль «как бы не было хуже», которая обычно используется политиками, уже находящимися у власти.

Во-вторых, производится имитация конфликтной ситуации. Так популярной стала идея возбуждения общественного мнения по поводу якобы предполагаемого строительства властями могильника ядерных отходов или завода по их переработке и т.д. Эти идеи активно используются штабами оппонентов существующей в регионе власти. Эти же штабы пользуются и другими, более мягкими технологическими приемами, например, изменение смыс-

ла события путем изменения контекста. Это достигается за счет вольного использования цифр, характеризующих социально-экономическое развитие региона, косвенного внушения избирателям необходимых идей через СМИ, псевдоавторитетных экспертов и т.д.

Все эти технологии являются, по сути, манипулятивными. При этом иногда происходит полное искажение сути истины. СМИ и СМК выдают серьезные социальные противоречия за второстепенные и случайные, делают отвлекающий маневр, пытаются сосредоточить внимание избирателей на менее значимых противоречиях и коллизиях. Иногда используют различные дешевые эффекты. Однако такая манипуляция эффективна, пока она не вступает в явное противоречие с действительным положением и состоянием предвыборной борьбы.

Г.Шиллер отметил опасность роста пассивности в обществе, когда высказал свою мысль о том, что в условиях развитой рыночной экономики пассивность имеет как физическое, так и интеллектуальное измерение, и оба они искусно эксплуатируются аппаратом манипулирования сознанием [18]. И действительно, через СМИ индивиды пассивно впитывают транслируемую им информацию и оказываются под воздействием определенных манипуляций, при этом именно пассивные формы восприятия информации способствуют наибольшему манипулятивному эффекту.

Отдельной манипулятивной технологией являются действия власти по блокированию выборов. Обострение конфликта «власть – оппозиция» является угрозой для власти, поэтому она заинтересована в смягчении конфликта, иногда действуя в предельно жесткой форме. Здесь необходимо иметь в виду, что кандидаты от власти совмещают в себе функции участника избирательного процесса и управляющего прохождением выборов. Поэтому «выборы всегда находятся под угрозой их отмены, которая, по сути, представляет одну из предельных технологий блокирования конфликта» [19], которая, например, проявляется в снятии неудобного кандидата с дистанции, изолировании его или специалистов его штаба. Блокирование конфликта в ходе избирательной кампании способствует обострению всей политической ситуации. Все вышеприведенные технологии, имеющие своей целью снижение социальной агрессии, направлены либо на переадресацию агрессии, либо ее блокирование.

Подобные виртуальные технологии часто используют для обострения социальных конф-

ликтов, целью которого является привлечение внимания к выборам, увеличение явки избирателей. Существует много методик таких провокаций конфликта.

Например, это может быть глобализация конфликта, расширение его зоны. Выборы провозглашаются значимыми не только для конкретного региона, но и для всей страны и т.д. Технология создания сопутствующих конфликтных зон, т.е. провокация противоречий людей различных возрастных, профессиональных, национальных и т.д. категорий для подпитывания основного конфликта имеет своей целью превратить противостояние в глобальный классический конфликт «всех против всех». Также используются технологии персонализации вины, возложение ее на конкретного политика, дискредитация оппонента, выброс компромата. Крайней формой таких технологий является провоцирование агрессии.

Второй технологией управления социальными конфликтами в процессе выборов является запараллеливание, или замещение прямой конфронтации параллельным соперничеством. Она основывается на параллельном обращении кандидатов к избирателям. Кандидаты игнорируют друг друга, не вступают в прямую схватку, критикуют друг друга только от имени третьей стороны (псевдоэксперта, известного человека из центра или другого региона). Эта технология фактически не дает перерасти конфликтной ситуации в конфликт, поскольку отсутствует прямое столкновение оппонентов – инцидент.

Третьей технологией управления социальными конфликтами в процессе выборов является опосредование и «натуральный обмен», являющийся, по сути, подкупом избирателей. Голос избирателя покупается за деньги или другие материальные блага. В этом случае решением комиссии избранный кандидат лишается легитимности. «Покупка политического влияния через взносы в избирательную кампанию, – пишет Ф.Фукуяма, – способствует росту циничного отношения избирателей к демократическому процессу» [20]. Демократическая избирательная кампания, легитимность разрешения социальных конфликтов в ходе ее не имеют ничего общего с такими способами манипуляции сознанием избирателей. При этом очень часто униженный подачкой избиратель не отдает в действительности свой голос за данного кандидата. В данном случае происходит низведение сложного социального процесса до его экономической составляющей. Понятно, что в основе выборов ле-

жат экономические интересы. Тем не менее, предвыборная кампания протекает в сфере чувств («голосуй сердцем!»). Избиратели стремятся в обмен на свой голос получить достаточно сложный комплекс социальных чувств. Причем основным здесь выступает чувство стабильности, перспективы и столь востребованное в нашем обществе чувство социальной защищенности. Победа на выборах символична. Она только впоследствии обменивается на реальные выгоды.

Низведение сути выборов к банальному экономическому обмену может усилить конфликтную обстановку в обществе. Для противодействия этому усиливается эмоциональная составляющая выборов, например, публичное осуждение подкупа избирателей кандидатом.

Эффективное управление социальными конфликтами в условиях современного, постоянно изменяющегося общества, конечно, совершенно необходимо. Поэтому появилась целая отрасль социальных технологий, направленная на управление социальными конфликтами. К таким технологиям относится популярная среди политтехнологов и, безусловно, эффективная «стратегия риска» в избирательных кампаниях, которая состоит в следующем: «Если мы хотим играть с системой по ее правилам и законам, а не пытаться навязывать свой устав извне, то мы должны работать с риском, использовать его, порождать его в своих интересах, а не бороться с ним... Стратегия риска — это резкое, необратимое нарушение сложившегося равновесия, сложившейся стабильной и предсказуемой

ситуации путем произведения неких действий, событий, атак, неординарных высказываний и т.д.» [21]. Технолог здесь выступает в роли кризис-менеджера, который не гасит кризисы, а «устраивает кризисы, разжигает пожары, но делает это так, чтобы кризис способствовал улучшению работы предприятия и выходу его на новый уровень (...) После того, как скандал, кризис разгорелся, им надо управлять, повернуть его в нужную сторону или же у всех на глазах умело потушить» [22].

Тем не менее, необходимо отдавать себе отчет, что все эти технологии, направленные как на сдерживание конфликта, так и на его эскалацию, далеко не безобидны: ведь никто с уверенностью не может просчитать последствий данных смоделированных конфликтов, вероятность создания новой острой конфликтной ситуации.

Эффективное управление социальным конфликтом возможно лишь в процессе активного общения конфликтующих сторон. Соперники должны понимать позиции своих оппонентов. Для этого они должны знать характеристики конфликтующих сторон, предысторию взаимоотношений с ними, природу того, что привело к конфликту, социальную среду, в которой возник конфликт, степень заинтересованности конфликтующих сторон в тех или иных результатах конфликта, стратегию и тактику, применяемые конфликтующими сторонами. Другими словами: чтобы понять суть конфликта и пути его разрешения, необходимо рассматривать социальный конфликт в аспекте политической культуры.

1. Park R. Conflict // Park R. Burgess E. Science of Sociology / Chicago. L. Chicago University Press, 1969. p. 574.
2. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 11.
3. Там же.
4. Фрага М. И. Быть политиком в современном мире. М.: МШПИ., 2002. С. 26.
5. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. С. 104–105.
6. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 253.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 322.
8. Роулс Д. Теория справедливости // Этическая мысль. М., 1990. С. 231.
9. Вебер М. Чиновник // Социологические исследования. 1998. №6. С. 127.
10. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. С. 13.
11. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 656.
12. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 153.
13. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 151.
14. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 153.
15. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 135.
16. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. С. 185.
17. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. С. 155–156.
18. См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
19. Кошелюк М. Е. Технология политических выборов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 140.
20. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ, 2004. С. 79.
21. Матвейчев О., Новиков В. Предвыборная кампания: практика против теории. Изд-во Уральского университета, 2003. С. 13.
22. Гусев Д., Матвейчев О., Хазеев Р., Чернаков С. Уши машут ослом... Современное социальное программирование. Alex J. Bakster Group, 2002. С. 113.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ)

Л. Х. ДЗАХОВА

Масштабный политический проект 2007 г. – выборы в Государственную думу ФС РФ успешно осуществились в содержательном и формальном планах. Результаты выборов свидетельствуют о нескольких очевидных тенденциях, среди которых выделяется активизация политических партий во всей системе общественно-политических отношений. Эта активизация является закономерным процессом, так как именно выборы предоставляют партиям наибольшие возможности для воплощения политического активизма и вхождения во власть.

Выборы в Государственную думу ФС РФ качественно отличались от предыдущих выборов по многим параметрам. Эти отличия отмечают исследователи политических процессов, которые рассматривают закономерности партогенеза и партийного строительства на федеральном и региональном уровнях. Качественные отличия базируются, прежде всего, на состоявшейся стратификации политических сил и партий, которая осуществилась на основе нового законодательства о политических партиях и на основе изменений и дополнений законодательства о выборах [1].

В выборах 2007 г. политические партии в своем деятельностном аспекте отразили динамику политической социализации населения, новации политических взглядов и интересов электората. При этом состоялись очевидные процессы, в том числе разочарование избирателей в идейных концептах и организационных ресурсах демократических сил [2]. Такие партии, как «Союз правых сил», «Российская демократическая партия "Яблоко"», «Демократическая партия России», «Социал-демократическая партия России» не сумели предложить избирателям конструктивных и привлекательных программ на фоне несостоявшихся попыток объединения на общей платформе. Часть прокоммунистически настроенного электората также выразила недоверие своим политическим полпредам, хотя КПРФ сохраняет свои позиции – позиции партии, выражающей политические интересы существенной социальной и демографичес-

кой прослойки российского общества. В целом состоялась поляризация политических партий по линии «партия власти» «Единая Россия» – «партии оппозиции», среди которых выделяются «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР [3].

Предпочтения населения отразили выраженное стремление к умеренному политическому центризму, который олицетворен в политической программе «Единой России». Преобладание «Единой России» в предвыборной борьбе объясняется, прежде всего, мощным административным ресурсом партии. Именно этот ресурс позволил организации эффективно реализовать управление функциональными подсистемами политической организации. Так, были успешно решены вопросы маркетинга, менеджмента, PR партийной организации в концентрации голосов избирателей [4].

Общероссийские тенденции концентрации и перераспределения политических симпатий электората нашли свое воплощение в субъектах Южного федерального округа. Здесь в числе магистральных жизненных потребностей избирателей выделяются обеспечение безопасности, профилактика терроризма и религиозного экстремизма, достижение стабильности общественных отношений, повышение уровня жизни. Политические интересы населения субъектов ЮФО, а, соответственно, политические стратегии политических партий в регионе обусловлены уровнем социально-экономического развития, в частности, Северо-Кавказского [5].

В субъектах Северо-Кавказского региона отразились содержание и формы общероссийского избирательного процесса. Так, в Республике Северная Осетия – Алания (далее – РСО – Алания) региональным отделением общероссийской партии «Единая Россия» были использованы действенные формы и методы программно-целевого управления в ходе политического проекта – выборов. В воплощении основных целей, стадий и этапов избирательного проекта был задействован мощный административный ресурс. Так, секретарем Политического совета Северо-Осетинского регионального отделения Всероссийской партии

«Единая Россия» является глава РСО – Алания. Все главы районов республики, всех районов столицы РСО – Алания г. Владикавказ также являются членами партии «Единая Россия». Типично, что избирательные штабы в подавляющем большинстве возглавили главы районов, обеспечив содержательную и организационную поддержку соответствующих кандидатов.

Содержание избирательной кампании «партии власти» в республике соответствовало федеральному заказу. Активно внедрялись лозунги и слоганы: **«План Путина – Победа России», «Верим в Россию. Верим в себя», «Победа Путина – Победа России», «За Путина. За Единую Россию».** Общероссийская риторика использовалась во всей системе управления в избирательной кампании – в массовых мероприятиях и адресных встречах с населением, в акциях. Важнейшей идеей выборной кампании являлся тезис о том, что выборы тождественны референдуму по поддержке курса действующего Президента РФ.

Также в систему креативного управления в избирательной кампании входила реализация целевых социальных проектов. Так, Северо-Осетинским региональным отделением партии «Единая Россия» реализовались проекты: **«Профессиональная команда страны», «Наш город», «Наши родители», «Новые дороги городов «Единой России»», «Профессиональная команда страны», «Юридический десант».** В ходе проектов выделены активисты мероприятий – «лица проекта» (координатор, коммуникатор, ответственный исполнитель, эксперт, консультант), популяризированы идеи грантовой, проектной деятельности. Эти идеи в полной мере отвечают принципам развития гражданского общества, которое базируется в Северо-Кавказском регионе, в том числе и на традиционных фамильных, клановых, общинных, диаспорных связях [6].

Проектам обеспечены информационная поддержка, внимание СМИ, разъяснительная работа среди потенциальных участников проекта. Региональное отделение партии вовлекло в реализацию проектов министерства и ведомства республики. Примечательно, что в ходе осуществления проектов были созданы региональные экспертные советы из профессионалов, общественных активистов, активистов бизнеса и предпринимательства. Таким образом, политическая партия действовала в нескольких направлениях: решение актуальных социальных проблем, консолидация усилий власти и общества, вовлечение в обществен-

ную активность бизнес-кругов, сотрудничество с институтами гражданского общества.

Реализация проектов сопровождалась публичными акциями представления участников, награждения победителей, обозначения перспектив развития. Конкурсы, организованные в рамках проекта, в полной мере отвечают потребностям развития гражданского общества, а именно становлению и совершенствованию моделей самоорганизации, самопомощи, самоуправления. Крайне важным аспектом проведения конкурсов является развитие трехстороннего взаимодействия: органов власти и управления, институтов гражданского общества, бизнес-кругов.

Усилия партии не остались безрезультатными. В целом можно отметить становление в РФ новой когнитивной модели электорального поведения, которое концептуально отличается от такового же в советский период [7]. Во мнении избирателей деятельность «Единой России» соотносится, во-первых, с повышением авторитета России на международной арене; во-вторых, со стабилизацией экономической ситуации и общественно-политических отношений внутри страны; в-третьих, с упрочением авторитета государства и власти. Также важнейшим ресурсом «Единой России» является отождествление ее деятельности с деятельностью первого лица государства – Президента РФ, что впоследствии подтвердилось рядом целевых политических акций. В то же время даже избиратели «партии власти» критично относятся к таким характеристикам партии, как явная близость к административно-чиновничьему аппарату, заорганизованность, определенное «огосударствление» деятельности.

Выборы в Республике Северная Осетия – Алания подтвердили общероссийские тенденции, прежде всего, повышение процента проголосовавших. Так, явка избирателей составила 60,33 %, или 286 111 человек. При этом за Всероссийскую политическую партию «Единая Россия» проголосовали 70,60 %, или 204 132 избирателя [8].

Примечательно, что в разных районах республики процент проголосовавших различается. Так, в столице республики г. Владикавказе разные показатели активности отмечаются даже в разных районах. В Левобережной части города за «Единую Россию» проголосовали 48169 человек, или 70,78 % избирателей, в Правобережной части города – 34 783 человека или 68,45 % избирателей. Наибольшая активность в поддержке «партии власти» продемонстри-

ровали жители Алагирского района 13 662 человека, или 80,25 % избирателей [9].

Наряду с «партией власти» наиболее активно избирательную кампанию провели региональные отделения политических партий «Справедливая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Аграрная партия России».

В РСО – Алании как и в других субъектах в политических отношениях в качестве конкурента фавориту выборов проявилось региональное отделение «Справедливой России». Партийная организация использовала традиционные формы и методы менеджмента политической организации в главном политическом проекте – выборах. «Справедливая Россия» применила большое количество агитационного материала, проведение пикетов, расклейку плакатов, растяжек, информационных листов. Также повсеместно распространялась газета «Справедливая Осетия», в которой представлена программа партии и критикуется позиция главного оппонента – фаворита избирательного процесса – «Единой России». Региональное отделение «Справедливой России» акцентировало внимание избирателей на близости «партии власти» к чиновничьему аппарату, на «сожительство» партии «Единая Россия» и власти. Также критиковалось лояльное отношение «партии власти» к проблемам и противоречиям социальной сферы.

В ходе избирательной кампании использовался весь набор традиционных политических технологий [10]. Использовалась технология систематического **«аудита»** с целью оперативного обновления всего комплекса мероприятий и акций политических организаций. Также в рамках нескольких **агитационных волн** применялась технология **«направленного удара»**, т.е. проведения мобилизационных встреч, диалогов, дискуссий с активистами производства, общественных отношений, авторитетными главами и членами фамилий для формирования необходимого мнения. Широко внедрялись **«формирующие опросы»**, анкетирования, интервью, как негативного, так и позитивного типа, которые акцентировали проблемы безопасности, стабильности, прав человека. Также использовались **политические перформансы** с применением «перевода стрелок», «зацепок», «фокусов», «действ», «поездок», «акций», «флэш-мобов».

В целом в избирательной кампании были применены креативные формы предвыборной борьбы. Ряд из них обусловлен этнокультурными особенностями республиканского сообщества. Так, для ведения агитационной

работы использовались традиционные национальные праздники (прежде всего «Джиоргу-ба»), на которых распространялась атрибутика политических партий.

Повышение активности избирателей обусловлено обстоятельствами как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, это стабилизация ситуации на Северном Кавказе, снижение риска терроризма и религиозного экстремизма, прекращение открытых манифестных этнополитических конфликтов, исчерпание залповой эвакуационной миграции в субъекты региона, вызванной конфликтами на Южном Кавказе. Для населения республики важнейшими факторами, стабилизирующими общественное настроение, являются: блокирование осетино-ингушского конфликта; адаптация мигрантов из Южной Осетии; достижение нового качества единства североосетинского сообщества [11].

Вместе с тем факторами социальных противоречий являются: пролонгированные политические, социальные и психологические следствия террористического акта в Беслане; выраженное экономическое, социально-статусное расслоение населения; коррумпированные проявления в системе политико-административного управления. Также неоднозначные оценки в общественном мнении находят методы борьбы политических сил и партий, к которым прибегают региональные и местные отделения политических партий и отдельные активисты политического истеблишмента [12].

Повышению политической лояльности и, в целом, политической активности способствует позитивная динамика социально-экономического развития РСО – Алании, а, соответственно, и возможность решения комплекса общественно-политических и социальных проблем. Так, 2007 г. отличался ростом основных социально-экономических показателей. В соответствии с инициативами федерального центра по развитию Северо-Кавказского региона осуществляется привлечение в республику инвестиций. Например, в ближайшие три года в республику будет привлечено в качестве инвестиций около 30 млрд рублей [13]. При этом руководство республики на уровне официальных деклараций провозглашает курс на социальную справедливость, достижение высокого уровня экономического развития, предупреждение социальных противоречий. Также важной проблемой управленческого и общественно-политического дискурса является упрочение положения РСО – Алании в межрегиональных отноше-

ях Южного федерального округа и в отношениях с федеральным центром.

Сам ход избирательной кампании анализировал главные проблемы, волнующие избирателей. Они, прежде всего, имеют социально-экономическую природу. Это: дотационность республиканского бюджета при ежегодном выполнении установленных Федеральной налоговой службой России заданий по мобилизации платежей в бюджет. Существенной проблемой является высокий уровень безработицы, особенно среди женщин и молодежи, в сельских районах республики. Рынок труда характеризуется спросом на рабочие специальности при дефиците предложения и вместе с тем при большом предложении специалистов с высшим техническим и гуманитарным образованием. Несмотря на наличие сложившегося производственного комплекса, который обеспечивается заводами «Электростанция», Владикавказский вагоноремонтный заводом (ВВРЗ), «Радуга» и «Электроконтактор», физические объемы выпускаемой продукции недостаточны.

Типичной проблемой является рост потребительских цен на товары и услуги, рост цен в жилищно-коммунальной сфере. В целом уровень жизни населения республики ниже среднего уровня жизни населения развитых регионов страны, что проявляется, прежде

всего, в уровне жизни и социальных перспективах социально незащищенных и малообеспеченных слоев населения. Исследователи социальных процессов, социального настроения и социальных устремлений жителей республики в 2006–2007 гг. отмечают комплекс проблем, которые волнуют население республики. Это: угроза терактов; низкий уровень доходов; рост цен на товары и услуги; коррупция, взыскание в правоохранительных органах и во властных структурах; рост наркомании, алкоголизма. Также это – авторитет страны на международной арене, укрепление обороноспособности, развитие патриотизма [14].

Основной выход из создавшейся ситуации республиканская власть видит в грамотной инвестиционной политике, модернизации производства и ориентации на выпуск инновационной продукции. Будущее республики видится ее политико-административной элите в решении социальных проблем. Это направление является наиболее выигрышным, так как движение общества к социальному порядку и социальной справедливости отождествляется с движением к безопасности и прогрессу. В организации этого движения свою роль могут и должны сыграть региональные отделения всероссийских партий, получившие мандат доверия жителей республики.

1. См.: Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии / Отв. ред. Я. А. Пляйс. М. Ростов / нД: Изд-во СКАГС, 2004.

2. Зырянов С. Г. Электоральные процессы в современной России: институциональный и поведенческий подходы к анализу. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2007. С. 156–170.

3. Гаман-Голутвина О. В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селектор в процессах парламентского представительства в России // Политические элиты России в региональном измерении. М. – Ростов н/Д, 2004.

4. Ануфриков А. Особенности национальной охоты за голосами избирателей // Политический маркетинг, 2001. № 3; Базаров А. Лоббисты четвертого созыва // Профиль. № 46 / 10 дек. 2007. С. 39–42; Рудаков В. Председатель партии // Профиль. № 46 / 10 дек. 2007. С. 12–16.

5. Вартумян А. А. Региональное партстроительство: политические процессы и региональная специфика // Политические партии в избирательном процессе. Российские и зарубежные сравнения. Сб. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

6. См.: Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Ростов н/Д – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. С. 439–457.

7. Пушкарёва Г. В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис, 2003. № 3.

8. Отчет об итогах избирательной кампании по выборам в Государственную думу ФС РФ V созыва Северо-Осетинского регионального избирательного штаба Всероссийской политической партии «Единая Россия».

9. Отчет об итогах избирательной кампании по выборам в Государственную думу ФС РФ V созыва Северо-Осетинского регионального избирательного штаба Всероссийской политической партии «Единой России».

10. См.: Савченко И. А., Шпак В. Ю., Юрченко В. М. Технология политического действия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.

11. См.: Партии обрушат на избирателей старые обещания // Северная Осетия, 2007, 12 сент.; О стабильности говорят все партии // Северная Осетия, 2007, 20 ноябр.; Рязанов В. Куда дует политический ветер // Северная Осетия. 2007. 8 дек.

12. Рязанов В. «Что меняется в политическом спектре республики?». Северная Осетия, 2007. 14 марта.

13. См.: В парламенте республики. Информационно-аналитический центр Парламента РСО-А. Северная Осетия // 2008. 31 мая; Все решения должны служить благу республики. На заседании правительства // Слово. 2008. 12 апр.

14. Рязанов В. О чем расскажут рейтинги? // Северная Осетия, 2007, 25 окт.; Рязанов В. С чем идут во власть? // Северная Осетия. 2007, 2 окт.

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

А. Е. ШАПАРОВ

Социальная политика относится к сфере государственного управления, содержанием которого является деятельность государства в социальной сфере. Главной особенностью проведения различных мероприятий государственной политики в социальной сфере в 90-е годы в России было то, что они происходили в условиях социального кризиса и как следствие, тотального дефицита всех необходимых ресурсов. Как справедливо замечает Б. Гай Питерс, «из-за ограниченности ресурсов государства главной задачей любого современного правительства становится выработка приоритетов» [1]. Такими приоритетами в социальной политике в конце XX века объективно стали задачи борьбы с бедностью и помощи малоимущим. Однако понимание задач социальной политики несводимо лишь к функциям социального обеспечения малоимущих и инвалидов. Подобная узкая трактовка социальной политики, к сожалению, укоренившаяся в общественном сознании, не отражает современного содержания этого важнейшего понятия. Социальная политика призвана обеспечить гражданам равные возможности для реализации их прав и свобод. Иными словами, цель социальной политики заключается в формировании условий, при которых реализация гражданином своих способностей и устремлений зависела бы исключительно от его усилий. Эффективная социальная политика не порождает иждивенческие настроения, а напротив, формирует и создает условия для реализации мотивационного механизма трудовой активности.

Социальная политика присуща большинству развитых современных государств. Однако ее цели, направления и содержание могут существенно отличаться, что находит выражение уже в конституциях государств. Согласно Конституции России 1993 г., Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Ст. 7). Пренная, советская конституция одним из важных направлений социальной политики провозглашала задачу государства способствовать «усилению социальной одно-

родности общества» (Конституция РСФСР 1978 г. Ст. 19). В Конституции 1993 г. данная статья отсутствует. Означает ли это автоматическое устранение государства из сферы социального регулирования и распределения? Конечно же, нет. В любом современном развитом обществе реализация дистрибутивных функций составляет основное содержание внутренней политики государства, причем доля социальных расходов в некоторых странах может превышать расходы на оборону и безопасность и при этом иметь устойчивую тенденцию к росту.

Таким образом, хотя цели, задачи и практическая реализация социальной политики могут существенно отличаться, но потребности общества в распределении ресурсов среди различных социальных групп как важное условие сохранения его единства и целостности объективируют существование социальной политики в том или ином виде. На то, что проводимая социальная политика фокусирует интересы противоборствующих за ограниченные ресурсы социальных групп, существующие в обществе представления о справедливости и общесоциетальные потребности поддержания целостности, справедливо указывает известный отечественный социолог О. И. Шкаратан [2, с. 6]. Его определение социальной политики любой страны как деятельности по установлению и поддержанию неравного положения социальных групп выдержано совершенно в политологическом духе.

По мнению автора, социальная политика является одним из направлений государственной политики, реализуемой в границах стратегии общественного развития, основанной на системе отношений между политическими и неполитическими субъектами по поводу распределения социальных ресурсов и формирования сбалансированного и конкурентоспособного общества. Из определения следует, что именно стратегия социального развития определяет механизм реализации социальной политики. Механизм реализации социальной политики, в свою очередь, предполагает систему управленческих, организационных, правовых и иных мер, направленных на формирование стабильного,

конкурентоспособного, сбалансированного общества, регулирование численности народонаселения и, что еще важнее, его качественных характеристик.

Реализация механизма социальной политики происходит в рамках различных стратегий развития общества. Стратегии общественного развития определяют цели и ценностные ориентиры национальной социальной политики на конкретном временном отрезке существования общества. Условно их можно определить как «стратегию стабилизации» и «стратегию развития».

Стратегия стабилизации предполагает постановку целей и решение задач с ориентацией на традиционалистские ценности, государственный патернализм, систему социальных гарантий. Стратегия развития содержит качественно иной, модернизационный ценностный набор, включающий ориентацию на инновационность, конкуренцию, частную инициативу, необходимость приложения личных усилий для достижения успеха. В этом смысле уместно провести историческую параллель с китайскими политическими концепциями, развиваемыми в рамках конфуцианства — «да тун — сяо кан». Данные политические концепции применяются для обозначения двух состояний общества: идеального («да тун» — Великое единение) и приемлемого («сяо кан» — малое процветание). Концепции сохраняют свою актуальность и в современном Китае, цели развития которого определяются в рамках концепции «сяо кан».

Выделение стратегий стабилизации и развития не исключает их внутренней дифференциации. Так, целями социальной политики 90-х гг. прошлого века выступали стабилизация общества и его физическое выживание. Формулирование стабилизационных стратегий деятельности правительственных институтов было обусловлено системным социально-экономическим кризисом и процессами перераспределения собственности. Наглядной иллюстрацией действий правительственных институтов в рамках реализации стабилизационных стратегий служит появление в 1992 г. понятия «минимальный прожиточный минимум», первоначально именовавшегося «физиологическим прожиточным минимумом».

Каждая из стратегий задает свой собственный комплекс целей, задач, инструментов, ресурсов, практик осуществления социальной политики на определенном этапе существования общества. Речь идет об очередности

в реализации стратегий, неприменимости инструментария одного этапа при реализации стратегии другого. Так, задачи стратегии инновационного развития общества не могут быть решены при помощи того объема ресурсов и теми практиками в деятельности государственных институтов, которые присущи стратегии стабилизации. В то же время в условиях системного социального кризиса реализация государственных политик в рамках стратегии стабилизации не только оправдана, но и жизненно необходима. Стратегия социального развития объективно формируется под воздействием факторов внешней и внутренней окружающей среды и в свою очередь задает возможные варианты ценностных ориентиров для формирования основных направлений государственной политики. Выбор и постановка политических целей в рамках ценностного набора объективно заданной общественной стратегии является прерогативой политической власти конкретного общества и относится к этапу целеполагания в процессе формирования государственной политики. Таким образом, государственная политика представляет собой деятельность органов власти по реализации государственно-управленческих решений по достижению целей, в границах ценностного набора, определенного в рамках возможностей, задаваемых определенной стратегией развития общества.

Под социальной политикой мы понимаем целый комплекс государственных политик, объектами воздействия которых являются человеческий капитал и качество жизни: образовательная, здравоохранения, социального обеспечения, пенсионная, миграционная, демографическая, молодежная, занятости и некоторые другие, каждая из которых имеет не только свои цели, объекты и ресурсы, но и политические определенные приоритеты, а также темпоральные характеристики достижения целей. Важно указать, что социальная политика оказывает непосредственное влияние на характер, направления и интенсивность процессов социальной мобильности.

Здесь необходимо прояснить, что понимается под политическим воздействием на процессы социальной мобильности. Социальная мобильность является следствием изменения статуса социальной группы в структуре общества. В этом смысле государственная политика в сфере социальной мобильности означает разнообразные воздействия посредством государственного регулирования социальных институтов, оказывающие

влияние на изменение статусов различных социальных групп в структуре общества. В зависимости от стратегии развития общества изменяются приоритеты государственной политики в сфере регулирования социальной мобильности. Так, в рамках стратегии стабилизации и борьбы с бедностью приоритетными направлениями политики государства в сфере социальной мобильности выступали пенсионная политика, обеспечение занятости, ограничительная миграционная политика. Стратегия развития означает смену прежних приоритетов социальной политики с социального обеспечения на такие направления, как образовательная политика, содействие добровольному пенсионному накоплению, а в сфере миграционной политики ограничительный вектор государственных воздействий изменяется на стимулирующий.

В современных условиях подобное однонаправленное субъект-объектное взаимодействие по счастью представляется недостижимым. Исключение по объективным причинам составляет лишь военная сфера, в которой государство определяет, в какой должности и в каком месте будет выполнять свои обязанности военнослужащий. Но такое субъект-объектное взаимодействие является добровольным, объективным по своей природе и в равной мере присуще всем государствам.

В то же время и в отдаленной перспективе нельзя ожидать формирования полностью автономной самоорганизующейся социальной структуры, полностью исключая участие государства в регулировании общественных отношений. В этом смысле тезис «политизации социального» А. М. Янг и Н. Фрейзер противостоит идее разделения сфер «политического» и «социального», сформулированной Х. Арендт, полагавшей, что «социальное» все больше отодвигает политику на второй план [3, с. 454]. **Функционирование систем образования, здравоохранения, поддержания правопорядка, социального управления и социального обеспечения** требует качественно иного уровня выработки государственной политики, рассматриваемой как результат взаимодействий государства, партий, социальных движений, групп давления, т. е. институционализированных и неинституционализированных субъектов, реализующих свои права и интересы в политической сфере.

В политической науке в зависимости от объема управленческих функций и пределов государственного регулирования принято выделять три главных формы участия госу-

дарства в обществе — либеральную, тотального госконтроля и промежуточную. Все три модели при практическом осуществлении проявили серьезные недостатки, которые могут быть отнесены к онтологическим. Первая модель, известная под названием «laissez faire, laissez passer» (никаких стеснений свободы торговли — лозунг фритредеров в Англии и Франции XVIII–XIX вв.), требующая невмешательства государства в экономическую сферу, рассматривает рынок как естественный регулятор общественных отношений. Вторая — «социалистическая» модель, суть которой состоит в монополизации государством дистрибутивных функций в отношении всех социальных объектов. Третья модель получила наименование «государства всеобщего благоденствия» («Welfare State»), под которым понимается патерналистская политика государства, заключающаяся в предоставлении гражданам социальных благ и услуг. Первая модель была опрокинута мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Вторая модель государственного участия нашла уродливое воплощение в мрачной практике тоталитаризма XX века, а третья, хотя и справедливо критикуемая за излишний государственный патернализм, нередко порождающий деформацию рыночных структур, рост социального паразитизма и иждивенческих ожиданий, тем не менее имеет множество национальных вариантов успешного воплощения и функционирования.

Каждая из стратегий национальной социальной политики может быть реализуема в рамках определенной модели государства всеобщего благоденствия. Широко известной является типология государств всеобщего благоденствия, предложенная датским социологом Г. Эспинг-Андерсеном, который на основе анализа социальной политики 18 стран выделил три кластера государств всеобщего благоденствия, взяв в качестве критерия участие государства в финансировании социальных программ в области пенсионного обеспечения, борьбы с безработицей и здравоохранения. Каждый кластер «имеет собственную логику организации, стратификации и социальной интеграции» [4, р. 3]:

1) либеральный (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия). Базируется на ценностях классического либерализма. Характеризуется преобладанием рыночных механизмов в осуществлении социальных программ;

2) корпоративистский (Германия, Фран-

ция, Австрия). Идеологической основой выступают ценности консерватизма. Доминирование государства в осуществлении социальных программ. Государственная поддержка через механизмы обязательного социального страхования объединений работодателей и наемных работников;

3) социал-демократический (Дания, Швеция, Нидерланды). Философским базисом являются марксизм и социализм. Социальные программы преимущественно субсидируются государством.

Таким образом, в либеральной группе государств всеобщего благоденствия целью государства является стимулирование частной инициативы граждан в решении проблем пенсий и социального страхования. Благополучие граждан напрямую зависит от их личных средств и страховых накоплений, сделанных в течение трудовой активности. Системы социального страхования корпоративистских государств поддерживают сохранение социальных неравенств. Социальные выплаты зависят от класса, статуса и трудовых усилий индивида. В государствах социал-демократической группы индивидам и семьям гарантируется поддержка социально-приемлемого уровня жизни вне зависимости от рыночной оценки их трудовой деятельности.

Западногерманский социолог Г. Шельски проанализировал процессы индивидуальной и коллективной мобильности двух послевоенных поколений в ФРГ и пришел к выводу, что в ходе интенсивных процессов социальной мобильности значительная часть рабочих, служащих и менеджеров низшего звена повысила свой социальный статус, в то время как мобильность лиц из высших социальных слоев имела нисходящий характер. Динамика социальной мобильности в ФРГ, по мнению немецкого исследователя, имеет тенденцию к выравниванию жизненных шансов представителей различных слоев общества, ломке социальных перегородок. Большая роль в сглаживании социальных различий принадлежит государству, которое через прогрессивную систему налогообложения, социальные программы в области образования, занятости, здравоохранения способствует формированию «общества средних слоев». Однако максимизация уравнивательных тенденций неминуемо обернется утратой самостоятельности общественных структур; их все большей зависимостью от государственных субсидий; превращением общества в объект манипулирования со стороны бюрократии [5]. Таким

образом, Шельски не выступает сторонником уравнивательных тенденций. Напротив, он видит угрозу в формировании «государства благоденствия», не способного адекватно ответить на все более усиливающиеся со стороны общества требования «справедливого распределения» [6. P.160].

Кризис национальных моделей государства всеобщего благоденствия был непосредственно связан с процессами социальной мобильности в западных обществах. С одной стороны, в результате мер социальной политики, осуществляемой в рамках национальных моделей государств всеобщего благоденствия, облегчился доступ к важнейшему в современных обществах институту социальной мобильности – системе образования, что увеличило шансы повысить свой социальный статус представителям широких социальных слоев. Рост государственного аппарата и финансируемого государством общественного сектора объективно сопровождался расширением вакансий работников. Широкие социальные выплаты существенно сократили масштабы бедности в западных обществах второй половины XX века.

С другой стороны, проводимая государством политика в социальной сфере имела и негативное влияние на процессы социальной мобильности. Во-первых, широкие социальные гарантии не стимулировали трудовую активность и продвижение по социальной лестнице (вертикальная мобильность), что, например, нашло выражение в массовом участии в движении хиппи молодых людей, не желавших по примеру своих родителей подчинять собственную жизнь достижению целей карьерного роста. Во-вторых, большой объем предоставляемых государством социальных благ значительно увеличил миграционную привлекательность западных обществ, поток мигрантов в которые (территориальная мобильность) лишь усилился в 60–70-е гг. XX века. В-третьих, лояльность по отношению к мигрантам, доступ к системе социального обеспечения даже для «неграждан» постоянно усиливали рост государственных расходов, что отражалось на снижении уровня поддержки правительственных действий со стороны населения. Таким образом, политика государства всеобщего благоденствия имела как позитивное, так и негативное влияние на процессы социальной мобильности в западных обществах.

Однако рост государственных расходов, имея объективные ограничения, не мог про-

должаться бесконечно долго. Кризис практического воплощения модели государства всеобщего благоденствия был порожден усиливающейся бюрократизацией государственного аппарата, ростом государственных расходов, существенно превышавших возможности национальных бюджетов. Негативное влияние оказали также снижение качества предоставляемых обществу услуг, излишняя централизация в принятии решений, из-за чего терялась связь с нижестоящими органами, негибкость реагирования государства на изменение запросов общества. Кроме того, проводимая государством всеобщего благоденствия политика делала акцент на дистрибутивные функции государства, а не на налаживание взаимодействия с институтами гражданского общества.

Кризис социальной политики государства всеобщего благоденствия заставил пере-

смотреть теоретические подходы к тому месту и той роли, которые отводятся государственной политике в современном обществе.

Таким образом, вне зависимости от различий между декларируемыми и практически реализуемыми целями, объемов экономических ресурсов и практической реализации, эффективным осуществлением социальной политики или ее фактически декларативным характером государство как политический институт оказывает непосредственное влияние на социально-экономическую сферу общества. В этом смысле долговременное устойчивое развитие общества, увеличение продолжительности жизни, рост численности населения, повышение качества человеческого капитала служат объективными критериями формирования стратегии эффективной национальной социальной политики.

1. Питерс Б. Г. Глобализация, управление и его институты // Отечественные записки, 2004, № 2. В электронном варианте: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=808>.

2. Шкаратан О. И. Трансформация социальной сферы: социальная политика // Мир России, 2001, № 2. С. 6.

3. Янг Ай. Политическая теория: общие проблемы. В кн. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., Вече, 1999. С. 454.

4. Esping-Andersen, G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1990. P. 3.

5. Shelsky H. Der selbständige und der betreute Mensch. Politische Schriften und Kommentare. Stuttgart: Seewald, 1976. P. 176–177.

6. Shelsky H. Ibid. P.160.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ПРИРОДА И РОЛЬ

О. В. ДЕЙНЕГА

Переход Российской Федерации к новой политической системе вызвал научное обсуждение проблемы, существующей в нашей стране давно — проблемы административного влияния властей на общество в целом и в частности — на мнение и поведение избирателей. Данный феномен, получивший в литературе название административного ресурса, нередко сводят к нелегальным методам воздействия властей на ход избирательной кампании.

Для России проблема административного ресурса действительно значима и актуальна. Это обусловлено особенностями современного этапа развития российского общества: переходом от тоталитаризма и административно-командной системы к обществу более демократичному; утверждением в практике отечественной политической жизни механизма демократических выборов на альтернативной основе, а также быстрым процессом возникновения и развития новых избирательных технологий, требующих изучения, анализа и законодательного урегулирования.

История исследования вопроса

Следует признать, что в современной политической науке изучение такого явления как административный ресурс в рамках политических систем пока не получило значительного развития.

Впервые в средства массовой информации термин «административный ресурс» запустил в августе 1995 г. директор Центра стратегического анализа и прогноза Д. Ольшанский на своей пресс-конференции, посвященной предвыборному рейтингу партий, движений и блоков.

В дальнейшем, во время избирательной кампании в Государственную думу 1995 г., «административный ресурс» закрепился в политических рейтингах Центра стратегического анализа и прогноза как один из критериев, по которым оценивались шансы предвыборных объединений [1].

Позже в 1996–1997 гг. этот термин начинают использовать в политологии. Но при этом научное признание и объяснение «административный ресурс» получает лишь в начале

XXI века. Причем среди политологов и сегодня есть ученые, отрицающие научную ценность данного понятия.

На наш взгляд, неверно вести отсчет развития научных концепций административного ресурса в России с 1995 года. Отечественная политическая система такое явление как использование служебного положения и связей для достижения каких-либо целей, в том числе и личных, присуще уже давно. Появление административного ресурса можно связать с появлением государства, иерархии, закона, государственной и политической власти. Именно поэтому историю возникновения и развития административного ресурса можно изучать, начиная с Киевской Руси.

Необходимо отметить, что в настоящий момент в политической науке таких исследований нет. Предполагаем, что это связано, прежде всего, с односторонним пониманием данного явления. Современные политологи изучают административный ресурс на сегодняшних примерах его проявления, чаще связанных с избирательным процессом.

Исходя из результатов проведенного нами анализа эволюции научных концепций и подходов к исследованию проблем административного ресурса в политической системе России, можно говорить о взаимозависимости этой эволюции и генезиса самого административного ресурса. То есть чем сложнее, чем более структурированным становится административный ресурс, тем более сложные научные подходы применяются к его изучению. Хотя не стоит забывать и еще об одном важном факторе научных исследований — доступности информации. В нашем случае только в начале XXI века становится возможным более широкое исследование данного явления.

Для становления концепций административного ресурса характерны следующие этапы:

1. *Изучение феномена административного ресурса в рамках функционального подхода (80–90-е гг. XX в.): рассмотрение административного ресурса как элемента политической системы, изучение его функций и роли в этой политической системе. Основные представи-*

тели данного подхода: С. Кордонский, Чарльз Ф. Эндрейн, О. Крыштановская, Р.М. Нуреев.

2. *Применение к изучению проблем административного ресурса системного подхода* (вторая половина 90-х гг. XX в.): рассмотрение административного ресурса как системы, изучение его структуры, взаимосвязи его элементов. Ученые, работающие в рамках данного подхода: А. Николаев, В. Динес, О.П. Кудинов. К этому подходу можно отнести и официальное толкование административного ресурса в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме Российской Федерации».

3. *Анализ административного ресурса с точки зрения синергетического подхода* (начало XXI века — по настоящее время): понимание административного ресурса как самоорганизующейся системы со своими законами развития и причинами возникновения. Представители данного направления: В. Б. Звоновский, А. Е. Чуклинов.

Подходы к определению и классификации понятия «административный ресурс»

Чаще всего «административный ресурс» представляют как средства и возможности, доступные действующему политику» [2]. Иногда этот термин употребляют как синоним связей с государственными органами.

В узком смысле под административным ресурсом в современной политологии принято понимать «вмешательство действующих чиновников и их аппарата в ход предвыборной борьбы. При этом преследуется цель — избрание на ту или иную должность человека, удобного или выгодного власти» [3].

В широком смысле административный ресурс представляется как управленческий метод воздействия на те или иные подсистемы общества с целью решения каких-либо проблем и достижения интересов определенных социальных групп.

За последние несколько лет стало возможным выделение двух видов административного ресурса:

✓ *Легальный административный ресурс* — это использование должностными лицами или государственными органами исполнительной ветви власти своих полномочий с целью получения дополнительных возможностей и гарантий в процессе реализации должностных обязанностей. Этот вид административного ресурса априори включен в правовое поле, т.к. наличие должностных преимуществ подра-

зумевается законодательством, определяющим властную компетенцию государственных органов и должностных лиц. Например, показано, что на выборах, «по данным социологов, от 10 до 15 % избирателей автоматически голосуют за власть (понимая власть в широком смысле — по всей ее вертикали) только потому, что она уже таковой является» [4].

✓ *Нелегальный административный ресурс* — совокупность различных административных технологий, «позволяющих добиться при минимальных финансовых и вообще материальных затратах максимального воздействия на людей, обеспечить их «добровольную» подчиняемость. Он пускается в ход, как правило, в том случае, когда позиции действующей власти на предстоящих выборах оказываются недостаточно крепкими, когда появляется реальный конкурент, серьезный соперник» [5]. Этот вид административного ресурса по своей сути представляет собой сугубо коррупционное деяние, которое рождается в процессе практической политико-управленческой деятельности, в рамках которой использование преимуществ служебного положения противоречит не только нравственным и моральным, но и правовым нормам.

Такое деление административного ресурса возможно, если речь идет о стабильной ситуации, когда нормы права содержательно соответствуют всем явлениям политической, экономической и других видов жизнедеятельности. Понятно, что данная ситуация является теоретическим идеалом и практически невозможна в реальной жизни.

В случае, когда существующее законодательство не успевает отражать в своих нормах новые явления и процессы жизни общества, будет правильным в рамках нелегального административного ресурса выделить два подвида:

✓ *«криминальный» нелегальный административный ресурс* — явное нарушение субъектами государственного и муниципального управления норм существующего законодательства, использование служебного положения в личных интересах;

✓ *«вынужденный» нелегальный административный ресурс* — обход законодательства, не нарушая существующих норм, в силу отсутствия регулирования тех или иных явлений и процессов; личные цели не преследуются.

Проведя анализ существующих подходов к определению сущности административного ресурса, мы пришли к выводу о том, что в политической науке сложилось два основных **направления анализа** этого явления.

Представители первого направления выступают против признания административного ресурса в качестве закономерного управленческого средства и трактуют его исключительно как деструктивное явление системы государственного управления России, которое разрушает саму идею демократии как политического режима, основанного на самоопределении и самоуправлении. Их позиция заключается в признании административного ресурса коррупционным политическим явлением даже в том случае, если оно явно не противоречит материальным нормам уголовного и административного права.

Второе направление базируется на признании административного ресурса управленческим методом до тех пор, пока использование данного ресурса не выходит за рамки, определенные законодательством.

Мы же склонны считать эти два подхода к определению административного ресурса не самостоятельными направлениями анализа двух различных явлений, а двумя частями одного целого. Автору ближе понимание и рассмотрение административного ресурса как синтеза двух подсистем: позитивной и негативной. На наш взгляд, административный ресурс — это двуликое явление, которое при определенных условиях и обстоятельствах принимает вид легального или нелегального ресурса.

Признавая в качестве основной функции государства функцию управления, то есть администрирования, мы можем утверждать о естественности данного вида ресурса, его предусмотренности как законодательством, так и многовековыми традициями государственного управления. Административный ресурс — это управленческий метод в силу того, что любой властвующий субъект априори наделен неким властным, а значит — административным ресурсом.

Кроме того, необходимо отметить, что в самом общем понимании административный ресурс не должен рассматриваться как неизбежная прерогатива только исполнительных государственных органов. Использование преимуществ служебного положения возможно и представителями депутатского корпуса, и должностными лицами судебной ветви власти, и работниками целого ряда общественно-политических структур, не входящих в систему государственных органов (например, профессиональных союзов, официальных аналитических организаций, мониторинговых групп и т.д.). То есть «сам факт наделения того или иного властного субъекта некой системой полномочий говорит о наличии в его руках опреде-

ленного арсенала ресурсов, которые могут быть использованы как по назначению, так и в корыстных целях или же в ущерб общественным интересам или интересам государственной службы» [7].

Итак, **административный ресурс**, по нашему мнению, — это система организационных, распорядительных, кадровых методов и средств, реализуемых должностными лицами и государственными органами при осуществлении государственного управления. Эти методы и средства могут как соответствовать, так и не соответствовать основным принципам и направлениям государственного управления.

О природе административного ресурса

Рассматривая административный ресурс как одну из составляющих современной политической системы России, важно понять природу и истоки этого явления, причины его существования во всех видах политических систем нашей страны.

Одной из первых причин такого существования, на наш взгляд, является особая традиция властвования в нашей стране. Для нее характерны: стремление к максимальной централизации, сосредоточение власти «в одних руках» и контроль над ресурсами, нетерпимость к существованию оппозиции, предпочтение в качестве основных методов управления насилия и принуждения. В качестве средства реализации всех этих методов и принципов управления и выступает административный ресурс.

Следующей причиной можно назвать менталитет, особые архетипы народного сознания. Это определенные культурные образцы (идеи, ценности, принципы, передающиеся из поколения в поколение), запечатленные в культуре символы и ценности «порядка», «надежды на управу» и «сильной руки», государственного патернализма.

Прежде всего, это вера и доверие россиян к царю-батюшке, вождю или президенту, «причем в прямой пропорции к их реальной или явленной “строгости”, способности сурово наказать зарвавшихся бояр, местных руководителей или олигархов. Явственное падение популярности Николая I, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, насмешки над ними напрямую связаны с их недостаточной твердостью и суровостью. Простой народ терпит унижение не от государства вообще, а от ближайшего начальства и хозяев, от сравнения своего уровня жизни с бьющей в глаза роскошью богачей. Общественная любовь к строгому и суровому

вождю питается энергией подспудной надежды: на каждого начальника, на каждого “хапугу-прихватизатора” рано или поздно найдется управа» [8, с. 20].

Подтверждением этому стали выборы в Государственную думу в 2007 году. Когда большая часть россиян отдала свое предпочтение «партии власти», предполагая, что голосует за «Президента».

В настоящий момент легитимность использования административного ресурса органами государственной и муниципальной власти обеспечивают следующие условия:

1) Отсутствие опыта смещения руководителей посредством общественных протестов, демократических процедур и судебных процессов, инициированных «снизу».

2) Распространенность авторитарных отношений, патернализма в семьях, детских и образовательных учреждениях, государственных структурах и частных компаниях, что выражается, прежде всего, в отстранении младших и подчиненных не только от принятия решений, но и от их обсуждения.

3) Сегодня причина широкого распространения административного ресурса в нашей стране кроется еще и в том, что основная часть граждан России более всего озабочена насущными проблемами выживания, а не наблюдением за политическими дебатами.

4) Кроме того, отсутствие в России работоспособных нормативно-правовых и иных регуляторов деятельности политиков приводит к дальнейшему увеличению роли административного ресурса (прежде всего нелегального). Появляются черты авторитарного режима, когда власть концентрируется в одних руках.

Влияние административного ресурса на качество государственного управления России

Качество государственного управления определяется степенью соответствия деятельности государственных служащих ключевым ценностям государственного управления. Понятие «ключевых ценностей» принимает разное значение в зависимости от того, какой подход к государственному управлению (правовой, политический или менеджеристский) используется для оценки деятельности государственных служащих.

В настоящий момент наиболее широко для определения качества государственного управления используется методика ООН по оценке «качественного управления». Она учитывает ценности различных подходов.

Рассмотрим, как в соответствии с ценностями того или иного подхода административный ресурс (легальный и нелегальный) влияет на качество государственного управления в России.

Ценности правового подхода включают в себя:

во-первых, верховенство права — наличие справедливых законов и действенная защита прав человека, особенно для демократических меньшинств;

во-вторых, равенство и недискриминация — равный подход ко всем гражданам.

Если посмотреть на государственное управление России сквозь призму этих ценностей, то мы увидим, что законодательно данные принципы закреплены, но в действительности не реализуются. Не является ли применение административного ресурса государственными служащими причиной такого несоответствия?

На наш взгляд, ответ будет положительным, если речь идет о нелегальном административном ресурсе, который и предполагает явное нарушение законодательных норм, их обход и действие в соответствии с личными интересами каждого из участников государственного управления. В данном случае очевидно, что влияние нелегального административного ресурса на качество государственного управления является сугубо отрицательным.

Сложнее дело обстоит с ответом, когда речь идет о легальном административном ресурсе. В данном случае качество государственного управления напрямую будет зависеть от «качества» субъекта государственного управления. В случае его «добропорядочности» использование административного ресурса будет направлено на соблюдение принципов равенства и верховенства законности, а не на подчинение системы государственного управления удовлетворению интересов лишь отдельной группы населения или определенного предприятия. Тогда и влияние административного ресурса на качество управления будет положительным.

Ценности политического подхода следующие:

во-первых, участие — участие граждан в процессе принятия государственных решений, как непосредственное, так и через организации гражданского общества;

во-вторых, оперативность — возможность вовлечения и обеспечения участия в административных процессах всех заинтересованных лиц;

в-третьих, ориентация на консенсус — ис-

пользуются механизмы посредничества и иные способы для достижения общего согласия при принятии решений в интересах всех членов общества.

В данном случае влияние легального и нелегального административных ресурсов на качество государственного управления будет аналогично рассмотренному нами в правовом подходе. Но здесь важно отметить тот факт, что на сегодняшний день ценности политического подхода не соблюдаются в политической системе Российской Федерации. И причина этому — активное использование субъектами государственного управления нелегального административного ресурса. Решением этой проблемы может стать лишь создание эффективных институтов гражданского общества. Подлинных институтов, образованных гражданами «снизу», а не насажденных государством «сверху».

Но здесь возникает другой вопрос: нуждается ли в таких институтах современное российское общество?

Ценностями менеджеристского подхода являются результативность и эффективность — органы власти производят результаты, которые удовлетворяют общественные ожидания и в то же время наилучшим образом используют ресурсы, находящиеся в их распоряжении, заботясь о воспроизводстве этих ресурсов.

Понятно, что в данном случае нелегальный административный ресурс будет всегда иметь отрицательное последствие для качества государственного управления.

Что же касается легального административного ресурса, то здесь, как и в случае с правовым подходом, влияние административного ресурса на качество государственного управления будет зависеть от «качества» субъекта управления. Если целью государственного органа является достижение таких результатов, которые удовлетворяют интересы большинства населения страны или всех групп населения, тогда мы сможем говорить о положительном влиянии административного ресурса на качество государственного управления. Но при этом субъекты государственного управления должны эффективно использовать все доступные

им ресурсы. На сегодняшний день достижение баланса между результативностью и эффективностью государственных решений является одной из актуальных проблем для России.

Кроме того, на качество государственного управления можно посмотреть и сквозь призму универсальных организационных ценностей: прозрачность и подотчетность.

В данном случае ни легальный, ни нелегальный административный ресурс не обеспечивают прозрачность деятельности субъектов государственного управления. И это, на наш взгляд, главный недостаток использования легального административного ресурса в политической системе демократического типа.

Что касается подотчетности, то здесь и легальный, и нелегальный административный ресурсы одинаково эффективно обеспечивают выполнение данного принципа.

С точки зрения морального подхода главной ценностью государственного управления является его легитимность. Подчеркнем, что эта ценность сугубо психологическая и моральная характеристика и практически не связанная с нормами законодательства, действующего в стране. Часто то, что легитимно, не является легальным. И использование административного ресурса субъектами государственного управления нашей страны яркий тому пример.

Вместо заключения

Итак, проанализировав влияние административного ресурса на качество государственного управления, мы увидели, что независимо от подхода к рассмотрению «качества управления» нелегальный административный ресурс всегда снижает качество и результативность управленческой деятельности, тогда как легальный административный ресурс в случае «качественного» субъекта управления повышает его.

Использование субъектами государственного управления России нелегального административного ресурса в качестве основного средства и метода управления намного снижает качество управления и является одной из основных проблем политической системы нашей страны.

1. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов — слова и выражения //www.g808.ru/slovar.php?sRzd=3.

2. Административный ресурс //www.warweb.ru/telo2.html.

3. Административный ресурс //www.transparency.org.ru/article_40.doc.

4. Чиркова Е. «Грязные» деньги «чистого» административного ресурса //www.tpp-inform.ru/partner/?mode=tpv&pid=88&iss=0705.

5. Гиззатов Э. Искушение властью. Административный ресурс в избирательных кампаниях: сущность и методы противодействия //www.pressclub.host.ru/PR_Lib/report/gizzatov.shtml.

6. Маркедонов С. Административный ресурс как реальность //www.russ.ru/politics/20010226/html.

7. Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции //Полис, 2006, № 4. С. 19–27.

РЕФОРМА КАК «ИЗМЕРЕНИЕ» ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Е. О. СОНИНА

Процесс реформирования охватывает в настоящее время практически все сферы деятельности общества: избирательная система, местное самоуправление, образование, система социального обеспечения. Само реформирование есть сложный, многоэтапный политический процесс, который исходит из двух основных посылок. Первой является общественный интерес, актуальная социальная проблема, требующая непосредственного решения. С другой стороны, крупные государственные преобразования всегда связаны с изменениями внешней среды развития общества. Его гармоничное становление возможно в случае соблюдения баланса условий внутренней и внешней среды. Реформа в этом аспекте есть необходимый ответ на трансформацию конкретных исторических условий. Специфика ее как политического процесса и заключается в том, что реформа представляет собой постепенное согласование изменившихся внутренних условий с изменяющимися условиями внешней среды для обеспечения органичного развития политической системы и всей системы общественных отношений.

Особым статусом в процессе государственных преобразований обладает политическая реформа. В самом общем плане она предполагает преобразование в сфере властных отношений, адаптацию новой модели их реализации. В более узком понимании политическая реформа есть изменение порядка распределения властного ресурса, необходимого для достижения определенных целей государства, общества, отдельных социальных групп и т. д. Этот порядок будет зависеть, в первую очередь, от тех установок, которые являются доминирующими для общества на данном этапе его исторического развития. А во-вторых, необходимо учитывать, что смена или корректировка модели реализации властных отношений с необходимостью вызывает изменение порядка распределения благ в том или ином обществе, переоценку их приоритетности, значимости. Поэтому политическая реформа не может происходить вне

ценностных установок социума. Более того, в ряду других государственных преобразований содержательно политическая реформа представляет собой процесс постепенного согласования доминирующих ценностных установок между различными звеньями политической системы для определения общепринятых ориентиров общественного развития. Изменения порядка распределения властного ресурса в этом плане обуславливают соответствующие изменения в распределении благ в обществе: последнее должно происходить на основе справедливого согласования интересов различных социальных групп. Поэтому эффективность политической реформы, реализуемой в соответствии с четко сформулированной ценностной системой, оказывается своеобразным залогом эффективности государственных преобразований в других сферах жизни общества [1, с. 16–19]. Только так может происходить воспроизводство исторически, культурно обусловленных форм властного взаимодействия, аккумулирующих социальные интересы, и обновление политической системы, системы общественных отношений в целом.

Результатом государственных преобразований в России, реализующихся на протяжении последних 7–20 лет, является становление политической реальности, формирующей несколько иные условия осуществления отношений господства-подчинения, порядка определения доминирующих установок и приоритетности в иерархии распределяемых посредством властного ресурса благ. Безусловно, положительным итогом является актуализация различных групп общественных интересов, связанные с этим «социализация» власти, уважительное отношение к демократическим ценностям и ценностям гражданского общества, развитие политического образования. Появились центры аккумуляции общественных интересов: от политических партий, общественных организаций до проведения митингов и массовых выступлений. Отражение установок, актуальных потребнос-

тей социума в процессе утверждения и реализации программ реформирования стало жизненно важным условием функционирования власти. Об этом ежегодно в своем Послании говорит Президент РФ [2]. Предложения по решению проблем в области здравоохранения, образования, ЖКХ, миграционной политики и т.д. являются необходимой составляющей «меню» политических партий в современной России [3]. Государственная власть столкнулась с необходимостью объяснения и оправдания своих действий и решений перед обществом. Как ответ на сложившуюся ситуацию – создание органов, призванных «осуществлять *общественный контроль* за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления». Они должны обеспечить «взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации... при формировании и реализации государственной политики» [4, ст. 1, п.1]. Состав данных органов во многом зависит от действий и решений высших должностных лиц субъектов РФ, органов местного самоуправления, но, прежде всего, Президента РФ. Именно он утверждает 42 представителей, которые потом поэтапно выбирают 84 остальных, образующих в сумме состав Общественной палаты РФ. Но сам факт создания подобного органа говорит о том, что актуализация общественного интереса носит необратимый характер и является важным условием функционирования государственной власти в России.

Несмотря на масштабность уже осуществленных изменений, современная Россия до сих пор характеризуется как страна и общество «переходного типа» (Зеленко Б. И., Петухов В. В.). Нынешний этап преобразований – это точка бифуркации, выбора дальнейшего пути развития. Мы приобрели достаточно большой багаж положительных для обновления системы политических, общественных отношений итогов, но вместе с тем не меньший – ошибок и промахов. Вся сложность современного этапа состоит в том, что многое зависит от решений одного политического актора – государства, и даже точнее – «субъективированной» государственной власти, «Русской Власти» (Пивоваров Ю. В.). Она

всегда пыталась задать свою формулу исторического пути России, в первую очередь, через определение себя в качестве единственно возможного субъекта отношений господства-подчинения. Русская Власть претендовала на метафизический, «надполитический» статус – статус единственно возможного консолидирующего, системообразующего элемента российского общества. Поэтому она всегда наполняла все реформы своим смысловым содержанием, зачастую противоречащим актуальным социальным ценностям.

Русская Власть не собирается отказываться от претензий на подобное статусное положение в политической системе, системе политических отношений в целом и на современном этапе. Она продолжает руководствоваться, прежде всего, инстинктом самосохранения. Наиболее яркий тому пример – реализуемая административная реформа. По сути своей, она должна являться одной из составляющих политической реформы в целом. Административная реформа предполагает закрепление соответствующих повседневных практик взаимодействия общества и власти [5, с. 193]. Через выборные процедуры, создание представительных органов происходит нормативное закрепление общепринятых установок, определение их в качестве приоритетных направлений государственного развития. Национальные доктрины, национальные проекты, основные законы (конституции), в целом правовые нормы являются идеальной формой воплощения ценностей в политической системе. Функциональное же включение ценностей в политической системе происходит через правоприменительную практику. И поэтому эффективная реализация административной реформы, государственного управления в соответствии, а не вопреки общепризнанным установкам, через согласование различных групп интересов обеспечивает закрепление на уровне индивидуального сознания граждан ориентиров государственного развития, принятие их как своих собственных целей и установок. Административная реформа должна опережать последующие государственные преобразования и при этом не подменять полностью преобразования политического содержания.

Принятая и утвержденная Правительством РФ в октябре 2005 г. Концепция административной реформы определяет несколько приоритетных направлений ее реализации: ограничение государственного вмешательства в экономическую деятельность субъектов

предпринимательства, развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики, повышение качества государственных услуг, включение механизма управления по результатам. Такой содержательный состав современной административной реформы указывает на то, что выбор сделан в пользу новой парадигмы государственного управления (**New Public Management — NPM**) [6, ч. 3]. Но сама Концепция одновременно предполагает установку и на бюрократическую модель реализации государственного управления. Осуществить обозначенные направления административной реформы предполагается посредством абсолютно бюрократических методов: «совершенствования действующей системы контроля и надзора», детальной регламентации административно-управленческих процессов, изменение требований к порядку набора кадров и т.д. Происходит столкновение двух ценностных моделей реализации государственного управления. С одной стороны, обозначенные цели предполагают его переориентацию на сервисное обслуживание общества, понимание гражданственной личности как единственно возможной ценности политической системы. С другой стороны, постоянные практики, процедуры взаимодействия граждан и государственной власти носят бюрократический характер. Они ориентированы на обеспечение, прежде всего, функционирования государства как властного субъекта. Создание в октябре 2007 года государственных комитетов, которые одновременно выполняют функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом [7], лишь раз закрепляет данную тенденцию. Получается, что образуется разрыв между номинально заявленными ценностями и их функциональным закреплением на уровне повседневных практик взаимодействия общества и власти, что всегда препятствует процессу исторического обновления политической системы и системы социальных отношений.

Ситуация осложняется еще тем, что административная реформа в России на современном этапе ее реализации носит практически всеохватывающий характер. Она предполагает одновременно преобразования и в сфере нормотворчества, и в сфере бюджетирования, и в сфере социального обеспечения. Достаточно широк и круг субъектов, на которых направлена реформа: сами

граждане РФ, государственные служащие, предприниматели и др. Получается, что административная реформа ориентирована скорее не на постепенную адаптацию и функциональное закрепление новой ценностной модели реализации государственного управления, а на преобразование всей системы социальных отношений. Более того, авторы Концепции административной реформы достаточно технично оперируют установками на гражданское самоопределение, гражданскую свободу, властное самоутверждение личности. С одной стороны, в Концепции говорится о гражданском обществе как уже некоей существующей данности. С другой стороны, ряд запланированных мероприятий явно указывают на то, что «разработать методические основы и системы мониторинга процессов развития гражданского общества» [6, ч. 3] в России еще только предстоит. Пожалуй, именно с этой целью закреплены такие мероприятия, как совершенствование механизма досудебного и судебного обжалования действий и решений органов исполнительной власти, процедура публичного доказательства органами исполнительной власти необходимости введения дополнительных функций, создание при них общественных советов, проведение общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти и т.д. И Президент РФ в своем послании Федеральному собранию РФ в 2007 году только подтвердил это предположение, определив «формирование дееспособного гражданского общества» в качестве одного из стратегических направлений государственной политики [8]. В результате складывается определенный парадокс Русской Власти. Получается, что условия для становления гражданского общества в России формирует государство как властный субъект. Более того, оно предлагает некую его модель, адаптировать которую на российской почве пытается посредством административных методов. В очередной раз огосударствленная власть в России пытается посредством управленческой реформы преобразовать всю систему социальных отношений, сводя политические преобразования к преобразованиям административного характера.

Ситуация усугубляется еще тем, что понимая необходимость ориентации на актуальные интересы и потребности российского социума при определении стратегических направлений политики, власть пытается оправдать себя перед ним и начинает опериро-

вать российскими культурными традициями. Политические партии в своих предвыборных дебатах как на уровне федеральном, так и на уровне субъектов федерации все чаще говорят о традиционных ценностях. Даже либерально настроенные политические акторы выдвинули концепцию построения «либеральной империи» [9, с. 128], да и само появление медведя на гербе «Единой России» в этом смысле оказывается совсем не случайным. Естественно, что основное внимание уделяется тем традиционным моделям, которые обосновывают необходимость субъектного доминирования государства в системе властных отношений. В результате российское общество оказывается в ситуации полной ценностной дезориентации на отечественном политическом пространстве. Это может привести к тому, что оно в своем стремлении гражданского самоопределения будет руководствоваться только предложенными традиционными установками. Установками на политическую пассивность при доминировании государства как главного актора во всех сферах жизнедеятельности общества. В результате подобные ценностные ориентации могут осложнить процесс его гражданского самоопределения, установления социального государства.

Итогом всех противоречий оказывается возникновение «двуликой» ценностной ситуации: установки на свободное гражданское самоопределение личности, ее волеизъявления в процессе принятия властных решений провозглашены, но по сути своей они остаются номинальными. Демократические ценности действуют как символы современной России, но функционально в отечественной политической системе они не реализуются. Это обуславливает и «недееспособность» Конституции 1993 года, и возникновение накаляющихся споров вокруг конституционности предлагаемых поправок в закон о референдуме и многие другие процессы.

Двуликость ценностной ситуации, стремление государственной власти сохранить, прежде всего, свой исторически привычный статус, сведение политической реформы исключительно к преобразованиям административного порядка, попытки создать «государственное» гражданское общество приводят к целому ряду негативных последствий. Общество оказывается в состоянии полной ценностной дезориентации в политическом пространстве современного российского государства, что препятствует личностному

властному самоопределению российских граждан. Это необходимо ведет к отсутствию обновления политической системы в России. Реформа перестает быть ее динамической характеристикой. Реформа-контрреформа оказываются хронотопом политического процесса в России. Мы живем в период масштабных государственных преобразований, и, не достигая поставленных ранее целей, переходим в эпоху тотального отказа от намеченных ранее приоритетов развития. Реформа-контрреформа становятся формой ощущения российского политического пространства. И такая закономерность приобретает уже характер хронически неизлечимого заболевания, которое ставит проблему перспективного функционирования политического процесса в России вообще, исчерпаемости его смыслового назначения и содержания. Во-вторых, игра ценностями, утратившими свою актуальную историческую значимость, предопределяет некую зависимость Русской Власти от «человека массы», с несформированным гражданским самосознанием, ограниченного в своем стремлении к гражданскому самоопределению. Это капкан, в который уже попала Власть на Западе, оказавшись в некой зависимости от воли людей, руководящихся скорее какими-то внутренними переживаниями и потребностями, нежели взвешенно принятыми решениями, исходящими из оценки их актуальных интересов и установок. А сохранение и укрепление такой тенденции практически лишает власть источников обновления.

Самое главное, что в отсутствие согласования ценностной системы общества и приоритетных направлений государственного развития происходит культивирование псевдоценностей, превращающих ценности в антиценности [10, с. 95]. Так истина подменяется ложью, право необходимостью поддержания безопасности, применение насилия оказывается единственным путем обеспечения личной свободы граждан. Это всегда разрушает систему общественных связей, препятствует гармоничному развитию общества в целом.

Поэтому необходимо понимать, что единственный путь обеспечения жизнеспособности и общества, и политической системы, и государственной власти в будущем — путь обновления культуры, базирующейся на понимании общества как необходимого субъекта властных отношений, государственного управления как звена, согласующего ценностные установки противоположных полюсов властного взаимодействия. Создание

не самого гражданского общества как такового, а условий для гражданского самоопределения личности, функционального закрепления ценностей гражданской политической

культуры в российской политической системе в интересах и российского общества, и российского государства как двух балансирующих полюсов властных отношений.

-
1. Скоробогачкий В. В. Реформа государственного управления: политический аспект [Текст]/В. В. Скоробогачкий//Чиновник, 2005, № 3 (37). С. 16–19.
 2. Российская Федерация. Президент (2000–2008; В. В. Путин). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Текст]/Российская газета, 2005, 25 апреля. С. 1–4; Российская Федерация. Президент (2000–2008; В. В. Путин). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Текст]/Российская газета, 2006, 11 мая. С. 2–5.
 3. Социальное меню в программах российских партий [Текст]: Сборник/Обзор С. Ю. Глазычева. М.: Изд-во «Европа», 2005. 200 с.
 4. Российская Федерация. Законы. Об Общественной палате Российской Федерации [Текст]: федеральный закон: [принят Гос. думой 16 марта 2005 г.: одобр. Советом Федерации 23 марта 2005 г.: по состоянию на 30 июня 2007 г.]/Собрание законодательства РФ, 2005, № 15. Ст. 1277.
 5. Gabriel A. Almond. A developmental approach to political systems. World Politics. Vol. 17, Issue 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demos.uci.edu/demos/papers/almond.htm>. (проверен 14.12.2007 г.). Р. 193.
 6. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2005–2008 годах [Текст]: утв. распоряжением Правительства РФ № 1789-р от 25.10.05 г.//Собрание законодательства РФ, 2005 г, № 46. Ст. 4720.
 7. Российская Федерация. Президент (2000–2008, В. В. Путин). Указ. Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти [Текст]: указ Президента РФ от 24 сентября 2007 г. № 1274//Российская газета, 2007, 16 октября.
 8. Российская Федерация. Президент (2000–2008; В. В. Путин). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Текст]/Российская газета, 2007, 27 апреля. С. 1–4.
 9. Москвин Д. Е. Политическое самоопределение россиян в условиях «манипулятивной демократии» (электоральный аспект), международная науч.-практическая конф. (2004; Екатеринбург). Международная научно-практическая конференция «Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 15–16 марта 2004 г. [Текст]: сб. науч. статей в 3 частях/редкол.: Б. Б. Багиров [и др.] Екатеринбург, 2004. Ч. 3. С. 127–129.
 10. Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях [Текст]/Л. Н. Столович//Вопросы философии, 2007, № 4. с. 91–97.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ФЕДЕРАЛИЗМА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

А. К. РОДИОНОВА

Концептуальные исследования признаков федерализма неразрывно связаны с изучением роли федерализма в политическом строительстве каждого федеративно-образованного образования.

Уже первые исследователи федерализма в России обратят внимание, что федерализм содержит в основе два разновекторных начала: он «может преследовать или цели человеческого объединения, соглашения, примирения, или цели общественного разделения, раздробленности, противопоставления» [1]. Федерализму свойственна двойственность, т. е. дуализм. Указанная особенность федерализма отражается в его признаках, в которых отражена его тенденция быть основой создания единого целостного государственного образования из ранее разрозненных, а также признаки, которые могут привести к разделению унитарного государства и возникновению менее прочного государственного образования – федерации.

Федерализм в Германии и США способствовал объединению отдельных государств в единое федеративное государство, в то время как в Бельгии и России он повлек замену унитарной формы государственного устройства на федеративную форму. Образование в России федерации в результате распада унитарного российского государства в ходе событий 1917 г. И. А. Ильин охарактеризует как псевдофедерацию [2]. Политическая направленность на интеграцию или дезинтеграцию высвечивает разные по содержанию группы признаков, поэтому реализация федерализма в каждом конкретном случае приобретает либо тот, либо другой характер, «звучание», иные цели.

По характеру потенциальных политических последствий реализации признаков федерализма их следует разделить на две группы: дезинтеграционные (сепаратистские) и интеграционные.

Признаки федерализма, которые отражают тенденции, направленные на разделение целостного федеративного образования, целесообразно обозначить как дезинтеграционные (сепаратистские). Дезинтеграционные устремления инициируются либо народом, либо (что чаще всего) сепаратистскими на-

строениями политической элиты. Если вопросы о нахождении в составе федерации данной территории не выносятся на обсуждение населения территории, то можно утверждать, что сепаратизм инициируется политической элитой.

К *дезинтеграционным (сепаратистским)* признакам, проявляющим себя в существующем федеративном образовании в связи с устремлением частей государства развивать свою государственность, следует отнести:

1) Стремления к политической, экономической, правовой самостоятельности во *внутригосударственной жизни*.

Политическая ситуация в РФ на начало 1990-х гг. в немалой степени определялась дезинтеграционными признаками федерализма. Причина их активизации была обусловлена «незрелым гражданским обществом, которое не могло противостоять устремлениям некоторых региональных политических лидеров стать абсолютно политически и экономически самостоятельными, в дистанцированности власти от населения, которое не испытывало доверия к властным политическим структурам и власти» [3]. Стремление некоторых субъектов РФ к полной суверенизации проявилось как результат отсутствия правового «разъяснения» единства, целостности и неделимости суверенитета РФ. Кроме того, со стороны федеральной власти было озвучено предложение национальным членам федерации взять суверенитета столько, сколько хочется. Реализация данного предложения проявилась в закреплении «своего» суверенитета некоторыми национальными субъектами РФ в первых редакциях конституций без указания на существование единственного для всей России государственного суверенитета. В ст. 1 Конституции республики Татарстан не было закреплено вхождение республики в состав РФ и указывалось, что «государственный суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние Республики Татарстан».

2) Желание членов федерации предстать на *международной арене* самостоятельными государствами. Хорошо известно, республики Татарстан, Якутия осуществляли подобного рода попытки. Руководители республики Татарстан считали, что она занимает

особое место в РФ [4]. Закрепив в Конституции факт, что Татарстан – носитель международной правосубъектности, республика начала заключать международные договоры, открывать торговые и дипломатические представительства [5]. Конституция РФ предоставила возможность субъектам РФ осуществлять международные и внешнеэкономические связи, отнеся их координацию к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. ФРГ, США, Австрия разрешают членам федерации устанавливать международные связи, оговаривая, что это делается с согласия компетентных федеральных органов, поскольку ответственность в случае конфликта ложится на федерацию [6].

3) Отказ члена федерации от исполнения общефедеральных обязанностей, возложенных на него как сторону федеративных отношений; (децентрализация федеративных отношений из-за стремления политической элиты к функционированию региональной власти вне зависимости от федерального уровня.

Федеральный уровень российской власти не воспринимался национальной и политической элитой некоторых регионов как вышестоящий в период обновления политических основ российского государства. Уровень децентрализации превысил «разумный» порог, при котором сохраняется соподчиненность власти: практически до 1996 г. Якутия не будет принимать участие в финансировании общефедеральных нужд [7].

4) Использование имеющихся ресурсов власти: природных, финансовых, бюджетных, политических и др. только в интересах «своей» территории.

«Вследствие неэффективности и архаичности системы мобилизации ресурсов начавшееся в ходе реформ усложнение политической системы было сопряжено с резким социальным расслоением и политической поляризацией, расколом как общества, так и политической элиты» [8]. Считая, что право собственности на природные ресурсы принадлежит субъектам Российской Федерации, некоторые субъекты претендовали на все доходы, получаемые от реализации природных ресурсов, расположенных на их территории.

5) Активное развитие «своей государственности» членами федерации.

Татарстан первый принял Декларацию о государственном суверенитете в 1990 г., проведя референдум о суверенитете Татарстана. В ст. 61 Конституции Татарстана было пропи-

сано, что республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения. В Татарстане политическая элита по этнической принадлежности в большинстве своем состояла из лиц татарской национальности – 76,5%. [9]. Республика Калмыкия попыталась уточнить *свой* статус в составе России.

Попытки территориальных субъектов: Челябинской, Свердловской, Вологодской областей откорректировать отношения с Центром по примеру указанных республик не будут успешными. Однако для некоторого сглаживания проблем в отношениях с территориальными субъектами федерации в последующем Федеральный центр пойдет на подписание со Свердловской областью договора индивидуального свойства, как и с Калининградской областью о создании особых экономических зон [10].

Рассматривая положение дел в РФ на начало – середину 1990-х гг. можно сказать, что реформирование политических основ России, федерализма создало ситуацию, противоположную ожидаемой: в России возникли сепаратистские тенденции.

Остановить процесс сепаратизма, который реально угрожал целостности России, стало возможным со сменой властной элиты на федеральном уровне.

С конца 2000 г. в России наблюдается действие другой группы признаков федерализма. Эти признаки направлены против имевших место дезинтеграционных признаков и нацелены на укрепление и развитие России как целостного государственного образования посредством усиления центростремительных сил.

Данные признаки целесообразно обозначить как интеграционные:

1) определение федеральным Центром основных направлений внутренней и внешней политики;

2) усиление субординационных начал в государственном управлении;

3) формальное соблюдение принципов федерализма;

4) активизация «унитаристских» действий Центра, направленных на усиление единых начал во всех областях государственной жизни: политической, экономической, социальной, правовой;

5) углубление соподчиненности име-

ющихся уровней власти федеральному уровню;

6) централизация государственного аппарата и федеративных отношений;

7) фактическая реализация федеральным Центром большинства совместных с региональным уровнем полномочий; расширение контрольных функций за осуществлением полномочий региональным уровнем власти;

8) расширение федерального присутствия в регионах через федеральные органы, расположенные на территориях субъектов РФ;

9) прямое участие федерального Центра при формировании органов власти субъектов Российской Федерации.

Интеграционные признаки в своей реализации формируют механизм погашения конфликта, вызванного дезинтеграционными тенденциями, однако они не должны быть длительными по времени реализации.

В РФ после дезинтеграционных процессов усиление интеграционных принципов вполне оправдано, однако они должны действовать только определенное время. Некоторые ученые, определяя Россию как «монотрицентрическое государство», указывают, что «логика «укрепления властной вертикали» отражает не только личное стремление В. В. Путина к более эффективному правлению, но и глубоко укоренившуюся историческую традицию функционирования государственной власти в России» [11].

Продуманная внутренняя политика влечет развитие тех признаков федерализма, в которых государственность нуждается в данный момент, однако в последующем интеграционные и дезинтеграционные признаки должны быть приведены в равновесное состояние, что влечет стабильное развитие федерализма. Усиление центростремительных сил может изменить равновесие в реализации конкретных групп признаков. Усиление роли интеграционных признаков влечет трансформацию федерации в унитарное государство — более прочное государственное образование. При активизации дезинтеграционных (сепаратистских) признаков возникнет конфедерация — союз государств.

Сохранение федеративного государства предполагает наличие правильно выбранного политического курса и соответствующего ему государственного управления.

Полагаем, что федерализм оказывает активизирующее влияние на следующие стороны социума:

— реализацию основ конституционализма;

— функционирование органов власти регионального уровня в целях выполнения ими заявленных социальных обязательств;

— развитие институтов гражданского общества;

— возникновение института нации как согражданства населения различных этнических групп, объединенных данной государственностью [12].

Исследование признаков федерализма неразрывно связано с изучением роли федерализма в политическом строительстве каждого федеративного образования. Авторские исследования федерализма как политического института позволяют охарактеризовать федерализм как организацию и функционирование пространственной многоуровневой власти федеративного образования. Федерализм предполагает *организацию* пространственной многоуровневой власти, которая в последующем начинает функционировать. На этом основании следует классифицировать признаки федерализма на *организационные* и *функциональные*.

Технологии плюралистической организации федерализма направлены на предотвращение распыления государственной власти благодаря вертикальной соподчиненности властных структур при обязательном соблюдении структурной организации власти — ее многоуровневости, где каждый уровень имеет свои органы и свои полномочия. **К организационным признакам необходимо отнести следующие:**

— закрепление в нормативном документе факта образования федерации и федерализма и целевой направленности федерализма: сохранение единого целостного государства с учетом инкрементальных поправок мирового характера;

— отражение процесса образования федерации и федерализма: участие гражданского общества («снизу») или политической элиты («сверху»);

— образование уровней власти;

— иерархическое подчинение федеральному уровню нижестоящих уровней власти в силу единства власти;

— организация государственного аппарата в соответствии с созданными уровнями власти;

— установление равного политико-правового статуса членов федерации на основании закрепленного положения членов федерации;

– разработка в соответствии с основным законом моделей распределения объема властных полномочий для членов федерации с закреплением в нормативных документах соглашения в целях улучшения социально-экономического положения;

– определение в соответствии с конституционной (и договорной) аргументацией пределов политической и экономической, правовой самостоятельности членов федерации в рамках единого государства;

– закрепление в основном законе государства и законах региона принципов федерализма;

– закрепление как одной из задач сохранения и развития в полинациональных федерациях национальных начал;

– определение основных начал федеративной кадровой политики на основе преимуществ ретроспективного осмысления имеющегося опыта;

– установка единых начал политического управления в соответствии с принципом равного правового статуса членов федерации, с учетом национальных, геополитических, конфессиональных и иных особенностей конкретных территорий;

– сохранение в полинациональных федерациях национальных начал с целью развития.

Развитие федеративной системы влечет не только самоорганизацию, но и модернизацию, т.е. инновационный прогрессирующий процесс укрепления федеративного образования.

В этом случае себя проявляют другие признаки федерализма – функциональные:

– реализация основных, обозначенных в конституции (и/или договоре) федеративных целей и задач, стоящих перед государством, внутри государства и на международной арене;

– повышение эффективности управления на основе принципов федерализма;

– развитие в полинациональных государствах национальных особенностей (культурных, бытовых и т.п.), и решение национальных проблем, связанных с национально-территориальным, лингвистическим принципами организации федеративного образования;

– развитие моделей взаимной передачи конкретных полномочий уровнями власти, обогащенное государственной целесообразностью;

– распространение властной деятель-

ности правящей элиты конкретного уровня власти на «свою» конкретную территорию;

– осуществление федеративных отношений на конкретных федеративных принципах федерализма, началах федеративной культуры, заменяющей кулуарные способы принятия решений правящей элитой в целях минимизации возможных конфликтов между уровнями власти;

– распределение ресурсов власти в соответствии с образованными уровнями власти и использование их в целях выполнения заявленных обязательств перед населением всего государства и каждого члена федерации;

– активизация властным уровнем членов федерации архаики и современных эффектов по мобилизации и созданию «собственных» ресурсов (экономических, финансовых, бюджетных) для развития экономической самостоятельности;

– создание единого экономического пространства на территории государства;

– создание государственного аппарата федеративного образования в соответствии с образованными уровнями власти (интенсивным взаимодействием макро- и микрофакторов ветвей власти);

– конструирование и активизация институтов гражданского общества, расширение информационного поля в целях использования гибких технологий и стратегий в политическом управлении;

– осуществление власти на консенсусно-договорных, политико-правовых технологиях;

– отстранение от управления правящих элит (лиц), управленческой бюрократии, компетентность которых и профессиональная этика не позволяют избежать издержек политического радикализма и укрепить доверие населения к власти;

– осуществление деятельности по сохранению единого целостного государства при развитии очерченной политической и экономической самостоятельности субъектов федерации;

– темпоральное вмешательство федерального Центра в жизнедеятельность члена федерации при неблагоприятной для всего государства политической ситуации.

Организационные и функциональные, интеграционные и дезинтеграционные признаки можно охарактеризовать как *общие*, которые свойственны федерализму каждого федеративного образования. Однако только

для федерализма полинациональных федеративных образований характерен признак — сохранение национальных особенностей народов, вошедших в состав федеративного образования. Это *особенный* признак. Он будет проявлять себя в реализации прав и свобод, предоставленных гражданам разной национальности, населяющих данное государство: в возможности пользоваться родным языком, создавать государственные органы, отражающие национальные особенности; проведении референдумов по вопросам своего правового статуса (объединение национальных единиц в РФ, референдум по вопросу выхода из Канады Квебека) и др.

Признаки федерализма в своей активной рефлексии на политическое строительство образуют конкретные модели федерализма. Не оспаривая право каждого исследователя на видение оснований возникновения федерализма, хотелось бы предложить к рассмотрению гипотезу, в соответствии с которой возникновение моделей федерализма, в том числе и российского федерализма, обусловлено активным состоянием конкретного признака (признаков).

При определенных условиях, возникающих в конкретном государстве под влиянием объективной реальности (особая система распределения полномочий между уровнями власти, специфический статус члена федеративного образования, состояние государственного управления и т.д.), тот или иной «генетический» признак федерализма либо их совокупность начинает проявлять себя монополистически активно относительно других. Признак «отпечатывается» в политико-правовой действительности, приобретая организующую силу и придавая федерализму особые качества и свойства. Такой «отпечаток» конкретного монополистически активного в данных условиях признака федерализма становится объектом исследования, поскольку и представляет собой конкретную модель федерализма.

Активизация признака (признаков) российского федерализма и формирование его моделей в немалой степени определяется сущностью политического менеджмента конкретного этапа развития российской государственности. Российский федерализм формировался под идеей «независимости» субъектов Российской Федерации, децентрализации власти в условиях создания фактических федеративных отношений. Отсутствие опыта строительства федерализма в соответствии

с теорией федерализма, довлеющие традиции унитаризма сделали процесс утверждения федерализма непростым. Этапы формирования российского федерализма связаны с направлениями внутренней политики, осуществляемой главой государства: первоначально Б.Н. Ельциным, а потом — В.В. Путиным. Особенность эволюционного процесса российского федерализма отразилась на состоянии его признаков, что повлекло различные модели российского федерализма.

Первый этап эволюции российского федерализма (1917–1990-е гг.) с фактически унитарными качествами повлек формирование модели фантомного федерализма [13].

Оценка второго этапа эволюции российского федерализма (1990–2000 гг.) связана с обилием исследовательского материала. Ученые характеризовали модели данного периода как «модели дезинтеграции, уничтожения государственности» [14]. С.Д. Валентей утверждал, что Россия представляет собой конфедерацию с признаками феодального общества [15]. На это указывал и А.Б. Зубов [16]. Полагаем, что столь непростой период в истории российской государственности вызван не федерализмом как таковым, а деструктивно-атомизационным подходом к процессу политического строительства федерализма и некритическим восприятием зарубежного федеративного опыта при смещении к системе западной демократии. Аналитика конкретных реалий российского федерализма 1990-х гг. учеными повлекла исследования моделей «вершечного федерализма» [17], «квазифедерализма» [18]. Автор разделяет озабоченность ученых состоянием российского федерализма во второй период его эволюции, но считает, что в указанный период из всех моделей выделялась *дезинтеграционная* модель федерализма. Дезинтеграционная модель российского федерализма возникла в результате активизации дезинтеграционных — сепаратистских — признаков российского федерализма.

Третий (современный) период развития федерализма, начавшийся с 2000 г., отличается усилением централизации в российском государственном управлении. Это период активизации *интеграционных признаков* федерализма, которые повлекли формирование императивной модели российского федерализма. В основе императивной модели федерализма лежат интеграционные начала федерализма, когда внутренняя и внешняя

политика определяются федеральным Центром, что влечет формализацию принципов федерализма, усиление централизованных начал в экономике, политике, нормативном регулировании со стороны Центра различных сторон жизни, в том числе социуме. Российские федеральные органы усиливают соподчиненность регионального уровня, считая необходимым регулировать не только процесс принятия, но и исполнения программ развития регионов. Данную «инициативу» Министерства экономического развития и торговли РФ, отраженную в приказе, вряд ли можно оценить как целесообразную: сравнительный анализ собранных доходов в разрезе федеральных округов показал, что максимальный объем в г. Москва в 14 раз превышает объемы доходов, собранных в республике Саха (Якутия). Разрыв между максимальным подушевым доходом составляет 193 раза [19]. Следовательно, необходимо более индивидуализованный, а не унифицированный подход к развитию регионов. В императивной модели отражена современная специфика государственного менеджмента: отсутствие высокого уровня федеративной культуры и реализация этатистского представления о государстве и государственном управлении.

Исследования признаков федерализма имеют смысловым исходным пунктом

философский, правовой, социологический подходы, которые в условиях динамических процессов государственности не дают полной характеристики федерализму. Осуществленные автором исследования позволяют выделить организационные, функциональные, дезинтеграционные (сепаратистские), интеграционные признаки федерализма и выдвинуть гипотезу о формировании моделей федерализма в результате активизации в конкретных условиях объективной реальности конкретного признака (признаков) федерализма.

Федерализм проявляет свои качественные характеристики в следующих признаках: интеграционных, дезинтеграционных, организационных, функциональных. В определенных условиях объективной реальности признак федерализма (признаки) проявляют себя монополистически активно. Автор считает, что под воздействием монополистически активного признака формируется конкретная модель федерализма. Российский федерализм на первом этапе развития (1917–1990 гг.) имел модель фантомного федерализма, во второй период (1990–2000 гг.) сформировалась дезинтеграционная модель. Современный этап развития российского федерализма выделил в качестве основной модели императивную модель федерализма.

1. Яценко А. С. Русский федерализм // Федерализм, 1996, № 1. С. 137.
2. Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России. М.: Русская книга – XXI век, 2006. С. 218.
3. Галкин А. А., Красин Ю. А. Авторитаризм или демократия: трудный выбор для России // Полис, 1998, № 3. С. 49.
4. Столяров, М. В. Федерализм и державность: российский вариант. М.: Славянский диалог, 2001. С. 27.
5. Мухаметшин Ф. X. Российский федерализм: проблемы формирования отношений нового типа // Государство и право, 1994, № 3. С. 54.
6. Пустогаров В. Провозгласить – не значит стать // РФ сегодня, 1998, № 3. С. 21.
7. Каменская Г. В. Федерализм: мифология и политическая практика. С. 92.
8. Пантин В. И., Лапкин В. В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис, 2002, № 2. С. 2.
9. Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1997, № 2 (19). С. 71.
10. Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Калининградской области»; Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области» // Гарант. Справочная правовая система.
11. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Из-во Захаров, 2005. С. 57.
12. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 379.
13. Добрынин. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск: Наука, 2005. С. 123.
14. Савельев А. Федерализм европейский и федерализм российский // Российская Федерация сегодня, 1998, № 4. С. 60.
15. Валентей С. Д. Федерализм: российская история и российская действительность. М., 1998. С. 75–76.
16. Зубов А. Б. Унитаризм или федерализм // Полис, 2000, № 5. С. 54.
17. Афанасьев М. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 221.
18. Большаков А. Г. Дискурс федерализма в современной российской политике // Проблемы политической науки / Ред. М. X. Фарухшин. Казань. Центр инновационных технологий, 2005. С. 89.
19. Аналитическая записка «Анализ состояния и проблемы формирования доходного потенциала субъектов Российской Федерации» // Бюллетень счетной палаты, 2007, № 1 (109). С. 19.

О РЕАЛИЗАЦИИ И РЕСУРСНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ» В 2007–2011 ГОДАХ

Е. Ю. САБИТОВА

Второй год в Российской Федерации идет осуществление судебной реформы и повышается эффективность деятельности судебной власти в результате реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы [1]. Основной целью Программы является повышение качества правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Для реализации цели Программы государству необходимо решить следующие задачи:

- 1) обеспечить открытость и прозрачность правосудия;
- 2) повысить доверие к правосудию;
- 3) создать необходимые условия для осуществления правосудия и обеспечения его доступности;
- 4) обеспечить независимость судей;
- 5) повысить уровень исполнения судебных решений.

И для достижения этой цели, решения сформулированных задач необходимо не только совершенствовать судоустройство, но и иметь достаточные объемы средств федерального бюджета на государственные капитальные вложения и научно-исследовательские работы в области судоустройства и судопроизводства.

Финансирование Программы основывается на положениях ст. 124 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой финансирование судов производится только за счет средств федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. Объемы и источники финансирования программы распределяются по государственным заказчикам следующим образом.

В счет этого финансирования Программа предусматривает осуществление ряда

Таблица 1

Распределение средств по государственным заказчикам (млн рублей, в ценах 2006 г.)

№ п/п	Наименование заказчика	Объемы финансирования всего	в том числе		
			Государственные капитальные вложения	Научно-исследовательские работы	Прочие расходы
1	Конституционный суд Российской Федерации	224,0	-	-	224,0
2	Верховный суд Российской Федерации	317,2	110,7	6,5	200,0
3	Суды общей юрисдикции и Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации	32 022,7	27 921,2	1,5	4 100,0
4	Высший Арбитражный суд Российской Федерации и система арбитражных судов	12 869,5	9 082,7	12,5	3 774,3
5	Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации	10,5	-	10,5	-
6	Министерство юстиции Российской Федерации	5,5	-	5,5	-
7	Федеральная служба судебных приставов	2 961,9	2 961,9	-	-
	Итого:	48 411,3	40 076,5	36,5	8 298,3

мероприятий применительно к поставленным задачам.

1. Предполагается выделение средств в виде государственных капитальных вложений на строительство, реконструкцию или приобретение зданий судов Судебному департаменту при Верховном суде Российской Федерации, Высшему Арбитражному суду Российской Федерации и Федеральной службе судебных приставов. В эту группу расходов включены расходы на строительство и приобретение жилья для судей и обеспечение жильем работников аппаратов судов, а также информатизацию Федеральной службы судебных приставов. Финансирование этих направлений согласно Программе выглядит следующим образом (см. табл. 2).

При этом государственные капитальные вложения на строительство, реконструкцию и приобретение зданий будут распределены следующим образом:

- для судов общей юрисдикции – 25 270,0 млн рублей;
- для Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации – 604,2 млн рублей;
- для строительства, реконструкции и приобретения зданий арбитражных судов – 6955,1 млн рублей;
- для создания комплекса автоматизированных инженерных систем зданий арбитражных судов – 1613,3 млн рублей.

На эти деньги будут введены в эксплуатацию объекты незавершенного строитель-

ства, а также осуществлено строительство зданий, на которые разработана проектно-сметная документация. В результате этого до 2011 года предусматривается ввести в эксплуатацию более 100 зданий судов и приобрести не менее 15 зданий для размещения судов районного и областного звена, в системе арбитражных судов соответственно 24 здания и 5 зданий.

Вторым направлением распределения капитальных вложений является создание в судах «офисов судьи», включающих в себя компактно расположенные кабинеты судьи, его помощника и секретаря судебного заседания, обеспечивающих деятельность судьи, для чего необходимо грамотно проектировать, строить и реконструировать здания судов.

Расходы на строительство и приобретение жилья для судей и обеспечение жильем в соответствии с законодательством Российской Федерации работников аппарата судов, Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и его территориальных управлений будут выглядеть так:

- для судей Верховного суда Российской Федерации – 110,7 млн рублей;
- для судей судов общей юрисдикции – 1435,5 млн рублей;
- для военных судей – 117,2 млн рублей;
- для работников аппаратов судов общей юрисдикции – 355,1 млн рублей;
- для работников аппарата Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации – 110,7 млн рублей;

Таблица 2

Государственные капитальные вложения (млн рублей, в ценах 2006 г.)

№ п/п	Получатели	Объемы финансирования всего	в том числе		
			Строительство, реконструкция и приобретение зданий	Строительство и приобретение жилья	Информатизация
1	Верховный суд Российской Федерации	110,7	-	110,7	-
2	Суды общей юрисдикции и Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации	27 921,2	25 874,2	2047,0	-
3	Высший Арбитражный суд Российской Федерации и система арбитражных судов	9082,7	8568,4	514,3	-
4	Федеральная служба судебных приставов	2961,9	1296,3	-	1665,6
Итого:		40 076,5	35 738,9	2672,0	1665,6

Федерации и его территориальных органов – 139,2 млн рублей;

– для судей арбитражных судов – 309,2 млн рублей;

– для работников аппаратов арбитражных судов – 205,1 млн рублей.

Эти расходы необходимо осуществить в целях обеспечения независимости судей и повышения эффективности правосудия.

За счет финансирования капитальных вложений будет проведена информатизация Федеральной службы судебных приставов. В эту статью расходов включены следующие мероприятия:

а) проектирование и разработка автоматизированной системы – 96 млн рублей;

б) создание информационно-технической инфраструктуры АИС ФССП России – 1134,6 млн рублей;

в) установка ЛВС и пусконаладочные работы – 435 млн рублей.

Кроме этого предполагается последовательный перевод ФССП из арендуемых зданий и помещений в зданиях судов в здания, находящиеся в федеральной собственности, а также расширение служебных площадей ФССП в связи с увеличением ее численности. На эти цели в Программе предусматривается 1296,3 млн рублей.

2. Предполагается выделение средств на научно-исследовательские работы в сумме 36,5 млн рублей, которые распределяются следующим образом:

1) Министерству юстиции Российской Федерации – 5,5 млн рублей для анализа международного опыта правового регулирования негосударственных форм исполнения юрисдикционных актов в целях совершенствования исполнительного производства и изучения возможности создания системы частных судебных приставов в России. Ожидаемые результаты – проекты нормативных правовых актов.

2) Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации – 10,5 млн рублей для определения порядка и осуществление мониторинга реализации Программы и оценки деятельности органов правосудия физическими и юридическими лицами. Ожидаются результаты социологических исследований деятельности судебных органов России.

3) Высшему Арбитражному суду Российской Федерации – 12,5 млн рублей для проведения исследований в целях определения порядка обязательного декларирования судьями своих доходов, имущества и имуществен-

ных обязательств; проведение исследований в области правового регулирования досудебных и внесудебных процедур регулирования споров; проведение исследований в целях определения мер, связанных с изменением законодательства в части исключения возможности обжалования решений по делам, рассматриваемых судами первой инстанции в кассационном порядке без предварительного апелляцияционного обжалования; проведение исследований в целях определения перечня категорий дел, по которым кассационное и надзорное обжалование не допускается; разработка предложений и выработка мер, направленных на активизацию последующего судебного контроля по исследуемым научным направлениям. Ожидаемые результаты – проекты нормативных правовых актов.

4) Верховному суду Российской Федерации – 6,5 млн рублей для разработки механизмов по обеспечению правовой определенности судебных актов в соответствии с Промежуточной резолюцией ResДН (2006) 1 Кабинета министров Совета Европы; выработке предложений по изменению порядка приема граждан и предварительного рассмотрения их заявлений; проведение исследований, направленных на оптимизацию подсудности дел между мировыми судьями и районными судами. Ожидаемые результаты – проекты нормативных правовых актов и федерального закона.

5) Судебному департаменту при Верховном суде Российской Федерации – 1,5 млн рублей для исследования вопросов, связанных с определением служебной нагрузки на судей и работников аппаратов судов, а также с географическим размещением судов в целях обеспечения доступности правосудия. Ожидаемые результаты – проекты нормативных правовых актов.

3. В раздел «Прочие расходы» включено финансирование на информатизацию судебной системы и расходы по обеспечению безопасности и охраны зданий судов. Согласно Программе, все это будет распределено следующим образом (см. табл. 3).

В рамках задачи обеспечения открытости и прозрачности правосудия приоритетным направлением модернизации инфраструктуры судов является их информационное обеспечение, в том числе:

– создание электронного архива, формирование информационно-коммуникационной системы Конституционного суда Российской Федерации и его электронной специализированной общедоступной библиотеки;

Таблица 3

Обеспечение открытости и прозрачности правосудия (млн рублей, в ценах 2006 г.)

№ п/п	Получатели	Объемы финансирования всего	в том числе	
			Обеспечение открытости и прозрачности правосудия (информатизация)	Обеспечение безопасности и охрана зданий судов
1	Конституционный суд Российской Федерации	224,0	224,0	-
2	Верховный суд Российской Федерации	200,0	200,0	-
3	Суды общей юрисдикции и Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации	4100,0	2200,0	1900,0
4	Высший Арбитражный суд Российской Федерации и система арбитражных судов	3774,3	3649,3	125,0
	Итого:	8298,3	6273,3	2025,0

– реализация проекта электронного обеспечения правосудия в системе арбитражных судов;

– введение информационной системы судов общей юрисдикции «Государственная автоматизированная система Российской Федерации (ГАС) «Правосудие»»;

– создание информационно-коммуникационной системы Верховного суда Российской Федерации, интегрированной с информационной системой судов общей юрисдикции «ГАС «Правосудие»»;

– формирование необходимой телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения эффективного взаимодействия арбитражных судов, судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.

Для реализации мероприятий по обеспечению безопасности деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции предусматриваются средства в размере 2025 млн рублей на приобретение и установку стационарных и переносных металлоискателей, создание системы охранного телевидения и контроля доступа, других технических средств охраны.

Текущее управление и контроль за ходом выполнения Программы осуществляются государственным заказчиком-координатором Программы и ее государственными заказчиками, функции которых определены Постановлением Правительства Российской Федерации «О реализации Федерального закона “О поставках продукции для федеральных государственных нужд”» от 26 июня 1995 г. № 594. Министерство экономического развития и торгов-

ли Российской Федерации (государственный заказчик-координатор Программы) совместно с Конституционным судом Российской Федерации, Верховным судом Российской Федерации, Высшим Арбитражным судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, Федеральной службой судебных приставов (государственные заказчики Программы) разрабатывает и направляет в Министерство финансов Российской Федерации сводную бюджетную заявку на финансирование мероприятий за счет средств федерального бюджета на очередной финансовый год, уточняет мероприятия, промежуточные сроки реализации и объемы финансирования.

В результате реализации Программы будут созданы условия для обеспечения открытости, прозрачности и доступности правосудия, повышения эффективности работы судебных органов, улучшения качества судебных актов, а также повышения уровня исполнения судебных решений.

Степень достижения запланированных результатов измеряется на основании сопоставления фактически достигнутых значений с плановыми и целевыми значениями, которые рассчитываются согласно рекомендациям по оценке социально-экономической эффективности реализации мероприятий Программы. По результатам запланированных мероприятий к 2011 году в Российской Федерации должно увеличиться количество автоматизированных рабочих мест (до 89 тыс. ед.), включенных в единую информационную систему; количество судов, имеющих веб-сайты, под-

держиваемые в актуальном состоянии (2213); общая площадь помещений, приходящаяся на одного федерального судью (в судах общей юрисдикции до 129,6 кв. метров общей площади; в арбитражных судах до 111,5 кв. метров общей площади); количество судей и работников аппаратов судов общей юрисдикции и Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, которым предоставлено жилье (1913 судей и 1215 человек работников аппаратов судов), и общая площадь предоставленного жилья; количество зданий судов, в которых внедрены технические средства охраны.

За прошедший год стало видно, что российскую судебную систему ждет коренная модернизация. Уже вступила в строй ГАС «Правосудие», не имеющая аналогов система по количеству объектов информации и охвату территорий. Начался качественно новый этап в развитии российского правосудия — создание повсеместно системы электронного обеспечения деятельности судов. В 240 судах общей юрисдикции внедрена система аудио-записи судебного заседания. Верховные, краевые, областные и равные им суды обеспечены средствами видеоконференцсвязи со следственными изоляторами для проведения кассационных и надзорных процессов в удаленном режиме, для чего оборудовано 143 зала судебных заседаний. Собственные сайты в сети Интернет сегодня имеют практически все суды. Для улучшения информирования граждан суды оснащаются так называемыми информационными киосками, или электронными терминалами, в которых размещается вся необходимая посетителям информация о работе суда, справочные сведения, формы различных документов. В самое ближайшее время предполагается установить в судах общей юрисдикции более 2500 таких информационных терминалов. А в перспективе планируется размещать на сайтах судов информацию о рассматриваемых делах в реальном масштабе времени, что и должно обеспечить прозрачность правосудия для граждан [2].

Значительное внимание проблемам пра-

восудия было уделено на Пятом экономическом форуме в Красноярске. Говоря об инвестициях, направляемых в российскую судебную систему, Д. Медведев отметил, что сегодня главная задача — сделать суд более честным, справедливым и независимым, для чего особое внимание должно быть уделено качеству законов и эффективности правоприменения. И для решения проблемы предложил свои четыре рецепта: ликвидировать телефонное право; сделать законы более гуманными и улучшить условия для арестантов, компенсировать потери от неправосудных решений; развивать внесудебные процедуры [3].

Во-первых, мы должны искоренить практику неправосудных решений «по звонку» или «за деньги». Для этого требуются решимость и ответственность всего общества, но прежде всего самого судейского сообщества, «судейской корпорации».

Во-вторых, следует разработать систему мер, направленных на возмещение гражданам и организациям потерь от неправосудных решений и волокиты в судах. Причем применять эти меры надо при рассмотрении любых дел. С компенсацией — из специально созданного для этих целей фонда.

В-третьих, необходима дальнейшая гуманизация правосудия. Прежде всего — за счет смягчения мер пресечения до вынесения приговора. А также — улучшения условий содержания осужденных в местах лишения свободы. Нужно создать механизм проверки необоснованно возбужденных уголовных дел, которые впоследствии прекращаются без вынесения приговора преступнику.

Наконец, требуется развивать процедуры досудебного и внесудебного порядка разрешения споров, прежде всего между гражданами и государственными органами, для чего будут создаваться специальные структуры для разбора жалоб на чиновников [4].

Но главные надежды возлагаются на открытость судов. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации уже приняла в первом чтении законопроект о прозрачности судебной системы.

1. См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы: Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г., № 583//Собрание Законодательства РФ, 2006, № 16. Ст. 1916.

2. См.: Гусев А. Вердикт в электронном режиме//Российская газета, 2008, 21 февр.

3. См.: Куликов В. Четыре шага к справедливости//Российская газета, 2008, 21 февр.

4. См.: Медведев Д. Свобода лучше, чем несвобода: о планах на 4 года//Российская газета, 2008, 21 февр.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОСОБЫХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

И. А. ШУМАКОВ

На протяжении всего развития государственных институтов смысл и содержание понятий «чрезвычайный правовой режим» и «военный правовой режим», их разновидности не оставались неизменными. Поэтому существует необходимость проанализировать сущность этих понятий, проследить их эволюцию и определить, какой смысл в данные категории вкладывали зарубежные и отечественные правоведы на различных этапах развития государственности, выяснить, имела ли российская юриспруденция опыт исследования проблем введения подобных специальных конституционно-правовых режимов. «Знание взглядов отечественных государствоведов и конституционалистов, творивших в различные периоды российской истории, — справедливо отмечает И. А. Кравец, — помогает лучше понять проблемы правового и конституционного развития страны в ретроспективном плане, осмыслить задачи современного конституционного строительства, провести параллели между действовавшими и существующими конституционно-правовыми институтами для установления взаимосвязи, преемственности или разрыва правовой традиции, а также определить линию прогресса в развитии различных форм и видов конституционных учреждений» [1].

Кроме того, предметом исследования должны являться и вопросы происхождения терминов «чрезвычайное положение» и «военное положение», которые, как и любые юридические термины, представляют собой название соответствующего понятия в области юриспруденции. Очевидно, что вопросы терминологии должны рассматриваться отдельно (самостоятельно), так как термины нельзя отождествлять с правовыми понятиями: понятие, представляя собой логически оформленную общую мысль о классе предметов, явлений, идею чего-нибудь [2], является категорией логики, в то время как слово «термин» относится к числу категорий лингвистики, и основное его назначение — дать наименование соответствующему понятию [3].

Анализ специальной конституционно-

правовой литературы и работ по истории государства и права свидетельствует, что институт особых правовых режимов (в частности, режим чрезвычайного и военного положения) имеет глубокие исторические корни как в российском праве, так и в законодательстве большинства зарубежных государств.

Как верно отмечает С. Пчелинцев, в истории большинства стран возникали различные ситуации чрезвычайного характера, когда нормальное функционирование общества и государства становилось невозможным [4]. В подтверждение своих слов автор приводит высказывание французского философа XVIII века Ш. Л. Монтескье: «Опыт народов, самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет меня признать, что бывают случаи, когда нужно на некоторое время набросить на свободу покрывало, как некогда прикрывали статуи богов» [5]. В литературе отмечается, что исключительные законы, приостанавливающие в периоды военной или иной опасности на определенной территории действие обычных законов и наделяющие чрезвычайными полномочиями конкретный орган исполнительной власти, занимали значительное место уже в Древнем Риме [6].

В средневековой Европе отдельными видами особых режимов являлись первоначально осадное положение, а затем чрезвычайное и военное положение, которые длительное время не были регламентированы какими-либо специальными нормативными актами. Первый акт такого рода был принят во Франции 21 октября 1789 года [7]. Изучение закономерностей развития законодательства об осадном (военном) положении середины XIX века позволяет сделать вывод, что общей чертой всех особых режимов можно считать установление повышенной ответственности (в том числе и по законам военного времени) за неподчинение приказам и распоряжениям властей, а также введение комплекса ограничений прав граждан и установление дополнительных обязанностей различного характера [8]. При этом нередко при особом режиме вводились специальные

суды, в том числе чрезвычайные трибуналы и военные суды, ведущие судопроизводство по упрощенным правилам и исходя из норм, предусматривающих повышенную ответственность граждан за нарушение порядка осуществления чрезвычайного (осадного, военного) положения [9].

Примером европейского законодательства об осадном (военном) положении середины XIX века является прусский закон от 4 июня 1851 года, который предусматривал применение смертной казни не только в случае военной опасности, но и в мирное время «на случай восстания при крайней опасности, угрожающей общественному спокойствию» с обязательным оповещением населения. В пределах территории осадного положения эта исключительная мера могла применяться за совершение «умышленного поджога и наводнения, открытого нападения, сопротивления вооруженной силой». Совершение менее тяжких преступлений в виде распространения ложных слухов, нарушения правил поведения граждан во время осадного положения, подстрекательства к неповиновению властям и других правонарушений наказывалось лишением свободы. При этом рассмотрение дел о государственной измене, мятеже, сопротивлении властям, убийстве, разбое, грабеже, разрушении железных дорог и телеграфов, освобождении из-под стражи заключенных было отнесено к ведению специальных военных судов. Это объясняется тем, что к военному командованию переходила не только исполнительная власть, но и судебная власть. Обжалование приговоров военных судов не допускалось, однако осуждение к смертной казни подлежало утверждению вышестоящим командованием. Деятельность военных судов прекращалась только с отменой осадного положения [10].

В дореволюционной России военное положение рассматривалось как чрезвычайный режим, вводимый в приграничных областях при военной опасности или в каких-либо иных местностях государства в случае внутренней опасности, когда обычные полномочия органов управления оказывались недостаточными для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия. В то же время под военным положением понималась «совокупность исключительных мер, применяемых в какой-либо части государства при чрезвычайных условиях внешней или внутренней опасности, как-то нашествия

неприятеля или народных волнениях, когда обычные полномочия органов управления оказываются недостаточными для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия» [11].

Понятие военного положения впервые было сформулировано в «Учреждении для управления Большой действующей армии», утвержденном императором 27 января 1812 года. В случае введения военного положения властные полномочия в местах дислокации армии переходили к главнокомандующему. С этого времени приказы главнокомандующего выполнялись как в армии, так и всеми чиновниками пограничных губерний и областей. Таким образом, учреждение определяло взаимоотношения высшего армейского руководства с пограничными губерниями и общие функции должностных лиц в условиях военного времени. Положения названного Учреждения были конкретизированы 13 марта 1812 года в именном указе Сенату «О правилах для управления главнокомандующему действующей армии губерниями, в военном положении объявленными». В указе отмечалось, что по высочайшему повелению пограничные губернии могут быть объявлены на военном положении. В этом случае территории переходят под управление главнокомандующего действующей армией в вопросах внутренней безопасности и выполнения «воинских потребностей». Начальники губерний должны были выполнять его приказы «беспрекословно». При этом начальники губерний несли личную ответственность за «исправное и немедленное исполнение предписаний главнокомандующего армией». В 1812 году впервые было предусмотрено введение должности временного военного губернатора, связанное в основном с подготовкой России к войне с Наполеоном. Кроме того, накануне войны 1812 года была создана законодательная база, заложившая основы понятия «военное положение»: при объявлении такового предусматривалось введение особого управления. Сказанное позволяет заключить, что сущность военного положения в XIX веке заключалась в том, что при его объявлении вся власть в районе действия режима военного положения переходила к военному командованию. При этом резко ограничивались права и свободы граждан, а их ответственность за совершение правонарушений по законам военного времени повышалась [12]. Отдельные местности Российской империи с 1881 года после убийства

Александра II в соответствии с Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия могли быть объявлены состоящими не только на военном положении, но и на «исключительном» положении в формах «усиленной» или «чрезвычайной» охраны [13].

После революции 1905 г. военное положение стало использоваться органами государственной власти в целях подавления революционных выступлений против существовавшего строя. Исследователи того периода квалифицировали факты введения военного или осадного положения в мирное время и не в военных целях, а для подавления внутренних беспорядков как «фиктивное военное положение» [14]. Подобный специальный правовой режим поддерживался в Кременчуге, Елизаветграде и некоторых других городах более года и в полном объеме полномочий, предоставленных «Правилами о местностях, объявленных состоящими на военном положении» 1892 года.

Важная роль в комплексе репрессивных мероприятий царского правительства принадлежала военно-полевым судам. В соответствии с положением Совета министров от 19 августа 1906 года, такие суды могли создаваться по требованию генерал-губернаторов и военного командования. Фактически они являлись карательными органами, имеющими возможность рассматривать по упрощенной процедуре уголовные дела различных категорий в отношении всех граждан фактически без каких-либо ограничений. Перечень преступлений, за совершение которых виновные лица предавались военно-полевому суду, конкретно определен не был, что давало возможность органам военного управления решать этот вопрос по собственному усмотрению. Военно-полевые суды учреждались начальником гарнизона из числа офицеров для рассмотрения «каждого дела в отдельности». При этом на их деятельность не распространялись принципы гласности судопроизводства и права подсудимых на защиту. Поэтому уголовные дела рассматривались в закрытых судебных заседаниях с исполнением вынесенного приговора в течение суток, так как процедура обжалования приговора не соблюдалась [15].

В период Первой мировой войны продолжали действовать Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении 1892 года, которые использовались властями в целях подавления революцион-

ного движения. Применявшееся в тот период законодательство о военном положении являлось юридической основой неограниченного расширения компетенции военного командования, местных властей и военных судов [16]. После Октябрьской революции 1917 года и принятия Вторым Съездом Декрета о власти, по мнению М. В. Баглая [17], начало складываться тоталитарное государственное право, что отразилось в том числе и на законодательстве о военном положении, характеризующемся жестокими мерами, не сравнимыми по объему и характеру ограничений прав граждан. Как справедливо отмечает Н. Д. Артамонов, во время Гражданской войны институт военного положения использовался не только в целях военной защиты РСФСР, но и был «теснейшим образом связан с практическим осуществлением функции военного подавления сопротивления свергнутых классов внутри страны», являясь «юридическим выражением партийных документов и указаний Ленина и Сталина» [18]. При этом введение военного положения а) «означало решимость советского государства установить твердый революционный порядок, высокую организованность и железную дисциплину»; б) было средством борьбы с врагом и наказания недисциплинированных советских граждан, ослабляющих оборону страны; в) являлось «средством организации и перестройки тыла к нуждам фронта». В этой связи в задачи военного положения, наряду с целями исключительно оборонного характера, входили охрана общественного порядка и обеспечение государственной безопасности, пресечение подрывной и диверсионной деятельности, обезвреживание тыла от преступных элементов [19].

В первом издании Большой советской энциклопедии военное положение характеризовалось как «осуществление диктатуры пролетариата господствующего класса без соблюдения всяких формальностей и ограничений (которыми прикрывается эта диктатура в мирное время)» [20].

В период Великой Отечественной войны Указом Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» был определен порядок поддержания режима военного положения как особого положения в стране и в отдельных местностях, действующего при наступлении войны [21]. Указом предусматривалось, что за неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные

в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. Устанавливалась подсудность по уголовным делам в военное время, все дела о преступлениях, предусмотренных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов. К таким преступлениям были отнесены следующие категории уголовных дел: 1) о государственных преступлениях; 2) о преступлениях, предусмотренных законом от 7 августа 1932 года об охране общественной (социалистической) собственности; 3) о преступлениях, совершенных военнослужащими; 4) о разбое; 5) об умышленных убийствах; 6) о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи; 7) об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности; 8) о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия [22].

Как отмечается в литературе, в послевоенный период законодательство о чрезвычайном и военном положении не получило значительного развития [23]. В этот период под военным положением понималось особое положение в стране или в отдельных ее местностях, вводимое обычно по решению Президиума Верховного Совета СССР при исключительных обстоятельствах (война, стихийное бедствие). Конституция СССР 1977 года (п. 15 ст. 121) также не внесла существенных изменений в действовавшее законодательство о военном положении, предусмотрев, как и в ранее действовавших правовых актах, что Президиум Верховного Совета СССР объявляет в интересах защиты СССР военное положение в отдельных местностях или по всей стране. Порядок введения и режим военного положения должен был определяться законом СССР, который принят так и не был.

Сказанное подтверждает вывод, сделанный С. В. Пчелинцевым, который отмечает, что как дореволюционное, так и советское законодательство об особых правовых режимах (особенно в первые годы советской власти) отличалось явной репрессивной направленностью и не устанавливало достаточно четкого разграничения между понятиями военного и чрезвычайного положения, что находило отражение и в советской юридической науке [24]. В качестве иллюстрации сказанного можно привести положения Указа Президиума Верховного Совета СССР

от 22 июня 1941 г. «О военном положении», согласно которым предусматривался широкий комплекс мер ограничительного характера в отношении граждан.

По мнению Н. Д. Артамонова, фактическим содержанием военного положения в советском государственном праве являлось принятие комплекса мер чрезвычайного характера, причем к основным из них на практике в различное время относились не только введение повышенной уголовной ответственности (по законам военного времени) за совершение преступлений против оборонной, общественной и государственной безопасности, но и передача рассмотрения уголовных дел определенных категорий в отношении гражданского населения военным трибуналам [25]. В. Г. Стрекозов также приходит к выводу о том, что одним из основных признаков военного положения ранее являлось расширение компетенции военно-судебных органов [26]. С. С. Алексеев полагает, что таким образом право лишь оформляло могущественную и бесконтрольную супервласть КПСС, находящейся над законом и официально командовавшей громадным репрессивным аппаратом, включая суды [27].

Для развития законодательства о военном и чрезвычайном положении на современном этапе характерны следующие закономерности. Прежде всего, следует отметить, что в отечественное законодательство внедрялись международно-правовые стандарты в области прав человека и гражданина, в том числе в области возможных условий их судебной защиты в условиях действия режимов военного и чрезвычайного положения. В ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплена норма, согласно которой каждый человек имеет право на справедливое и публичное избирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Как установлено ст. 15 Конвенции, в случае войны или в иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, могут приниматься меры в отступление от Конвенции, однако только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайной обстоятельством [28].

Во-вторых, как верно отмечает А. Шайо, представлялось крайне важным объективное сочетание целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан даже в условиях военного и чрезвычайного положения,

которые при этом не должны противоречить нормам международного права, установленным в обществе основам правопорядка и конституционным нормам [29]. Именно эти факторы оказали влияние на формирование концепции специальных конституционно-правовых режимов военного и чрезвычай-

ного положения, которая нашла отражение в принятых в 2001–2002 годах в соответствии со ст. 55 и 87 Конституции Российской Федерации Федеральных конституционных законах «О чрезвычайном положении» [30] и «О военном положении» [31].

1. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск, 2002. С. 245.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991. С. 559.
3. См. напр.: Деревнин А. А. Юридические термины в праве//Академический юридический журнал, 2001, № 4 (6).
4. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
5. Цит. по: Дерюжинский В. О. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1899. С. 100.
6. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т./Отв. ред. Н. А. Крашенинников. М., 2003.
- Т. 2. С. 88–89; История государства и права зарубежных стран/Отв. ред. Н. А. Крашенинников. М., 2003. С. 207; Бабу-рин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 86–87.
8. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
9. Там же.
10. Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. Действующее законодательство. СПб., 1905. С. 101–106. Цит. по: Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
11. Энциклопедический словарь/Издатели Ф. А. Брокгауз, О. А. Ефрон. СПб., 1892. С. 849.
12. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
13. Свод законов Российской империи, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911 и 1912 гг. Второе издание. СПб., 1913. Кн. 4. Т. 14. С. 159–166.
14. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 197–204.
15. Большая советская энциклопедия. 2-е изд./Под ред. Б. А. Введенского. М., 1951. Т. 8. С. 459; История отечественного государства и права. Учебник. Часть 1/Под ред. О. И. Чистякова. М., 1996. С. 299.
16. История отечественного государства и права: Учебник. Ч. 2/Под ред. О. И. Чистякова. М., 1997. С. 315–317.
17. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 43–48.
18. Артамонов Н. Д. Институт военного положения по советскому праву. М., 1952. С. 8.
19. Артамонов Н. Д. Институт военного положения по советскому праву: Дисс. канд. юрид. наук. М., 1951. С. 63–66, 100–101.
20. Большая советская энциклопедия. М., 1928. Т. 12. С. 230.
21. Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 29.
22. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
23. Пчелинцев С. Суды в условиях особых правовых режимов//Отечественные записки, 2003, № 2 (11).
24. Пчелинцев С. В. Проблемы реализации положений Конституции РФ об особых правовых режимах в федеральном законодательстве//Журнал российского права, 2003, № 11. С. 131.
25. Артамонов Н. Д. Институт военного положения по советскому праву. М., 1952. С. 71–88.
26. Юридический справочник для военнослужащих/Под ред. А. И. Муранова. М., 1997. С. 34–35.
27. Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 154, 169.
28. Ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 14. Ст. 1514; 2001. № 2. Ст. 163.
29. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). Пер. с венг. М., 201. С. 276–283.
30. Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 23. Ст. 2277.
31. Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 5. Ст. 375.

КОНЦЕПЦИЯ «ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА» Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Е. В. МИРОНОВ

Одним из самых выдающихся русских ученых и общественно-политических деятелей XIX века считается и справедливо считается Б. Н. Чичерин. Его труды признаны классическими в таких различных сферах гуманитарного знания, как философия, право, история, социология и политология. Принципиальный оппонент Чичерина крупнейший русский философ Владимир Соловьев назвал его «самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских и европейских ученых XIX века». Однако необходимо отметить, что именно в области политической науки его концепция оказалась настолько оригинальной, глубокой и жизнеспособной, что представляется вполне современной и теперь, через сто с лишним лет после смерти ее создателя.

По мнению многих современных российских историков и политологов (например, Б. В. Емельянова, А. С. Кокорева, Ю. С. Пивоварова, В. И. Приленского и др.), именно Чичерина можно с полным правом считать первым российским политологом, в работах которого государствоведение становится первым образцом политической теории. Некоторые современные исследователи творчества Б. Н. Чичерина называют его «русским Макиавелли». «В истории политической мысли в России ему суждено было сделать то же, что великому флорентийцу во всемирном масштабе. В творчестве Чичерина мы находим решительный переход в русской политической мысли от монополии политической философии к становлению политической науки. Чичерин — первый русский политолог, и именно в силу этого он еще и юрист, экономист, философ, социолог» [1].

Ставшая результатом исследований его политическая концепция «либерального консерватизма» представляется стройной, внутренне обоснованной и претендует как на роль общей теории политической реальности вообще, так и на роль теории устройства российского политического порядка и его развития.

Б. Н. Чичерин требовал четкого разграничения понятий «государства» и «общества», поскольку в сущности это две различные сферы, и их смешение было, по

его мнению, причиной самых крупных ошибок в философских концепциях, анализирующих политическую, социальную, правовую и историческую реальности. Более того, для него, для «государственника», независимость общества от государства была не подлежащим сомнению фактом. Общество не является единым организмом: подчиняясь государству как единому целому, оно не перестает быть сплетением частных интересов и зависимостей, не представляющих никакого организованного единства. С другой стороны, государство все свои силы и средства черпает из общества. Сознание этой зависимости государства от общества составляет отличительную черту новейшей политической науки. Чичерин говорит, что опыт показал, что государственный быт тогда только имеет прочные основы, когда он покоится на господствующих в обществе убеждениях и потребностях. Общество несравненно устойчивее государства: частный быт, охватывая человека всецело, определяет все его привычки, нравы, понятия, образ действий.

Исследование общества в его составных элементах и влияния его на государство составляет предмет науки об обществе, или социологии, тогда как исследование воздействия государства на общество составляет предмет политической науки. По мнению Чичерина, цель государства, его идея есть гармоническое сочетание всех элементов общежития и руководство общими интересами для достижения общего блага. При этом существуют два крайних мнения о способах деятельности государства: одно заключается в том, что государство должно охранять безопасность и право, а все остальное предоставить свободной деятельности граждан; другое — всю частную деятельность всецело подчиняет государству, утверждая, что единственно от усмотрения государственной власти зависит предоставление гражданам большего или меньшего простора в преследовании их частных целей.

Для Чичерина неприемлемы ни та, ни другая позиции: всеохватывающая регламентация частной деятельности ведет к полному подавлению свободы и уничтожению всех жизнеспособных сил в обществе; с дру-

гой стороны, классический либеральный взгляд на государство не учитывает того, что оно обязано не только оказывать содействие всем живым силам общества, но и само непосредственно взять в свое ведение те учреждения, которые имеют всеобщий характер.

Гарантию того, что в этой важной для общества деятельности государство не станет вторгаться в область частных отношений, не будет посягать на свободу личности, заключается в самой организации государственного союза, такой организации, когда граждане сами становятся участниками власти, когда в государстве обеспечена свобода политическая, что возможно только при наличии высокоорганизованного гражданского общества.

Опорой, стержнем гражданского общества Чичерин считал многочисленный и самодеятельный средний класс. Тот самый класс, который он видел в развитых европейских странах и отсутствие которого с сожалением констатировал в современной России. Значение среднего класса для России он подчеркивал в следующем воображаемом диалоге: «“Что такое третье сословие? — спрашивал “С”. — Ничто. — Чем оно должно быть? — Всем”. А бедная страна не может быть свободной страной» [2]. Таким образом, вышеприведенные рассуждения Чичерина говорят об отношениях между «обществом» и «государством» в ракурсе должного, сущности, идеи; когда он говорит о фактических взаимоотношениях, то картина получается иной.

Российское общество характеризуется наличием двух преобладающих сословий: правящей землевладельческой аристократии и грандиозной по численности народной массы, лишенной всяческого участия в государственном управлении. Между ними почти неприметен средний класс, к которому Чичерин относил людей свободных профессий и городских промышленников. Отсюда признание неизбежности и обоснованности самодержавия как единственной в данных условиях прочной опоры социального и государственного порядка. Такое положение самодержавия в России совсем не случайно, но является закономерным следствием исторического пути России. Будучи основателем «историко-юридической», или «государственной школы» в русской исторической науке, он считал самодержавие столпом и движущей силой русского общества. Чичерин утверждал, что русское монархическое

государство возникло по инициативе сверху: «Отличительная черта русской истории, в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти» [3]. И в этом «преобладании власти» Чичерин видел как главное основание всех достижений России, так и причину всех ее бед. С одной стороны, именно самодержавная «власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития, власть насильно насаждала просвещение, обнимая своею деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта» [4]. Самодержавие, по мнению Чичерина, создало по своей воле общину, породило сословия и произвело в интересах защиты от внешних врагов; закрепощение сословий; когда же самодержавие достаточно окрепло, оно, по мысли Чичерина, начало осуществлять раскрепощение сословий.

Таким образом, в России сами сословия были не продуктом самоорганизации, а результатом деятельности государственной власти. Если в Европе, считал он, феодальный строй объективно вел к формированию сословий как больших корпораций с определенными социально-экономическими интересами и выраженной самостоятельностью по отношению к государственной власти, то в России еще не было феодализма (в западноевропейском смысле этого слова). Исходя из роли географического фактора и колонизации при объяснении процесса образования сословий, их закрепощения решающую роль Чичерин отводит государственному принуждению, тяглу. Он пишет: «Это было общее тягло, наложенное на все сословия во имя государственной пользы; все одинаково сделались крепкими государству» [5]. То есть это было своеобразное общее крепостное состояние, которое, конечно же, не содействовало развитию правовых начал.

Однако метафизически для Чичерина человек как разумное существо есть вместе с тем существо свободное. Оно исполняет нравственный закон не в силу естественной необходимости, а на основании собственного разумного выбора. «Как скоро человек признает существование в другом человеке нравственного закона, так он необходимо должен признать в нем и свободу» [6]. Всякое действие есть действие нравственное, если оно совершается свободно, а не по принуждению. Только в этом случае человек

может быть признан ответственным за свои действия. «Здесь рождаются понятия о заслуге и вине и вытекающие из них понятия о наградах и наказаниях» [7].

Свобода, согласно Чичерину, имеет две стороны: отрицательную и положительную. С отрицательной стороны она состоит в независимости от всяких чуждых ей определений, а, следовательно, не только от чувственных влечений, но еще более от чуждой воли. С положительной стороны свобода состоит в возможности определяться к действию по собственному побуждению, а не по внешнему велению. Вот почему произвольный выбор действий есть существенная и необходимая принадлежность человеческой свободы, без которой она лишается важнейшего своего элемента. Нравственная свобода перестает быть свободой, как скоро у нее отнимается произвол, т. е. возможность противоположного решения; свобода добра, считает Чичерин, неизбежно сопряжена со свободой зла, одна без другой не существует. Личность, как прекрасно доказал Кант, сама по себе есть цель и не может быть употребляема как средство для посторонних ей целей, даже если этой целью является достижение совершенной нравственности.

Из требования внутренней свободы неизбежно вытекает, как логическое следствие, требование свободы внешней. Но тут встает вопрос о границах этой свободы, и он приводит к вопросу о праве. Человек, по мнению Чичерина, есть существо общежительное и только в обществе может развивать все свои силы и способности. Тогда каким образом возможно общежитие, если каждая личность обладает свободой и стремится расширить границы проявления этой свободы? Появляется необходимость определить, что принадлежит каждому, разграничить области свободы так, чтобы свобода одного не мешала бы свободе остальных, чтобы сильнейший не превратил бы других в орудия для осуществления посторонних им целей, чтобы каждая личность могла свободно развиваться и чтобы были установлены твердые правила для разрешения неизбежных при совместном существовании споров. Таково, согласно Чичерину, происхождение права. Право есть взаимное ограничение свободы под общим законом и составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ.

Идея свободы, присущая любому разумному существу, есть разумное метафизичес-

кое начало права. Вслед за Гегелем Чичерин утверждает, что ступени развития свободы суть ступени развития права, так что полное раскрытие идеи права, установление «вполне разумного нравственного порядка» являются не началом, а плодом исторического процесса. Идея права в теории Чичерина достигает своей финальной цели в развитом гражданском обществе. Предшествующие порядки — рабство и крепостничество — противоречат природе человека как разумно-свободного существа и поэтому являются отмирающими ступенями развития права. Права и свободы человека — прежде всего равенство перед законом, право частной собственности, свобода договоров, неприкосновенность личности и т. д. — составляют, по мнению ученого, конечную цель развития человечества, идеал юридического порядка. «Далее этих норм, — пишет Чичерин, — в гражданской области идти невозможно. Идеал достигнут».

На пути к реализации этого идеала ключевым моментом в эволюции свободы является переход от личной свободы к политической. Без политической свободы, считает Чичерин, личная свобода лишена гарантии. Политическая свобода служит не только гарантией, но и восполнением свободы личной: в ней человек находит высшее употребление своих сил и способностей; поэтому политическая свобода составляет неотъемлемую принадлежность всякого общества, стоящего на сколько-нибудь высокой степени развития. Однако, как и всякая другая, она имеет оборотную сторону: со свободой добра неразрывно связана свобода зла. От состояния общества зависит, насколько оно способно пользоваться политической свободой, чтобы не скатиться в пучину социальных бед и несчастий. Бывают периоды в исторической жизни общества, когда на первый план должен выступить элемент власти, чтобы спасти государство от разложения.

Идеалом для Чичерина всегда остается гармоническое единство в государстве всех элементов и политическая свобода. Он анализирует различные «образы правления»: аристократию, демократию, абсолютизм и конституционную монархию, чтобы установить, насколько они способны реализовать гармонию. Аристократия — это власть наиболее способной и образованной части общества, где присутствуют традиционные начала закона и порядка, но отсутствует содействие всех граждан. Простая смена социальных сил в той же самой социальной плоскости приво-

дит к застою, потому что «лучшие» постепенно превращаются в «худших». Демократия, по мнению Чичерина, «образ правления» по сути промежуточный. Она выполняет задачу политического уравнивания общества, провозглашая равенство в свободе по общему закону, но по существу – это «государство посредственности», в котором «низшие классы становятся владыками высших», а народное верховенство во власти превращается в фикцию. В конце концов государственное управление переходит в руки организованной шайки грабителей. Абсолютизм необходим тогда, когда надо объединить страну, предотвратить ее распад. Он способен обеспечить единство, силу и прочность власти, охрану внешнего порядка, способность произвести важные социальные преобразования сверху. Но при этом он производит с неизбежностью бесчисленные орды чиновников, которые, уничтожая политические и гражданские свободы населения, творят безграничный произвол. Чичерин полагал, что абсолютизм жив неразвитостью и слабостью гражданского общества. Он пишет: «Сосредоточение совокупной верховной власти в одном физическом лице есть признак неспособности общества к самоуправлению».

Образ правления, наиболее соответствующий вышеуказанному идеалу, в котором сможет осуществиться примирение различных политических начал (свобода, закон, общее благо и власть), для Чичерина – это конституционная монархия: она имеет все выгоды политической свободы, но устраняет многие из ее недостатков. Он подчеркивает, что если бы выбор образа правления зависел от идеального совершенства, а не от жизненных условий и состояния общества, то нет сомнения, что конституционная монархия заслуживала бы предпочтения перед другими. Перед республикой она имеет то громадное преимущество, что здесь не властвует масса, устраняется деспотизм большинства. Тогда как очевидно, что идее государства не соответствует предоставление верховной власти большинству, т.е. наименее образованной части общества, поскольку этим совершенно устраняется начало способности, а именно она в организации власти должна иметь преобладающее значение. Быть представителем целого и управлять его действиями есть высшее общественное призвание, для исполнения которого требуется и высшая способность. С другой стороны, существование самостоятельного демокра-

тического элемента сдерживает поползновения аристократии к владычеству над народной массой и служит гарантией, что права и интересы этой массы не будут нарушены. Борьба партий в конституционной монархии не может достигнуть такого ожесточения и иметь такие губительные последствия, как в республике, так как над всеми партиями стоит совершенно независимая от них, умеряющая и сдерживающая власть монарха, который сам непосредственно не вмешивается в борьбу партий, не управляет и поэтому не подвергается нападкам и осуждениям. Вследствие своего высокого положения и вследствие унаследованной привычки отождествлять свое личное благо с благом всей страны, монарх обладает наибольшими возможностями для человека гарантиями беспристрастия и справедливости. Отсюда огромная важность и безусловная необходимость монархического элемента, который, таким образом, является четвертой властью наряду с законодательной (парламент), исполнительной (министры) и судебной.

Чичерин, безусловно, считал конституционную монархию идеальной формой и для России. Причем как для России, современной ему, так и для будущей, когда дворянская аристократия уступит место «новой» аристократии – крупной финансово-промышленной буржуазии, управляющим-технократам и верхушке интеллигенции. При этом он утверждал, что единственно легитимным является эволюционный, а не революционный путь развития общества и государства.

Чичерин хорошо понимал, что строительство новой государственности таит в себе опасность породить разнузданность страстей и анархию интересов, что немедленно бы привело к торжеству реакции, «которая могла уничтожить не только едва зародившуюся политическую свободу, но и юные преобразования, не успевшие еще упрочиться в народной жизни». В этой связи основную свою задачу Чичерин видел в соединении либерального и консервативного направлений политико-правовой мысли в современной ему России. Руководящей идеей его обширного «Курса государственной науки» было стремление «примирить начала свободы с началами власти и закона» [8]. В качестве основного условия сохранения государственного порядка и развития общества в рамках российской системы государственности Чичерин выдвинул программу «охранительного либерализма», основной поли-

тический лозунг которого — «либеральные меры и сильная власть» [9].

Отвергая принципиально революционный путь развития и демократию, Чичерин, как и другие умеренные либералы, свои надежды связывал с монархией. Относительно России говорил он прямо: «...я предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству» [10]. Однако Чичерин никогда не защищал самодержавие само по себе, но лишь постольку, поскольку полагал его способным к трансформации в идеальную политическую форму — конституционную монархию. При всех указанных оговорках он всегда оставался принципиальнейшим сторонником либерального направления, потому что в центре всех его размышлений об обществе и государстве всегда находилась проблема обеспечения «свободы лица».

Важнейшим условием участия в государственных делах Чичерин считает политическую способность: «Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах» [11]. И Чичерин довольно логично обосновывает необходимость введения цензовых ограничений избирательного корпуса. Прежде всего, имущественного ценза.

Право собственности, по Чичерину, вытекает из природы человека как разумного свободного существа, а овладение ею «составляет законный способ приобретения собственности, способ, вытекающий из коренных начал права» [12]. Поэтому государство, узаконив свободу, освящает то, что вытекает из природы человека, отсюда он делает вывод: покушение на собственность есть покушение на природу человека, на его свободу, а все, что колеблет собственность, подрывает основы гражданского порядка. В конституционной монархии обеспечено преобладание имущих и образованных классов над неимущими и необразованными, и такое преобладание, по мнению Чичерина, совершенно справедливо: «Все историческое развитие в его преобладающем движении основано на постепенном накоплении капитала материального и умственного, и при этом не в руках метафизического существа, именуемого государством, а в руках свобод-

ных лиц, которые этот капитал накопленный обращают на новое употребление. История дает естественное законное преимущество этим капитализирующим классам, которые являются прирожденными наследниками предшествующих поколений. Восставать против капитализма и капиталистов — значит восставать против всемирной истории. Это — признак совершеннейшей умственной пустоты» [13].

Ввиду малочисленности и политической слабости среднего класса социальную опору своих идей Чичерин видел, прежде всего, в российском дворянстве. Он считал, что поскольку дворянство является единственным сословием России, хотя бы мало-мальски осознающим свои права, и что именно для него характерен относительно высокий образовательный уровень, постольку оно является «единственным возможным политическим деятелем в России». Таким образом, либерализм Чичерина был сознательно дворянским и не мог быть иным, если претендовал, по его мнению, на звание разумного либерализма.

Он полагал мирную трансформацию российского самодержавия в конституционную монархию вполне возможной, поскольку для этого присутствуют два необходимых условия.

Во-первых, блок новой аристократии, т.е. помещиков, вставших на буржуазный путь развития, и крупной буржуазии. Если буржуазия оторвется от аристократии и поведет за собой народ, конституционная монархия останется идеей без приложения. Поэтому Чичерин призывает аристократию понять потребности времени. Нужно, чтобы движимая собственность, распространяясь на земледелие, изменила первобытный его характер и произвела смешение или, по крайней мере, сближение состояний. «Нужно, чтобы общее образование, и теоретическое и практическое, установляя между различными классами общение мыслей и нравов, соединило их в общих политических требованиях и интересах» [14].

Второй предпосылкой перехода абсолютизма в конституционную монархию мыслитель считает достаточное развитие буржуазии. «Представительное устройство является естественным последствием самого хода вещей, физического и умственного развития общества... когда требования свободы глубже проникают в общества и политическая мысль охватывает средние классы» [15]. Оба

этих условия, по мнению русского либерала, в России налицо, хотя средние классы только-только вступили на самостоятельный путь развития, Россия неизбежно должна вступить на путь конституционной монархии.

Этой возможности не суждено было реализоваться, российское общество предпочло другой, революционный путь развития, что вовсе не сделало «охранительный консерватизм» Чичерина устаревшей поли-

тической концепцией, потому что главная проблема, занимавшая создателя – о соотношении политической свободы и прочного общественного и государственного порядка – до сих не получила своего решения не только в практике жизни нашего общества, но и в политической теории, что никак не позволяет списать родоначальника отечественной политологии с корабля современности.

-
1. Маркин А. В. Редкий в России государственник: о некоторых аспектах творчества Б. Н. Чичерина/Маркин А. В., Татарников С. Н. // Социально-политические науки. 1992, № 1, С. 87.
 2. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. II. С. 204.
 3. Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII в. М.: Тип. Ал-ра Семена, 1856. С. 27.
 4. Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII в. М.: Тип. Ал-ра Семена, 1856. С. 27.
 5. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1899. 2-е изд. С. 533.
 6. Чичерин Б. Н. Наука и Религия. М.: Тип. Мартынова и К, 1879. С. 143.
 7. Там же.
 8. История политических и правовых учений // Под ред. Лейста О. Э. М.: Юрид. лит, 1997. С. 447.
 9. Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФРАН, 1995. С. 60–61.
 10. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1899. 2-е изд. С. 19.
 11. Там же. С. 8.
 12. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М.: Тип. Мартынова, 1882–1883. В 2-х ч. Ч. 1. С. 97.
 13. Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М.: Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1892. С. 61.
 14. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1899. 2-е изд. С. 439.
 15. Там же.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АГРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

И. Е. АБРАМОВА

Целью аграрной политики современной России является повышение конкурентоспособности отечественного сельхозпроизводства, его устойчивости, обеспечение доходности отрасли, развитие аграрного рынка. Развитие рынка требует создания условий получения доходов для производителей сельхозтоваров, субъектов хозяйственной деятельности в данной отрасли, формирования соответствующей институциональной среды. Поэтому проектирование институциональных преобразований представляет собой основное содержание экономической политики трансформационного общества, сопровождающееся как всякое политическое действие борьбой вокруг основных институтов, в данном случае института собственности на землю. Изменение земельных отношений в ходе реформ и формирование новой структуры сельскохозяйственного комплекса составляет основные направления аграрной политики в процессе формирования рыночной экономики.

Формирование рыночных институтов составляет главное содержание социально-экономических реформ 90-х годов XX в. Советское общество, столкнувшись в конце 80-х годов с проблемами потери эффективности экономической системы, признало необходимость институтов рынка, предпринимательства, частной собственности и т. д. Сельское хозяйство не является изолированным сектором общественного производства, поэтому преобразования в аграрной сфере осуществляются в системе реформирования всего народнохозяйственного комплекса, всей социально-экономической системы. Аграрная реформа — одно из направлений социально-экономического реформирования российского общества и поэтому несет в себе общие всему процессу недостатки и противоречия.

Прежде всего, легализация и формализация норм и правил, сложившихся спонтанно в рамках прежней системы, приводит к появлению не только и не столько норм цивилизованного рынка, сколько к закреплению теневого порядка, натурализации хозяйства, приватизации общественной и политической жизни. Импортированные институты вступа-

ют в противоречие с нерыночной институциональной средой. Можно сказать, что в итоге в России складываются две несовместимые институциональные системы: одни институты ориентированы на вхождение в рыночную систему, другие вступают с ними в противоречие, так как ориентированы на использование административного ресурса и воспроизводят отношения административно-командной системы. Так, институт частной собственности нуждается в правовой защите. Эффективность использования собственности связана с эффективной банковской системой. Однако судебная система до сих пор зависима от власти, и невозможно гарантировать принятие независимых судебных решений в делах, где интересы госаппарата и бизнес-сообщества различны.

Противоречие наблюдается в функционировании на рынке предприятий, являющихся реальными банкротами, и возникновении и широком применении ложного банкротства стабильных, рыночно привлекательных предприятий, в децентрализации власти при постоянном усилении административной власти и построении властной вертикали и т. д.

Особенно следует отметить несовместимость рыночных институтов в аграрной сфере. Например, нельзя не отметить отсутствие механизмов государственной поддержки сельского хозяйства при том, что сложились институты эффективного кредитования сельхозпроизводителя. Нынешнее состояние института собственности на землю ведет к изъятию многих земель из сельхозоборота, к потере ответственности за неэффективное и даже губительное для земли хозяйствование, к обострению социальных проблем и усилению социальной дифференциации населения.

Несовместимость и существование двух институциональных систем находит свое выражение не только в экономике, но и в социальной жизни в целом. Так, Л. Б. Косова отмечает возникновение и параллельное существование двух социальных миров, которые принципиально отличаются «своими поведенческими образцами, структурами

авторитетов, рамками идентификации, информационно-коммуникативными полями» [1]. Так же, как два параллельных мира, существуют большие города России и мир российской деревни. Крупные города выступают центрами более или менее масштабно-го промышленного производства, научно-производственными центрами, средоточием политической власти. Крупные города являются также полюсом притяжения для людей, информации, товаров и услуг. В то время как производство, образ жизни российской деревни по большей части традиционен.

Анализ основных экономических показателей показывает, что доля сельского хозяйства России в валовом внутреннем продукте последние годы постоянно снижалась (исключение последефолтный 1999 г.), снижалась стоимость основных фондов (в 2003 году она составляла 4,5 % против 11,4 % в 1990 г.), падала доля инвестиций (с 15,4 % в 1990 г. до 2,9 % в 2003 г.). Экономические показатели, демонстрирующие снижение доли сельского хозяйства в экономике России, тем не менее, позволяют утверждать, что сельское хозяйство России располагает огромными возможностями по наращиванию объемов товарной продукции, ведь вклад сельского хозяйства в общий объем ВВП значительно выше, чем инвестиции в него. Условием повышения выступают институциональные реформы, среди которых изменения прав собственности и трансформация деловых (в том числе контрактных) отношений.

Современное село в большинстве своем выживает в домашнем хозяйстве, принципом экономического поведения в рамках которого является производство для потребления, а не на продажу для получения прибыли. Еще совсем недавно огромное значение имела концентрация ресурсов в едином центре с последующим их распределением на основании советских социалистических принципов. Несмотря на отказ от основ социалистического хозяйствования, современное российское общество сохраняет эту модель в принципах бюджетного федерализма. Реципрокность как институциональная модель симметрии основана на социальной норме дарообмена и доминирует в отношениях взаимопомощи в сельском сообществе. Своеобразной вариацией дарообмена в российском обществе является взимание дани чиновниками в виде подарка. Этот вариант экономического взаимодействия не похож на рыночный, но и не является реципрокностью, поскольку

не сохраняет симметрию отношений, а предполагает лояльность и личную преданность со стороны клиента и защиту и покровительство со стороны патрона. С. Ю. Барсукова выявила принципиальное различие данных порядков [2].

Подобные институциональные модели сосуществуют в российской деревне, как и во всем российском обществе, закрепляются в локальных институциональных средах, заменяющих единую общенациональную систему норм и правил экономического поведения и регламентирующих формы деятельности отдельных хозяйствующих субъектов [3]. Локальные институциональные порядки могут вступать в противоречие. Рассыпание институциональной среды на отдельные, не связанные между собой фрагменты называют институциональным диссонансом. «Под институциональным диссонансом понимается рассогласование между институциональными структурами, регулирующими взаимодействия между индивидами и определяющими «естественный способ восприятия ими внешней среды» [4].

Таким образом, институциональное проектирование неизбежно сталкивается с проблемой существования множества мотивов и моделей экономической деятельности, иногда противоречивых, закрепленных в различных институциональных порядках. Поэтому для анализа функционирования и конструирования институтов в переходном обществе, каковым является Россия, необходимы нетрадиционные подходы и теории. И, прежде всего, потому, что в таких обществах политика, экономика и социальная сфера тесно переплетены, а чем меньше развит рынок, тем выше роль нерыночных форм координации. Об этом же предупреждает А. Н. Олейник, указывая на неоднородную, динамически изменяющуюся социально-экономическую среду, где неэкономические факторы подчинены экономическим не напрямую, а находятся в сложной взаимозависимости [5].

Причины множественности мотивов и моделей экономической деятельности следует искать в иных, кроме рыночных, способах координации. Именно такую гипотезу высказывает Л. Тевено и Л. Болтянски. Л. Тевено признает наличие «множества существенных причин, лежащих в основе мотивации, равно как и множества способов координации. Согласно этой гипотезе, рациональность, мотивирующая рыночный обмен, становится одним из множества возможных способов обос-

нования действий» [6]. Притом чем меньше развит рынок, тем выше роль нерыночных форм координации. Различные способы координации, способы оценки значимого образуют различные миры. Таких миров выделяют семь. Они основываются на семи базовых институтах, различающихся процедурами координации, совокупностью объектов и требованиями к поведению индивидов [7].

Первый мир – рыночный. Он включает в себя особые процедуры координации – транзакции на рынке, особый мир вещей – совокупность товаров, особые требования к поведению индивидов – рациональность, «симпатия», ответственность.

Второй мир – индустриальный, включающий процедуру координации – стандартизацию, мир вещей – стандартизованную продукцию и требования к поведению индивидов – функциональность, согласованность.

Третий мир – традиционный, где координация строится на основе персонифицированных связей и традиций.

Четвертый мир – гражданский, построенный на приоритете интересов, принципе подчинения частных интересов общим.

Пятый мир – мир общественного мнения, где координация строится на основе наиболее известных и привлекающих всеобщее внимание событий.

Шестой мир – мир вдохновения и творческой деятельности, где координация строится на страстях, эмоциях, креативности.

Седьмой мир – экологический, предполагающий координацию действий в соответствии с природными циклами и императив сохранения сложившихся в природе равновесий.

Для институционального проектирования аграрной сферы очень важно отметить, что плюрализм способов координации не совпадает с границами организованных или институционально зафиксированных видов деятельности. Л. Тевено пишет, что «конкретный вид экономической деятельности, даже четко определенный, может осуществляться на основе различных форм координации, которые к тому же разнятся в зависимости от фирмы» [8]. Управление земельно-имущественным комплексом осуществляется в рамках нескольких пространств-миров – социального, политического, правового, экономического, культурного, исторического, природно-климатического, экологического, или «порядков значимого» – рыночного, индустриального, традиционного, гражданского, обществен-

ного мнения, творческого (инновационного), экологического. Проблема координации в таком плюралистическом мире заключается в соотношении разных принципов оценки и деятельности. Задачей проектировщика институциональных изменений является создание такой конструкции, в рамках которой предусматриваемое проектом действие осуществлялось бы с максимальной вероятностью. Отсюда вытекает, что при проектировании институтов аграрной сферы не следует заниматься попытками подгонки реальных взаимодействий исключительно к рыночным моделям, необходима эффективная комбинация многоукладной экономики, государственной поддержки и государственного регулирования.

Такой сценарий возможен, и есть все основания считать, что он реализуется. Динамика политических решений аграрного вопроса показывает стремление власти к осуществлению телеологического проектирования институциональных преобразований в аграрной сфере, желание создать в России цивилизованный аграрный рынок. Однако реальное развитие демонстрирует недостаточность предпосылок для такого типа институционального развития, заставляя в процессе корректировки осуществлять некоторые уступки рыночному курсу. К сожалению, такие действия ведут к формированию неустойчивой и противоречивой нормативно-правовой базы аграрной политики. В результате институциональные субъекты аграрного производства вынуждены самостоятельно выполнять настройку способов координации экономического поведения, выбирая из предложенного нормативного набора те, которые наиболее значимы для них и позволяют максимально полно реализовать их экономические цели.

Если исходить из принципа эволюционного рационализма, процесс становления институтов представляется рациональным на уровне индивидуальных действий и объективно эволюционным с макропозиций. Такой тип институционального развития описывает концепт «институционального рынка», или «рынка институтов». С. Пейович утверждает, что это процесс, позволяющий «индивидам выбирать правила игры в их сообществе. Посредством своих добровольных взаимодействий индивиды оценивают уже существующие правила, определяют и проверяют пригодность новых. Важнейшей функцией этого конкурентного рынка выступает, следовательно, поощрение институциональных

инноваций и форм адаптивного поведения» [9]. В.Л. Тамбовцев несколько трансформирует ракурс с позиций проективной деятельности, подчеркивая, что решение проблемы адаптации института к реальности состоит в заключении некоторой «институциональной сделки» – процедуры получения согласия общества на деятельность нового социального института. Если другие субъекты не найдут привлекательным предлагаемый «товар» – проект нового институционального устройства, – сделка не состоится, новый институт не начнет функционировать [10]. Оба концепта сходны в подчеркивании активной деятель-

ности экономических субъектов и объясняют стохастичность возникающей институциональной системы, поскольку сказать, какой именно институт возникнет или какое именно правило будет применяться в конкретном сообществе, **a priori определить невозможно** вследствие асимметричности реальных институциональных выборов, тем более, что крестьянин по природе своей деятельности и бытия социальный оппортунист. Это означает продолжение процесса конкуренции экономических институтов в российском сельском хозяйстве, что и определяет приоритеты современной аграрной политики.

-
1. Косова Л. Б. «Человек советский» – возможности типологии // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1997, № 2. С. 17–18.
 2. Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования, 2004, № 9. С. 29.
 3. Дискин И. Е. Хозяйственная система России: проблема институционального генезиса // Общественные науки и современность, 1998, № 4. С. 12.
 4. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 31.
 5. Олейник А. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики, 1997, № 10. С. 60.
 6. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики, 1997, № 10. С. 69.
 7. Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика. М.: Инфра-М., 2005. С. 95.
 8. Там же. С. 94.
 9. Тамбовцев В. Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность, 2001, № 5. С. 26–27.
 10. Тамбовцев В. Теоретические вопросы институционального проектирования. С. 83.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Ю. Б. ШЛИМОВИЧ, Н. Ю. КОРОТИНА

Состояние окружающей природной среды в Российской Федерации в настоящее время характеризуется как кризисное. Анализ динамики чрезвычайных ситуаций свидетельствует о том, что увеличивается число и масштабы техногенных инцидентов, аварий, катастроф, стихийных природных бедствий, стремительно растут затраты на ликвидацию их последствий, повышается уровень загрязнения и разрушения окружающей среды, все более разнообразный и массовый характер приобретает деструктивное поведение людей — все это вызовы, с которыми приходится сталкиваться современному обществу.

Ситуация в Российской Федерации в области охраны окружающей среды и рационального природопользования в настоящий момент определяется целым рядом угроз и факторов риска, которые характеризуются следующими особенностями:

- использование устаревших технологий и оборудования, износ инфраструктуры промышленных предприятий (например, на предприятиях ТЭК средний возраст установок по первичной переработке составляет примерно 30 лет);

- рост сложности и потенциальной опасности производственно-технологических процессов (например, переход к добыче нефти и газа на шельфе, транспортировка углеводородного сырья через большие водные пространства);

- низкая эффективность существующих структур управления, дефицит профессиональных кадров;

- возникновение угроз экономической безопасности страны вследствие интеграции в глобальную экономику (например, угроза перехода контроля над ключевыми компаниями в руки нерезидентов), экспортно-импортная зависимость экономики, зависимость от курса валют и т. д.;

- пренебрежение ответственностью за нарушение природоохранительного законодательства в результате недостатков нормативно-правовой системы, не позволяющих

в полной мере защитить интересы государства, организаций, населения и окружающую среду в случае наступления аварийных или чрезвычайных ситуаций;

- угрозы, связанные с международным терроризмом и коррупцией.

По данным Контрольного управления Президента Российской Федерации за 2004–2005 гг., на ликвидацию последствий техногенных аварий и катастроф было направлено 7,4 млрд руб., из которых доля федерального бюджета составила 92,8 %, бюджетов субъектов Российской Федерации — 7 %, средства страховых компаний — 0,2 %. При этом, по экспертным оценкам, накопленный экологический ущерб в России составляет более 3 триллионов рублей и ежегодно увеличивается на 200–300 миллиардов рублей.

Среди наиболее значимых чрезвычайных ситуаций безопасности жизнедеятельности можно выделить следующие:

1. Техногенные — составляют 76 %, в том числе ядерная и радиационная, угрозы инфраструктуре критически важных объектов, выбросы нефти и газа, аварии в энергосетях, заражение токсичными веществами, пожары в зданиях и складах, информационные угрозы.

2. Природные — около 20 %, включая ураганы, штормы, наводнения, засухи, пожары, землетрясения, извержения вулканов.

3. Биолого-социальные — примерно 2 %.

4. Террористические, среди которых следует отметить взрывы зданий и сооружений, биотерроризм, диверсии на транспорте, аварии на продуктопроводах, угрозы на объектах ЖКХ, угрозы эпидемий (2 %).

Оценку ежегодного ущерба природной среде и третьим лицам в результате ее загрязнения на сегодняшний день проводить сложно в связи с отсутствием единой статистической базы случаев причинения вреда и суммы экономического ущерба [1]. Известны только случаи, которые получают широкую огласку. Так, например, в 2006 году было признано, что в результате реализации проекта Саха-

лин-2 ущерб окружающей среде составил более 10 млрд рублей. Кораблекрушения в Азовском море в ноябре 2007 года стали причиной ущерба природной среде, который предварительно оценен в 6,5 млрд рублей.

Проведенный анализ данных об оценке вреда окружающей среде в России и в зарубежных странах свидетельствует о широкомасштабном нанесении антропогенного вреда природным компонентам. Так, только в одном австралийском мегаполисе Сиднее ущерб окружающей среде и здоровью человека от выхлопных газов в денежном эквиваленте составляет 1,5 млрд долларов ежегодно (Австралийский центр региональной экономики). По подсчетам Всемирного банка, Академии наук Китая и Государственного управления по защите окружающей среды КНР, ежегодный ущерб от загрязнения окружающей среды в Китае составляет около 10 % китайского ВВП. В России сумма ущерба от теплового загрязнения окружающей среды на порядок выше суммы природоохранных затрат и составляет 4–5 % валового внутреннего продукта. Для снижения этого ущерба необходимо вкладывать 100–300 млрд руб. ежегодно, что для нынешней экономики является сложной задачей. Соединенные Штаты Америки несут ущерб от загрязнения окружающей природной среды примерно на 50–60 млрд долларов в год, в Германии ежегодно ущерб окружающей среды составлял 475 млрд марок, причем $\frac{2}{3}$ этого ущерба причиняется транспортом и, прежде всего, автомобильным, на долю которого падает основная масса загрязнения окружающей среды, а $\frac{1}{3}$ приходится на промышленность.

Силовые методы решения проблемы возмещения ущерба окружающей среде в условиях рыночных отношений являются неэффективными. Рынок требует, наряду с совершенствованием административных методов управления природопользованием, создание экономической заинтересованности в уменьшении причиняемого окружающей среде вреда и компенсации возникающих при этом убытков.

Наукой и практикой выработаны экономические механизмы обеспечения безопасности, к которым относятся:

- механизмы экономической ответственности (в частности, штрафы за нарушение требований безопасности, природоохранных законов и правил; платежи за загрязнение в соответствии с экологическими нормативами);

- механизмы стимулирования снижения риска (налоговые механизмы, такие как льготные ставки на доходы от средоохранных программ, льготные ставки по косвенным налогам на продажу);

- механизмы централизованного управления риском (в основном механизмы бюджетного финансирования и льготного кредитования экологических программ);

- рыночные механизмы регулирования риска (в том числе свободная покупка и продажа экономическими агентами квот на уровень риска по договорным ценам; экологические нормативы, нормы и стандарты);

- механизмы перераспределения риска (механизмы страхования и перестрахования).

Все механизмы в той или иной степени функционируют в России. Институт экологического страхования не получил пока должного развития, но было бы справедливо отметить, что и в развитых странах опыт внедрения экологического страхования составляет всего 15–20 лет. На территории нашей страны, где расположены многочисленные объекты, представляющие серьезную экологическую опасность, экологическое страхование может стать эффективной системой финансирования мероприятий по защите окружающей среды.

В качестве основных функций экологического страхования можно выделить, во-первых, компенсацию убытков, возникающих в результате загрязнения окружающей среды (в том числе и при невозможности полного подавления выбросов/сбросов вредных веществ). Страховое возмещение в экологическом страховании покрывает прежде всего претензии третьих лиц, уменьшая тем самым издержки страхователей, но в определенных условиях и при дифференцированных тарифных ставках возмещению подлежат и убытки самих страхователей, образующиеся в результате непреднамеренного аварийного загрязнения окружающей среды. Во-вторых, экологическое страхование способно дать гарантии пострадавшим в получении ими причитающегося по закону возмещения, независимо от финансового положения причинителя вреда, что чрезвычайно важно в современных российских условиях, особенно с точки зрения формирования правовой культуры и развития экологического судопроизводства. В-третьих, экологическое страхование может осуществлять функции мониторинга и контроля за осуществлением предприятиями мер по обеспечению экологической безопасности на всех этапах прохождения договора

страхования. Четвертой функцией экологического страхования является создание источников дополнительного финансирования мероприятий по обеспечению экологической безопасности (например, за счет отчисления части страховой премии на предупредительные мероприятия).

Основной проблемой в развитии экологического страхования в РФ является отсутствие системного подхода к его рассмотрению. Именно поэтому на сегодняшний день отсутствуют единые подходы к экологическому страхованию, которые бы полностью разделяли ученые, государственные чиновники, экологи, страховые организации.

Зачастую демонстрируется непонимание экономической сущности страхования экологических рисков и его места в рыночной экономике. Противопоставляются платежи за негативное воздействие и страхование. Страхование представляет собой отношения по защите имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенного события. В нашем случае речь идет об имущественных интересах страхователя, связанных с его обязанностью полностью возместить выгодоприобретателю ущерб природной среде. И тем самым обеспечить устойчивость деятельности предприятия (страхователя) в случае предъявления иска.

Платежи за негативное воздействие и страхование ответственности не имеют ничего общего, кроме как являются различными по назначению экономическими методами регулирования в области охраны окружающей среды. Принцип платности не исключает и не освобождает от ответственности за полное возмещение вреда окружающей среде, что и закреплено ФЗ «Об охране окружающей природной среде». Сущностью компенсационного характера платежей является плата обществу лишь за использование части компонента природной среды в производственных целях, за снижение его экологических функций, за безвозвратное уничтожение его свойств, за внесение дисбаланса в экосистемы и так далее, и в результате за ухудшение условий жизнедеятельности человека. Восстановить же все это в условиях постоянно меняющейся ценовой, финансовой ситуации в рыночной экономике в рамках одних платежей невозможно, так как практика показывает, что стоит это гораздо больше. Поэтому с виновных и требуется российским законодательством полное возмещение ущерба. Кроме того, платежи — это метод стимулирования

государством предприятий на внедрение лучших технологий, проведение природоохранных мероприятий. Страхование и платежи не могут замещать друг друга и не противостоят друг другу. Здесь другое содержание. Кроме того, ущерб природной среде могут наносить и предприятия, для которых не предусмотрена плата за негативное воздействие или ее размеры незначительны.

Действующее законодательство представлено фрагментами экологического страхования, зачастую прописанного таким образом, что оно не может осуществлять свое предназначение в полной мере или вообще находится в нерабочем состоянии, так как не соответствует действующему страховому законодательству.

Экологическое страхование предусмотрено законом «Об охране окружающей природной среды» как в обязательной, так и добровольной форме. Международный опыт показывает, что добровольное экологическое страхование не может решить проблему финансирования мероприятий по возмещению ущерба окружающей среде недобросовестными субъектами хозяйственной деятельности, которые не только не страхуют свои экологические риски, но и не осуществляют деятельность по снижению риска нанесения ущерба окружающей среде, в случае банкротства предприятия, предъявления исков на возмещение, превышающих возможности предприятия, приостановки основной деятельности и др. В мире широко используется механизм предоставления финансовых гарантий на случай нанесения вреда окружающей природной среде, который вводился законодательно в обязательной форме.

Статьи об экологическом страховании также содержатся в федеральных законах № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» в части обязательного страхования ответственности за вред при эксплуатации опасных производственных объектов и гидротехнических сооружений. Но фактически для осуществления обязательного страхования в соответствии с ФЗ «Об организации страхового дела» необходим отдельный специальный закон об обязательном страховании ответственности тех или иных субъектов или иной закон. Такой закон в отношении экологического страхования в Российской Федерации пока не принят, но ведется его активная подготовка комитетом Совета Федерации

по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии. Закон об обязательном экологическом страховании, помимо США, стран Европейского Союза, других развитых стран, принят в таких странах СНГ, как Казахстан и Азербайджан.

С методологической точки зрения важно определить вид экологического страхования, который должен быть обязательным. Ведь каждый вид экологического страхования имеет свою специфику, свои объекты и предметы страхования, субъектов страхования, страховые случаи и т. д. И никаким образом не могут в одном виде страхования быть застрахованы и природные ресурсы, имеющие стоимость как имущество, и убытки государства, и природные объекты, и компоненты природной среды, которые стоимости не имеют, и расходы на лечение и т. д.

Так, например, личное страхование – это система различных видов страхования (страхование жизни, страхование от несчастных случаев, пенсионное страхование, медицинское страхование, страхование детей и т. д.), которое исторически было выделено в отдельный институт страхования. Так же комплексом видов страхования является морское, авиационное, космическое страхование, страхование в сфере строительства и т. д. Такой же сложной системой видов страхования является и экологическое страхование, которое по своей сути представляет собой систему видов страхования в сфере охраны окружающей среды и природопользования.

Именно по этой причине весь комплекс видов экологического страхования сделать обязательными не представляется возможным.

К видам экологического страхования относятся: страхование ответственности хозяйствующих субъектов за вред, причиненный загрязнением окружающей среды; страхование ответственности природопользователей за невыполнение (ненадлежащее выполнение) обязательств по договорам природопользования; страхование финансовых рисков природопользователей, страхование природных ресурсов, на которые имеется право собственности (пользования, распоряжения); страхование имущества юридических и физических лиц от негативного воздействия загрязненной окружающей природной среды; страхование физических лиц от несчастных случаев и болезней в связи с негативным воздействием загрязненной окружающей среды; страхование

от чрезвычайных ситуаций и катастрофических рисков.

Многие виды экологического страхования находятся в начальной стадии развития, а некоторые не осуществляются совсем. Для обязательного экологического страхования необходимо определение самой важной и значимой части, которая должна начать работать в первую очередь. Таким видом страхования является страхование ответственности за вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности. Этот вид страхования касается только вреда природной среде и вреда жизни и здоровью граждан, причиненного в результате негативного воздействия на окружающую среду.

Такой подход заложен в основу международного экологического права. В частности таких документов, как директива ЕС «Об экологической ответственности в отношении предотвращения и ликвидации вреда окружающей среде», акт по окружающей среде Великобритании, закона США «О полной ликвидации, компенсации, гарантиях и ответственности за ущерб окружающей среде».

Еще одной проблемой российского законодательства является отсутствие единых подходов к отнесению хозяйственной деятельности к экологически опасным видам деятельности. В ФЗ № 116 обозначена только часть видов деятельности, представляющих экологическую опасность. Кроме того, существует ряд опасных объектов, которые не представляют экологической опасности. Например, опасные производственные объекты, использующие стационарно установленные грузоподъемные механизмы, эскалаторы, канатные дороги и фуникулеры; скважины минеральных вод и другие объекты. Поэтому для целей экологического страхования классификация опасных объектов не подходит.

Опыт зарубежных стран показывает, что к предприятиям, которые страхуют свою экологическую ответственность, относятся промышленные предприятия, предприятия жилищно-коммунального хозяйства, строительные подрядчики, аэропорты, все компании по утилизации промышленных отходов, бензоколонки, порты и верфи, а в некоторых случаях даже школы, колледжи, больницы. В зарубежных обзорах по страхованию экологической ответственности приводятся случаи экологического вреда, причиненного в результате, например, прорыва труб муниципальных ком-

мунальных служб с питьевой водой, которая в больших объемах вызвала гибель форели, утечка хлора по причине сломанного клапана в оборудовании пожарной охраны и причинение вреда окружающей природной среде, химическое отравление детей в летнем лагере по причине использования некачественного средства очистки бассейна и т. д. Действительно, многие виды хозяйственной деятельности могут причинить вред окружающей среде.

Следующей проблемой в обеспечении финансовых обязательств по возмещению ущерба окружающей среде в настоящее время является недостоверность статистической информации о вероятности наступления случаев аварийного загрязнения и причиненного ущерба. Так, по официально полученной информации от субъектов Российской Федерации указываются следующие данные. В Красноярском крае за период 2002–2005 гг. произошло 11 случаев загрязнения окружающей среды, ущерб смогли рассчитать только в 3 случаях. В Калининградской области за тот же период из 30 случаев негативного воздействия на окружающую среду ущерб посчитан только в 2 случаях. В Рязанской и Вологодской областях причиненный ущерб вообще не определялся.

Многие субъекты, например, республики Хакасия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Удмуртия, Чувашия, Адыгея, Липецкая и Костромская области сообщают, что за прошедшее пятилетие случаи причинения вреда окружающей среде не зафиксированы, а в Амурской и Магаданской областях, например, выявлено за 5 лет только по одному случаю.

Приведенные данные о случаях причинения ущерба окружающей среде кажутся маловероятными. Скорее всего, речь идет об отсутствии на территориях субъектов РФ аварийных случаев масштабного загрязнения. Так в Хакасии, например, отмечен единственный случай, приведший к значительному ущербу окружающей среде: произошедший в 1998 г. взрыв ракеты-носителя «Зенит», последствия которого были ликвидированы и компенсация ущерба получена. К сожалению, ни размер причиненных убытков, ни стоимость восстановительных работ, ни объем компенсаций не указаны.

По данным, представленным Ростехнадзором за 2005 г. по всем федеральным округам в целом, территориальными органами данного ведомства выявлено более 115 тысяч нарушений природоохранного законодательства, предъявлено штрафов на 113 млн руб.

и исков о возмещении вреда на сумму более 152 млн руб., в то же время взыскано штрафов всего 50 млн руб.; а по искам только 2,9 млн руб. Таким образом, в результате годовой работы одного из природоохранных ведомств по выявленным фактам нарушения законодательства в сфере охраны окружающей среды штрафов взыскано в 2 раза меньше, а исков в 5 раз (!) меньше предъявленного.

Так, в Кемеровской области, где природопользователей около 2000 предприятий, в период за 2002–2005 гг. произошло 35 случаев негативного воздействия на ОС, ущерб же был рассчитан только по 2002 г., передан в природоохранную прокуратуру, но до настоящего времени не взыскан. Предъявленные иски урегулированы только в 2 случаях. Такая же ситуация наблюдается и по Иркутской области, и по Ульяновской области, где предъявленный ущерб в двух случаях из трех не оплачивается виновником в добровольном порядке. Зафиксирован один случай причинения вреда по Ханты-Мансийскому АО – ТПП Урайнефтегаз с причиненным ущербом природной среде в размере 358 млн 848 тыс. руб., а по неофициальной информации в Ханты-Мансийском АО ежегодно происходит около 2 тыс. случаев аварий с причинением вреда окружающей среде. Если в Томской области только по ОАО «Томскнефть» за 2005 год произошло 1950 аварийных порывов трубопроводов, то, например, в Новосибирской области при 33 230 предприятиях за 5 лет произошло только 5 случаев официально зарегистрированного загрязнения окружающей среды с ущербом в размере 30 тыс. рублей. В Пензенской области, где 48 000 предприятий являются потенциальными причинителями вреда окружающей среде, за 5 лет произошло по официальным данным всего 4 случая загрязнения, с общим ущербом природной среде в размере 920 тыс. рублей.

По данным Министерства природных ресурсов Российской Федерации (http://www.mnr.gov.ru/old_site/part/?pid=847), в Челябинской области насчитывается более 15 тыс. промышленных предприятий и организаций, загрязняющих окружающую среду. Наиболее крупными загрязнителями являются ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (32 % областного объема выбросов), Троицкая ГРЭС (13 %), ОАО «ЧМК» (7 %), Южноуральская ГРЭС (4 %), ОАО «Уфалейникель» (4 %), Аргаяшская ТЭЦ (5 %). По данным же УТЭН Ростехнадзора по Челябинской области, за период

01.10.2006–01.04.2008 гг. произошло 11 случаев аварийного загрязнения окружающей среды.

Общая сумма предъявленного ущерба составила 1 млн 5 тыс. руб. Минимальный ущерб предъявлен ОАО «Уралтранспродукт» и составляет 165 руб. (!) в результате разлива 10 марта 2007 года 6,5 тонны дизтоплива и загрязнения почвогрунта (собрали 6,3 тонны). Максимальная плата за негативное воздействие на окружающую среду составляет 527 тыс. руб. – в Бакальском городском поселении в результате разлива неустановленного объема мазута (почвогрунт был загрязнен 64 тоннами мазута).

Во многих случаях возникновения ущерба природной среде не устанавливается причина загрязнения, следовательно, и непосредственный виновник причинения вреда, а также практически во всех случаях не рассчитывается размер ущерба, вследствие чего не составляется план восстановительных работ, и восстановительные работы не проводятся.

Экологическое страхование может стать одним из действенных механизмов или первым шагом на пути создания системы возмещения вреда природной среде, инструментом, позволяющим реализовать принцип «загрязнитель платит», так как страхование является единственным механизмом, способным сочетать функции возмещения, контроля и предупреждения наступления неблагоприятных событий.

Введение обязательного страхования ответственности за вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности, позволит защитить интересы хозяйствующих субъектов в связи с их обязательствами по возмещению вреда природной среде, вреда жизни и здоровью граждан, причиненному негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, а также создать условия для предупреждения возникновения загрязнения окружающей среды и ликвидации его последствий посредством использования механизма страховой защиты. Введе-

ние обязательного экологического страхования позволит создать реальный механизм финансирования затрат на восстановление природной среды. Страховщик, застраховавший экологическую ответственность, не будет производить страховую выплату в «никуда», он должен будет оплачивать фактические расходы на восстановление природной среды в соответствии с планом восстановительных работ: после их выполнения или осуществлять финансирование по смете. Установление причинно-следственной связи между страховым событием и вредом жизни и здоровью граждан позволит оказать адресную материальную помощь гражданам, пострадавшим от негативного воздействия загрязненной окружающей среды.

В обязательном страховании ответственности за вред окружающей среде заложена идея предупреждения возможного причинения вреда окружающей среде путем финансирования специальных предупредительных мероприятий. Стоимость превентивных мероприятий может оказаться на несколько порядков дешевле, чем затраты на ликвидацию последствий от аварий и компенсацию нанесенного вреда окружающей среде.

Очевидна выгода от вложения сравнительно небольших средств и в диагностику резервуаров, трубопроводов, в проведение планового предупредительного ремонта и т.п. Но этот механизм требует серьезной проработки и принятия соответствующего решения на государственном уровне, так как при действующем порядке налогообложения операций по страхованию страховым компаниям финансировать предупредительные мероприятия невыгодно.

Зарубежный практический опыт проведения экологического страхования в части ответственности за вред окружающей среде показал еще один важный момент: в 90 % случаев страховщики финансируют расходы на уменьшение последствий свершившегося страхового события, тем самым сокращая его распространение и уменьшая его последствия.

1. Финансово-экономическое обоснование к проекту Федерального Закона «Об обязательном экологическом страховании». [Электронный ресурс] Режим доступа: www.aecos.ru.

2. Коваленко Н. В. Перспективы развития нормативно-правового обеспечения экологического страхования в Российской Федерации/Коваленко Н. В. // Доклад на парламентских слушаниях Совета Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.aecos.ru.

3. Бурков В. Н. Механизмы страхования в социально-экономических системах. М.: ИПУ РАН, 2001. 109 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. ГАПАНОВИЧ-КАЙДАЛОВ

Вопрос о сущности системы государственного управления (государственного регулирования) сегодня рассматривается специалистами применительно к разным объектам — планирование науки (Фролов Ю. Н. [15]), реализация культурной политики (Кривошей Д. А. [9]) и т. д. Однако важно точно определить понятие «система государственного управления». Сегодня все чаще государственное управление рассматривается как социальная система со всеми присущими этому виду систем свойствами (Антонова Н. Б. [1]).

Предназначение системы государственного управления состоит, прежде всего, в обеспечении стабильности, прогрессивного развития общества, удовлетворения его потребностей, интересов, ожиданий.

Главным результатом функционирования системы государственного управления являются управленческие решения и действия.

Система государственного управления формируется под влиянием различных факторов, например, уровня развития данного общества, состояния политической культуры, политических традиций, господствующих форм религии, конкретной исторической ситуации и даже территориально-географических условий страны.

Универсальным свойством систем является их структурированность. Между тем, управление общественными процессами имеет ряд отличительных признаков:

- иерархичность статусов элементов;
- целенаправленность, формирующая и функционирующая на основе определенных норм и ценностей (монархических, либерально-демократических, социалистических, религиозных и др.);
- наличие в системе механизмов самоуправления;
- самосознание субъектов и объектов управления;
- формальные и неформальные отношения;
- организация (социальная система и обеспечивающая ее подсистема государ-

ственного управления — это всегда организованная целостность).

Кроме того, следует отметить, что реализация функций системы государственного управления связана с осуществлением властных полномочий, что означает монопольное право на издание законов и применение принуждения, формирование бюджета и налоговой системы.

Система государственного управления — это сложное образование, состоящее из нескольких подсистем, которые являются самостоятельными, но взаимосвязанными между собой, социальными системами. Это: система управляющая (субъект); система управляемая (объект); коммуникативная система — система взаимодействий между элементами управляющей и управляемой системы: прямые и обратные связи, вертикальные и горизонтальные, подчиняющие и поддерживающие и т. д.

Под государственным управлением мы, вслед за Антоновой Н. Б., будем понимать социальную систему, которая является специально организованной, характеризуется иерархичностью, специфическим самосознанием субъектов объектов управления. В качестве структурных элементов системы государственного управления выступают органы государственного управления культурой.

Культура как самостоятельная отрасль социально-культурного строительства включает в себя широкий круг государственных и общественных органов, предприятий, учреждений, организаций, заведений культуры. К этой отрасли относятся: театральное, музыкальное, хореографическое, изобразительное, декоративно-прикладное, эстрадное и цирковое искусство; концертные организации, музеи, библиотеки, дома культуры и др.; кинематография, телевидение и радиовещание; издательское дело, полиграфия и книготорговля.

Управление культурой включает ряд направлений: организацию создания, распространения и популяризации произведений литературы и искусства; обеспечение распространения информации и пропаганды достижений культуры; сохранение и использование

культурных ценностей; охрану произведений искусства и памятников культуры, повышение культурного уровня населения страны; руководство предприятиями, организациями, учреждениями и заведениями культуры.

Актуальность изучения деятельности системы государственного управления культурой в Республике Беларусь обусловлена необходимостью развития национального самосознания белорусов, сохранения культурного наследия народа в свете мировой глобализации, интеграции и взаимопроникновения культур.

Сегодня проблема формирования политики белорусского государства в сфере культуры нашла свое отражение в трудах Бабосова Е. М., Гуляко Л., Гусева Ю. А., Дрыгина А. В., Кривошей Д. А., Саликова А. Э. и др. Исследователи отмечают, что в современных условиях культура — это стратегический ресурс страны и неотъемлемая составляющая жизни общества. Особое внимание уделяется вопросам влияния белорусских национальных традиций на формирование культуры народа [6]; определения приоритетных направлений культурной политики [9, 11, 13]; управления культурой и др.

Система учреждений культуры и искусства является одним из самых необходимых государственных институтов, поскольку она обеспечивает населению духовную свободу и формирует национальное самосознание.

В зависимости от формы собственности (учредителя) и органа управления в сфере культуры можно выделить учреждения:

- государственные — подчиняются Министерству культуры;
- ведомственные — находятся в непосредственном подчинении другим министерствам (образования, информации, обороны и т. д.);
- общественно-коллективные (учредители — акционерные общества, колхозы и другие организации, основанные на коллективной собственности);
- частные (учредители — частные лица).

Большая часть учреждений культуры находится в отраслевом подчинении Министерству культуры.

По уровню управления и финансирования выделяют 2 вида учреждений системы Министерства культуры:

1. Учреждения, находящиеся в непосредственном подчинении Министерству культуры и финансируемые из республиканского бюджета (Комитет по охране историко-

культурного наследия, Комитет по реставрации и консервации памятников, управления культуры облисполкомов, управления культуры исполкома района, города).

2. Учреждения культуры и искусства, действующие на территории областей, городов и районов, которые подчиняются местным органам управления и финансируются из местных бюджетов (культурно-просветительные учреждения — музеи, национальные библиотеки, государственные регистр кино-, видеофильмов и программ, Республиканский центр национальных культур, Государственная историко-культурная экспедиция по спасению культурных ценностей; театральные предприятия — театры, музыкальные объединения и коллективы, цирки; учебные заведения, производственные предприятия).

Важнейшей долгосрочной целью государственной политики в сфере культуры является формирование нравственных и идеологических основ государства, создание условий для воспроизводства и развития творческого потенциала общества, сохранение культурных и национальных традиций страны, обеспечение доступности услуг учреждений культуры для всего населения страны.

Сегодня Республика Беларусь ориентирует свою политику в сфере культуры на обеспечение культурных прав как общества в целом, так и каждой отдельной личности в частности, а также на политическое, экономическое и духовное обновление Беларуси (Гуляко Л. [3]).

Руководство учреждениями культуры путем проведения единой государственной культурной политики, методологического и методического обеспечения, определения приоритетных направлений развития культуры и искусства через комплексные целевые программы, а также решения проблем законодательно-правового регулирования деятельности учреждений культуры и искусства осуществляет Министерство культуры.

На уровне областей, районов, городов в составе органов исполнительной власти создаются соответствующие управления, которые осуществляют регулирование деятельности учреждений культуры. Важнейшая задача органов государственного управления в сфере культуры — преодоление разрыва между культурными потребностями общества и возможностями их удовлетворения.

Следовательно, сегодня в республике Беларусь сложилась система органов управления культурой, включающая в себя министерство культуры, управления культуры област-

ных исполнительных комитетов, учреждения культуры областного и районного уровней. Органы государственного управления в сфере культуры имеют свои специфические функции, реализация которых направлена на достижение главной цели — формирование нравственных и идеологических основ государства, создание условий для воспроизводства и развития творческого потенциала общества, сохранение культурных и национальных традиций страны, обеспечение доступности услуг учреждений культуры для всего населения страны.

В настоящее время деятельность органов государственного управления культурой реализуется в соответствии со следующими нормативно-правовыми актами:

1. Конституция Республики Беларусь [8]. Государство на конституционном уровне гарантирует заботу о развитии культуры. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ст.15) государство ответственно за сохранение историко-культурного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь. Историко-культурное наследие народа Беларуси является его достоянием, неотъемлемой частью достижения мировой цивилизации. Оно создает необходимые условия для духовного, интеллектуального и экономического развития общества.

2. Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О культуре в Республике Беларусь» (2004 г.), поддерживающий усилия руководства страны и работников культуры по созданию наилучших условий для всестороннего духовного развития общества.

3. Законы Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия», «О языках в Республике Беларусь», «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» и др.

4. Программа «Культура», разработанная Министерством культуры и включающая в себя:

- подготовку кадров культуры для работы в новых социально-экономических условиях;
- концепцию профессионального образования в области искусства;
- народное творчество, традиции и современность;
- связь белорусской культуры с мировой культурой;
- выявление, охрану и изучение памятников материальной культуры;
- культуру и религию;

— принципы функционирования национальной культуры в новых экономических и социально-правовых условиях.

5. Международные нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере культуры. Например, 18 марта 2007 года вступила в силу **Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения**, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО в октябре 2005 года [7]. Цель Конвенции — еще раз подтвердить неразрывные связи, объединяющие культуру, развитие и диалог, а также создать инновационную платформу для международного культурного сотрудничества. В ней подтверждается также суверенное право государств на выработку соответствующей культурной политики для защиты и развития разнообразия форм культурного самовыражения, с одной стороны, и «создания условий для расцвета и свободного взаимодействия культур в целях их взаимного обогащения», с другой. Конвенция провозглашает роль культуры в качестве активного фактора развития, мобилизует гражданское общество на реализацию ее задач и ставит во главу угла международную солидарность, в частности, за счет учреждения Международного фонда в поддержку культурного разнообразия. Конвенция также подчеркивает «важность защиты прав интеллектуальной собственности для поддержки лиц, участвующих в культурном творчестве» и подтверждает, что «свобода мысли самовыражения и информации... обеспечивает расцвет форм культурного самовыражения в обществе».

В 2006 году разработана и утверждена Отраслевая программа сохранения и развития культуры в Республике Беларусь. На контроле в Министерстве культуры находится 42 поручения Главы государства по всем магистральным направлениям развития культуры и искусства.

В последние годы продолжается подготовка нормативных правовых актов отрасли. Были приняты законы — «О музеях и Музейном фонде Республики Беларусь» и «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь». В их развитие разработаны Указ Президента Республики Беларусь от 10 июля 2006 г. № 435 «О некоторых вопросах перемещения музейных предметов и (или) музейных коллекций через границу Республики Беларусь», Положение о Музейном фонде Республики Беларусь, утвержденное поста-

новлением Совета министров Республики Беларусь от 10 июня 2006 г. № 730 и ряд других нормативных актов, ставших правовой основой регулирования музейного дела, охраны историко-культурного наследия, порядка вывоза за границу культурных ценностей, фестивального движения, пересмотрены отраслевые правила по охране труда и некоторые другие документы, действовавшие еще со времен СССР [2].

Республика Беларусь – многонациональное государство. Оно гарантирует всем проживающим на его территории гражданам, независимо от национальной принадлежности, право свободно пользоваться своим языком, получать помощь со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования, установления культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь, сохранения национальных традиций, развития профессионального, самодеятельного искусства и т. д.

Государство гарантирует сохранность и защиту историко-культурного наследия не только коренной нации, но, в равной степени, всех наций и народностей, проживающих на его территории. Так, согласно статье 10 Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», памятники истории и культуры национальных меньшинств являются частью белорусской культуры и охраняются государством в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Таким образом, сегодня активно ведется работа по созданию современной нормативно-правовой базы культуры. Министерство культуры, местные органы государственного управления культурой руководствуются в своей деятельности Конституцией, законами страны, декретами и указами главы государства, постановлениями правительства, а также международными нормативно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, а также специально разработанными положениями.

Культура сегодня рассматривается как память народа о самом себе, своих предках, обычаях, стремление народа к прекрасному (Гусев Ю. А. [4]). С другой стороны, культуру народа изучают, рассматривая различные формы самовыражения народа (искусство, живопись, литература и др.). В условиях глобализации современная культура развивается в процессе интенсивных межкультурных контактов, ведущих к углублению взаимосвязей национальных культур. Современный «гло-

бальный» тип культуры характеризуется определенной ценностно-нормативной системой. В противовес традиционным ценностям он не имеет определенных центров локализации. Формирование мировой глобальной культуры во многом происходит на основе ценностей западной цивилизации: индивидуализма, либерализма, прав человека, демократии западного образца, свободного рынка, абсолютизации стремления к материальным благам (Саликов А. Э. [12]).

Однако среди традиционных ценностей белорусского народа выделяются прочность семьи, трудолюбие, умение рассчитывать на собственные силы и др. Таким образом, в условиях нарастающей глобализации заметно возрос интерес к специфике национального самосознания, самобытности культурного развития. Без осознания собственной идентичности невозможен действенный поиск своего пути в мировом культурном пространстве, сохранение и приумножение национального духовного наследия (Мартынов В. Ф. [10]). Поэтому особое значение приобретают вопросы культурной идентификации народа и, прежде всего, молодежи (Гутько О. Л. [5]).

Наиболее адекватно сущность культурного самовыражения народа раскрывается в следующих понятиях Конвенции **об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения**, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в октябре 2005 года [7]: «культурное разнообразие», «культурное содержание», «формы культурного самовыражения», «культурная деятельность и культурные товары и услуги», «индустрия культуры», «культурные политика и меры», «охрана», «межкультурное взаимодействие».

Культурное разнообразие означает многообразие форм, с помощью которых культуры групп и обществ находят свое выражение. Эти формы самовыражения передаются внутри групп и обществ и между ними. Культурное разнообразие проявляется не только через применение различных средств, с помощью которых культурное наследие человечества выражается, расширяется и передается благодаря многообразию форм культурного самовыражения, но и через различные виды художественного творчества, а также производства, распространения, распределения и потребления продуктов культурного самовыражения, независимо от используемых средств и технологий.

Культурное содержание отражает симво-

лический смысл, художественный аспект и те культурные ценности, истоками которых является культурная самобытность или которые отображают такую самобытность.

Формами культурного самовыражения являются такие формы самовыражения, которые представляют собой результат творчества отдельных лиц, групп или обществ и которые имеют культурное содержание.

Культурная деятельность и культурные товары и услуги, когда они рассматриваются с точки зрения конкретного свойства, употребления или цели, воплощают или несут в себе формы культурного самовыражения, независимо от своей возможной коммерческой ценности. Культурная деятельность может быть самоцелью или может способствовать производству культурных товаров и услуг.

Индустрия культуры включает отрасли, которые производят и распространяют конкретные культурные товары и услуги.

Культурные политика и меры на местном, региональном, национальном или международном уровнях сосредоточены на культуре как таковой либо предназначены для оказания непосредственного влияния на формы культурного самовыражения отдельных лиц, сообществ или обществ, включая создание, производство, распространение и распределение культурной деятельности и культурных товаров и услуг, а также на доступ к ним.

Охрана предполагает принятие мер, направленных на сохранение, защиту и увеличение разнообразия форм культурного самовыражения. Межкультурное взаимодействие — существование и равноправное взаимодействие различных культур, а также возможность создания общих форм культурного самовыражения на основе диалога и взаимного уважения.

Таким образом, под культурным самовыражением народа понимается представленный в различных формах результат творчества отдельных лиц, групп или обществ, который имеет культурное содержание. Формы культурного самовыражения народа воплощаются в деятельности, культурных товарах и услугах. Вместе с тем культурная деятельность может быть как самоцелью, так и способом производства культурных товаров и услуг.

Актуальным и практически значимым представляется формирование определенной стратегии культурной безопасности страны. Такая стратегия может быть направлена на поддержание интегративности и преемственности в сфере трансляции ценностей на-

циональной культуры. Ее приоритетом может стать распространение самобытных образцов национальной культуры, что создает своеобразный иммунитет против псевдокультурных артефактов глобального медиапространства (Саликов А. Э. [12]).

Культурная безопасность может быть обеспечена продуманной культурной политикой государства. По определению ЮНЕСКО, под культурной политикой понимается комплекс принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в сфере культуры. В этом контексте реализация культурной политики представляет собой совокупность действий общества, которые направлены на достижение конкретных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которые имеет в своем распоряжении общество в данное время (Кривошей А. Д. [9]).

Среди субъектов культурной политики наряду с органами государственного управления культурой необходимо выделить деятелей культуры, которые одновременно являются и объектами. Объектами культурной политики являются сама сфера культуры и общество как совокупность потребителей культурных благ, которые создаются и распространяются.

Содержание деятельности органов государственного управления культурой реализуется по следующим основным направлениям [14]:

1. Музейное дело

В настоящее время в системе Министерства культуры работает 138 музеев и 57 филиалов. Кроме этого в республике имеется более 1600 музеев, в том числе общественных, собственниками которых являются организации других ведомств. В 2006 году открыты Гомельский областной музей военной славы (г. Гомель); Крупский краеведческий музей (Минская область); Музей-усадьба «Дзержиново» (Минская область) и 3 филиала государственных музеев: 5-й форт — филиал Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»; Экологический музей — филиал Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника; Художественная галерея — филиал Слуцкого краеведческого музея, новый раздел постоянной экспозиции Государственного музея театральной и музыкальной культуры Республики Беларусь «Белорусская театральная культура XX столетия».

Своими экспозициями, выставками, просветительской деятельностью музеи отражают идеологию государства. Расширилось и укрепилось международное сотрудничество белорусских музеев в области выставочной и реставрационной деятельности.

Большая работа проведена по выполнению поручения Президента Республики Беларусь по реализации предложений Комитета государственного контроля по обеспечению сохранности историко-культурных ценностей, активизации и повышению эффективности работы музеев. Во всех музейных учреждениях проводится полная сверка предметов Музейного фонда, которая завершится к ноябрю 2007 года, а также техническое оснащение музеев и их программного обеспечения для внедрения автоматизированных систем учета музейных фондов.

2. Библиотечное дело

Библиотечная сеть составляет 4215 учреждений, в том числе Национальная библиотека Беларуси, 6 областных, 4208 публичных библиотек, объединенных в 134 централизованные библиотечные системы.

Библиотечная сеть развивалась в соответствии с общей динамикой социальных и демографических процессов, что выразилось в объединении публичных, городских и районных библиотек, в переводе библиотек разных ведомств, в первую очередь профсоюзных, в библиотечную сеть Министерства культуры. Остается стабильным процент охвата населения обслуживанием публичными библиотеками – в пределах 40%. Одна публичная библиотека приходится на 2 тыс. жителей, что соответствует нормам ЮНЕСКО. Активно идет модернизация библиотечного обслуживания. Значительно расширяется спектр библиотечных услуг, разворачивается электронное информационное обслуживание с помощью телекоммуникационных возможностей глобальной сети Интернет.

В целях совершенствования и определения приоритетности основных направлений деятельности библиотек разработаны Государственная программа «Память Беларуси», Концепция регионального информационного центра на базе областных библиотек, компьютеризированы 164 сельские библиотеки агрогородков.

3. Открытие центров культуры

Сеть клубных учреждений разных типов составляла 3838 единиц, из которых 3512 функционируют в сельской местности, 326 – в городах.

Продолжается активное реформирование современной системы инфраструктуры учреждений культуры, разработка и внедрение новых проектов и моделей социокультурной деятельности на уровне регионов, профилизация и специализация учреждений клубного типа. В отрасли сформировалась сеть новых типов клубных учреждений в основном районного и сельского уровней, деятельность которых направлена на сохранение и популяризацию различных видов народной художественной культуры. Всего в 2006 году на селе сформировано 42 учреждения качественно нового типа с учетом региональной специфики.

4. Развитие традиционной культуры регионов

Актуальной и необходимой является работа по сохранению и развитию традиционной культуры регионов. Результатом долгосрочной исследовательской деятельности по созданию антологии «Традиционная культура Беларуси» стало создание книг «Падняпроўе» и «Паазер'е». Проводятся этнографические концерты «Фальклор беларускай глыбінкі».

Звание «народный» и «образцовый» присвоено 140, почетное звание «Заслуженный любительский коллектив Республики Беларусь» – 8 коллективам. В то же время 4 коллектива были лишены звания «народный» в связи с прекращением творческой деятельности, 20 переименованы в связи с изменением направления творческой деятельности, состава участников, базы деятельности (в 2005 году лишены этого звания 17 коллективов, переименовано – 26).

5. Гастрольно-концертное обслуживание

Современная структура гастрольно-концертного обслуживания населения включает 17 государственных учреждений республиканского и регионального подчинения, где в концертных организациях работает 62 творческих коллектива, которые объединяют 1421 человека артистического персонала. Они приняли активное участие в значимой творческой акции «Мастера искусств – за сильную и процветающую Беларусь», которая прошла по всей республике. В рамках акции проведено 424 мероприятия, которые посетило 291 тыс. зрителей.

Улучшилось концертное обслуживание населения. Проведено 8213 концертов (в 2005-м – 7718), которые посетило 1529 тыс. зрителей (в 2005-м – 1399 тыс. зрителей). Особое внимание уделялось обслу-

живанию сельского населения, где состоялось более 1700 концертов, что на 12 % больше, чем в 2005 г. На поддержку гастрольно-концертной деятельности было выделено около 2 млрд бел. рублей. По государственному заказу приобретены новые произведения белорусских композиторов различных жанров на сумму 95,0 млн. бел. рублей. В фонды Белорусского радио концертными коллективами записано 17 крупных произведений белорусских авторов.

6. Работа театров

Среди 28 государственных театров системы Министерства культуры 3 музыкальных, 19 – драматических, 7 – кукольных. Театрами осуществлен ряд новых творческих проектов: премьеры по произведениям белорусских авторов, а также зарубежной классики.

На постановку спектаклей по форме государственного заказа, а также из средств фонда Президента Республики Беларусь выделено свыше 395 млн бел. рублей. Для театральных коллективов были приобретены оригинальные пьесы и инсценировки на 36,5 млн бел. рублей.

На развитие и укрепление международных творческих связей большое влияние оказали театральные фестивали, которые заметно оживили театральную жизнь республики. Это Международный телевизионно-театральный фестиваль «Фестиваль фестивалей» (г. Минск), «Белая вежа» (г. Брест), в котором приняли участие известные артисты и лучшие зарубежные театральные коллективы.

Вместе с тем в театральном искусстве по-прежнему стоит задача увеличения удельного веса в репертуаре белорусской драматургии. Театрам местного подчинения недостаточно выделяется средств на постановку новых спектаклей. Требуется совершенствования система государственного заказа на постановку спектаклей. Необходимо налаживание системной работы художественной театральной критики. Требуется координация гастрольная деятельность театров.

7. Кинематография

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь в Министерстве культуры создан Департамент по кинематографии с правами юридического лица для осуществления государственного регулирования и контроля в области кинематографии.

В 2001–2006 гг. по вопросам кинематографии Глава государства дал 63 поручения, кроме того, в большинстве государственных

программ содержатся поручения, относящиеся к киноиндустрии.

Разработана и реализуется Межведомственная программа подготовки кадров для киноиндустрии на 2006–2015 годы. При Белорусском государственном институте проблем культуры создана лаборатория экономических и правовых вопросов кино. Разработаны новые нормативные правовые акты по вопросам кинематографии.

Киностудией «Беларусьфильм» также закончено производство 13 хроникально-документальных, 1 художественно-публицистического, 8 социальных роликов, 7 анимационных и 1 видеоальманаха.

В соответствии с Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 гг. уделялось внимание организации киноиндустрии в агрогородках. В агрогородках киноиндустрия обеспечивается 246 стационарными киноустановками, 48 стационарными видеоустановками и 90 передвижными видеокомплексами, осуществлен 20941 киноиндустриальный сеанс, обслужено 632,2 тыс. зрителей, получено платных услуг в сумме 246,7 млн. бел. рублей.

8. Международные культурные мероприятия

Продолжалась работа по развитию и укреплению отношений взаимопонимания и доверия в области культуры с зарубежными государствами, с традиционными и новыми партнерами. В январе 2006 года в Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации состоялось третье совместное заседание коллегий Министерств культуры Беларуси и Российской Федерации.

Согласно Протоколу поручений Президента Республики Беларусь, данных по итогам официального визита в Ливанскую Республику, впервые в истории двусторонних отношений в мае проведены Дни культуры Беларуси в Ливане, которые проходили в городах Бейруте, Триполи, Сайде. Средства массовой информации Ливана высоко оценили мастерство белорусских артистов.

9. Образование в области культуры

Подготовка специалистов в учебных заведениях отрасли осуществляется по широкому спектру специальностей и специализаций. Перечень их с учетом спроса рынка труда увеличивается. Так, в 2006 г. в Брестском государственном музыкальном колледже начато обучение учащихся по специальности «Искусство эстрады».

Открыты 5 детских школ искусств.

Их численность в настоящее время составляет 515 единиц, из них 223 работают в сельской местности. Продолжается процесс преобразования узкопрофильных музыкальных школ в школы искусств с открытием различных отделений (художественного, хореографического, театрального и т. п.).

Большое внимание уделяется в Республике Беларусь выявлению и поддержке одаренных детей и талантливой молодежи, культуры и искусства. С 2001 года на финансирование деятельности фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства выделено более 2,9 млрд бел. рублей.

Таким образом, основными направлениями деятельности государства в сфере культуры являются: музейное дело, библиотечное дело, открытие центров культуры, развитие традиционной культуры регионов, гастрольно-концертное обслуживание, работа театров, кинематография, международные культурные мероприятия, образование в области культуры. Реализация продуманной культурной политики в указанных направлениях призвана обеспечить культурную безопасность государства в условиях нарастающей глобализации.

Развитие белорусской, как и любой другой национальной культуры имеет свою логику. Вместе с тем государственная стратегия может содействовать развитию и опираться на него. Поэтому очень важно установить приоритеты и принципы при определении долгосрочных целей и задач культурной политики. К их числу можно отнести:

- формирование средствами культуры интеллектуальных и моральных основ построения демократического правового государства;

- сохранение национально-культурной автономии белорусского народа при полном отказе от тенденций культурной обособленности, духовной самоизоляции;

- сохранение историко-культурного наследия и развитие национальных культурных традиций, которые обеспечивают формирование адекватного исторического самосознания народа;

- консолидация деятелей культуры на основе органичного соединения гуманистических традиций народной культуры белорусов, других культур, мирового наследия (Сосновский А. [13]).

Михайлова Л. И. выделяет, указывает, что приоритетные цели культурной политики связаны с:

- созданием новых социокультурных ценностей и норм;

- формированием у населения нового типа моральности, образцов поведения и деятельности, которые соответствуют общественной ситуации;

- привлечением людей к участию в разнообразных формах культурной деятельности;

- воспитанием терпимого отношения к другим культурам и востребованности доброжелательного взаимодействия с ними;

- воспитанием понимания общечеловеческих ценностей любой культуры, осознания соединения личной свободы с культурой [11].

Главой государства – Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко определены важнейшие направления деятельности структур власти в реализации государственной политики в сфере культуры:

- создание современной нормативно-правовой базы культуры;

- формирование эффективно действующего экономического механизма отрасли культуры;

- создание условий для выявления и развития творческих способностей каждого гражданина Беларуси;

- сохранение историко-культурного наследия белорусского народа;

- укрепление кадрового потенциала и материально-технической базы учреждений культуры;

- расширение и углубление международного культурного сотрудничества [3].

Именно на реализацию этих направлений нацелена работа всех учреждений культуры и искусства, государственных структур Республики Беларусь.

Таким образом, главным ориентиром государственной политики в области культуры является не только сохранение значительного и уникального наследия белорусского народа, сохранение самобытности и интеграция в мировую культуру, но и воспитание нового человека – человека, имеющего высокий уровень культуры поведения, общения, взаимоотношений и т. п.

Применительно к системе государственного управления эффективность следует рассматривать как комплексную характеристику потенциальных и реальных результатов функционирования системы с учетом степени соответствия полученных результатов целям и задачам ее развития [1].

Эффективность государственного управления должна отражать как прямые результаты управления, так и побочные, объективно возникающие результаты. И если прямые результаты отражают полноту, целесообразность и последствия воплощенных в жизнедеятельность общества поставленных целей и задач государственного управления, то побочные результаты позволяют увидеть их обуслованность и обусловленность, степень их влияния на другие общественные явления. При этом очень важно отделить получаемые результаты и последствия как следствие государственного управления от тех, которые могут возникать в результате действия объективных и, возможно, стихийных механизмов.

Исходя из многообразия стоящих перед государством задач, связанных с управлением внутри страны, а также в зависимости от объекта и уровня управления, выделяют различные виды эффективности государственного управления:

- экономическую, отражающую эффективность проводимой государством экономической политики, эффективность протекающих процессов и явлений (экономического роста, использование ресурсов, приватизации, инвестиций, государственного сектора экономики и т.д.);

- социальную, позволяющую определить эффективность социальной политики государства, решения социальных проблем жизнедеятельности общества, его различных групп и классов. Главный критерий социальной эффективности государственного управления – повышение качества и уровня жизни человека;

- экологическую, связанную с использованием окружающей среды, реализацией природоохранных мер;

- внешнеэкономическую, отражающую взаимовыгодное экономическое сотрудничество с государствами на международной арене, в международном разделении труда, в области кредитно-денежных отношений, при обмене новейшими технологиями и т.д.

В качестве критериев эффективности государственного управления используются критерии и показатели, отражающие результат управления и полученный эффект.

В социальной сфере и в области культуры эффективность государственного управления можно оценить по уровню жизни населения. Оценивается он по таким показателям, как: ВВП на душу населения, структура использования ВВП, особенно структура рас-

ходов на конечное потребление (личных потребительских расходов). Для анализа уровня жизни используются показатели: потребительская корзина, прожиточный минимум, средняя продолжительность жизни, уровень образования населения, потребление на душу населения основных продуктов питания в калориях и протеиновом содержании, уровень квалификации трудовых ресурсов, численность учащихся и студентов на 10 тысяч населения, доля расходов на образование в ВВП; а также показатели, характеризующие развитие сферы услуг (число врачей на 10 тысяч населения, число больничных коек на 1 тысячу населения, обеспеченность жильем и т.д.). В последние годы для определения качества жизни применяется индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), используемый как альтернатива ВВП для измерения социально-экономического развития страны. Он позволяет оценить характер и приоритеты в развитии страны, сравнить ее достижения с другими государствами. ИРЧП представляет собой интегральный показатель человеческого развития, состоящий из трех компонентов: долголетия, образованности и уровня жизни. Долголетие измеряется продолжительностью жизни, образованность – комбинацией грамотности взрослых и среднего количества лет обучения, уровень жизни – реальным ВВП на душу населения с поправкой на местную стоимость жизни.

Оценка эффективности государственного управления является объективно необходимой. Она обусловлена целым рядом обстоятельств:

- невозможностью потерь, понесенных обществом вследствие необдуманного и слабого управления;

- порождением новых проблем, способных на длительное время влиять на снижение уровня управления;

- снижением доверия к управлению, его общественному престижу.

Результаты государственного управления оцениваются всем обществом, его отдельными группами и каждым человеком в отдельности, ибо они наглядно просматриваются через изменение уровня и качества жизни населения, через развитие социальной и духовной сферы, через результаты, полученные в сфере экономики, национальной безопасности, международного сотрудничества и т.д.

Оценка управления должна осуществляться относительно характера, уровня, эффективности организации и функциони-

рования системы государственного управления и его результатов. Оценки должны быть строго определенными по времени, формам, процедурам, последствиям. Они призваны превратиться в естественную и необходимую часть управления, быть систематическими и авторитетными.

Следовательно, эффективность государственного управления в сфере культуры (эффективность реализации культурной политики) прежде всего должна оцениваться по уровню жизни населения, основным из индикаторов которого является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Эффективность государственного управления подлежит регулярной оценке, которая необходима для постоянного совершенствования деятельности органов государственного управления культурой. Оценка эффективности государственного управления культурой в Республике Беларусь отражается в ежегодных отчетах и справках Министерства культуры и других государственных органов. В частности, особое внимание обращается на финансирование учреждений культуры и культурных мероприятий республиканского и регионального уровней как индикатор эффективности культурной политики. Так, в 2006 году организации системы Министерства культуры получили 94,9 млрд бел. рублей внебюджетных и собственных средств, что на 23 % больше в сравнении с 2005 годом.

Таким образом, характеризуя систему государственного управления культурой в Республике Беларусь на современном этапе развития, можно сделать следующие выводы:

1. Существуют различные подходы к определению системы государственного управления (государственного регулирования) в зависимости от его объектов — планирование науки [15], реализации культурной политики [9] и т.д. Наиболее адекватным, на наш взгляд, является определение системы государственного управления как социальной системы, которая является специально организованной, характеризуется иерархичностью, специфическим самосознанием субъектов объектов управления. В качестве структурных элементов системы государственного управления выступают органы государственного управления культурой.

2. В республике Беларусь сложилась система органов управления культурой, включающая в себя министерство культуры, управления культуры областных исполнительных комитетов, учреждения культуры областного

и районного уровней. Органы государственного управления в сфере культуры имеют свои специфические функции, реализация которых направлена на достижение главной цели — формирование нравственных и идеологических основ государства, создание условий для воспроизводства и развития творческого потенциала общества, сохранение культурных и национальных традиций страны, обеспечение доступности услуг учреждений культуры для всего населения страны [3].

3. В настоящее время в Республике Беларусь активно ведется работа по созданию современной нормативно-правовой базы культуры. Министерство культуры, местные органы государственного управления культурой руководствуются в своей деятельности Конституцией Республики Беларусь, законами страны, декретами и указами Главы государства, постановлениями Правительства, а также международными нормативно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, а также специально разработанными Положениями [7].

4. Важнейшими направлениями деятельности структур власти в реализации государственной политики в сфере культуры являются: создание современной нормативно-правовой базы культуры; формирование эффективно действующего экономического механизма отрасли культуры; создание условий для выявления и развития творческих способностей каждого гражданина Беларуси; сохранение историко-культурного наследия белорусского народа; укрепление кадрового потенциала и материально-технической базы учреждений культуры; расширение и углубление международного культурного сотрудничества. Исходя из этого, главным ориентиром государственной политики в области культуры является не только сохранение значительного и уникального наследия белорусского народа, сохранение самобытности и интеграция в мировую культуру, но и воспитание нового человека — человека, имеющего высокий уровень культуры поведения, общения, взаимоотношений и т.п. [3].

5. Выделяются различные виды эффективности государственного управления: экономическая, экологическая, внешнеэкономическая, а также социальная, позволяющая определить эффективность социальной политики государства, решения социальных проблем жизнедеятельности общества, его различных групп и классов. Кроме того, можно выделить эффективность реализации культурной по-

литики. Главный критерий социокультурной эффективности государственного управления — повышение качества и уровня жизни человека. Основным из индикаторов уровня жизни является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

1. Антонова Н. Б. Организационная структура государственного управления. Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 231 с.
2. Василевич Г. А. Нормативные правительственные акты государственных органов Республики Беларусь. Изд. 2. Мн., 2001. С. 33.
3. Гуляко Л. Культура — стратегический курс страны и неотъемлемая составляющая жизни общества//Беларуская думка, 2004, № 10. С. 14–25.
4. Гусев Ю. А. Духовная культура Беларуси в пространстве и времени//Мастацкая адукацыя і культура, 2006, № 2. С. 43–51.
5. Гутько О. Л. Анализ культурной идентификации учащейся молодежи Беларуси//Мастацкая адукацыя і культура, 2006, № 1. С. 8–12.
6. Дрыгін А. В. Роля традыцый ў фарміраванні нацыянальнай культуры//Весці БДПУ. Сер. 2, 2005, № 4. С. 110–113.
7. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО в октябре 2005 года)/<http://www.ifap.ru/ofdocs/cppdce.pdf>.
8. Конституция Республики Беларусь. Мн.: Полымя, 1997. 37 с.
9. Крывашэй Д. А. Эмест паняцця «культурная палітыка»//Человек. Грамадства. Свет, 2005, № 4. С. 26–30.
10. Мартынов В. Ф. Белая Русь в поисках культурной идентичности//Мастацкая адукацыя і культура, 2006, № 1. С. 22–25.
11. Михайлова Л. И. Социология культуры. М., 1999. 276 с.
12. Саликов А. Э. Белорусская национальная культура перед вызовом глобализации//Человек. Грамадства. Свет, 2006, № 2. С. 16–19.
13. Сасноўскі А. Культура — рухавік развіцця нацыі//Звязда, 1998, 28 лютага.
14. Справка об итогах работы организаций Министерства культуры Республики Беларусь в 2006 году и задачах на 2007 год/<http://www.kultura.by/index.jsp>
15. Фролов Ю. Н. Государственное планирование науки. М.: Мысль, 1998. 236 с.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (К 300-ЛЕТИЮ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

А. П. ЯРКОВ

В конце декабря 2008 г. будет отмечаться 300-летний юбилей Сибирской губернии, который имеет не только «памятное» значение. Дело в том, что ущемленную этничность и региональный провинциализм очень активно использовали и, к сожалению, продолжают использовать в политических и сепаратистских целях радикальные силы. Это уже неоднократно случалось в истории региона: 1663 г. — попытка создать хантыйское государство; во второй половине XX вв. — идея областников о «сибирской государственности» по типу США; после революции 1917 г. — требование государственной самостоятельности Сибири; конец 1980-х гг. — попытка создать государственность сибирских татар в форме территориальной или национально-культурной автономии [1]; 1992 г. — разработанный проект закона РСФСР «Об образовании Уральской республики» [2]; 1993 г. — заявки на Мансийскую республику [3]. Всякий раз за лозунгами сохранения «самости» просматривались попытки разделения сибирской территории.

Этнорегиональный радикализм может приобретать порою причудливые формы, подобные заявлению «истинного патриота и сибирского аборигена» Г. Нечипаева «от имени миллионов сибиророжденных людей» (это, якобы, «самостоятельный русскоязычный сибирский народ») о необходимости создания независимой Сибирской Республики (Эсери) с вооруженными силами [4].

И, напротив, был иной опыт укрепления российской государственности, даже ограничивая его пределами Западной Сибири. Так, в соответствии с идеями Петра I **усилились** централистские тенденции в государственном управлении, хотя и в 1697 г. сохранялся Сибирский приказ. Только с 1708 г. начались административно-территориальные реформы, коснувшиеся всей азиатской части России.

Тобольск еще 10 лет оставался центром крупнейшей в стране губернии, простиравшейся от Вятки до Камчатки. Сибирская

губерния в 1719 г. была поделена на провинции: Вятскую, Соликамскую (в 1727 г. перечислены в Казанскую губернию) и Тобольскую. К Тобольской провинции в 1726 г. были приписаны Томск, Кузнецк и Нарым из Енисейской провинции.

Трудно соотносить даже архивные данные и свидетельства очевидцев с указанными названиями волостей, областей, губерний, областей. Некоторые современные районы Западной Сибири — это части бывших Оренбургской, Пермской, Тобольской, Уфимской губерний и Акмолинской области Степного генерал-губернаторства, границы которых постоянно менялись, а сами районы переподчинялись. Так, юго-западные районы современной Курганской области долгое время входили в состав Сибирской, с 1744 г. находились в составе Оренбургской (которая в 1781 г. была реорганизована в Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей — Уфимской и Оренбургской), а также Пермской губерний.

Иногда административные образования были сложно построены. Так, созданный в 1747 г. Колывано-Воскресенский горный округ входил в Тобольскую провинцию Сибирской губернии, переименованную в 1764 г. в «Сибирское царство», подразделявшееся на Тобольское и Иркутское генерал-губернаторства. В результате преобразований в 1779–1783 гг. Колывано-Воскресенский горный округ стал Колыванской областью (затем губернией), куда отошли: Бийский, Колыванский, Кузнецкий, Семипалатинский и Красноярский уезды и часть поселений Томского уезда. В 1796 г. Колыванская губерния была упразднена, а ее территория вошла в состав Иркутской и Тобольской губерний (в 1797 г. пост генерал-губернатора Тобольской губернии также был упразднен). После восстановления в 1803 г. сибирских генерал-губернаторств Тобольская губерния была разделена на Тобольскую и Томскую. Колывань (ранее Бердский острог) в 1822–

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 07-06-0762 РФФИ.

1823 г. был центром Томской губернии, которая на рубеже XIX–XX вв. включала обширные территории.

В соответствии с административным разделением на два генерал-губернаторства — Тобольское (с 1822 г. — Западно-Сибирское с центром в Тобольске) и Иркутское (с 1822 г. — Восточно-Сибирское с центром в Иркутске) — устанавливалась и многоуровневая система сибирского управления: главное, губернское, городское, волостное и, что немаловажно, инородное. Кочевавшие на этом пространстве сибирские киргизы были отнесены к населению Омской области, просуществовавшей до 1838 г., когда на ее территории возникли внешние округа Пограничного управления. Жившие там кочевники и войска учитывались отдельно, тогда как на территории Тобольской губернии в 1822 г. проживало «мужеска пола русских 248 478, инородных 30 466». В других губерниях, например, в Томской проживало 106 663 «русских» и 34 493 «инородных».

В 1839 г. резиденция генерал-губернатора Западной Сибири была перенесена из Тобольска в Омск. В 1867 г. на территории Киргизской степи была образована Акмолинская область, куда входили все казачьи поселения на юге региона: Ишимский, Курганский, Омский округа, а г. Омск передан в состав Акмолинской области. В 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, а вновь созданное Степное генерал-губернаторство (неофициальное название — Степной край) в своем подчинении имело обширное пространство Акмолинской и Семипалатинской (а до 1898 г. и Семиреченской) областей.

Тобольская губерния с 1882 г. составляла самое крупное территориальное образование края. На юго-западе, северо-западе и северо-востоке часть территории Западной Сибири входила в состав Оренбургской, Вологодской, Пермской и Енисейской губерний.

Долгое время административное устройство фактически не менялось, но в 1895 г. новый раздел Оренбургской губернии «вывел» часть территории в Уфимскую губернию. Летом 1917 г. Тарский и Тюкалинский уезды были переданы из Тобольской губернии в Акмолинскую область; Томская губерния была разделена на Томскую и Алтайскую области, а летом 1918 г. из уездов решением Временного Сибирского (Омского) правительства выделяется Каракорум-

ский. Тарский район в том же году был передан во вновь созданную Омскую область, а Курганский уезд стал частью Екатеринбургской губернии

Период гражданской войны был достаточно неопределенным в части административного устройства, включал идеи о передаче сибирских земель, населенных башкирами, в состав «Автономной Башкирской Республики» или идею о Сибири «в качестве автономной единицы». Созданное 9 февраля 1918 г. членами Сибирской областной думы (накануне разогнанной Томским советом) Временное правительство автономной Сибири не было у власти ни одного дня — только в конце июня — начале июля 1918 г. из оставшейся в Сибири части этого правительства (не выехавшего в Харбин и Владивосток) было создано Временное Сибирское (Омское) правительство (принявшее «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири»), продолжавшее свою деятельность вплоть до утверждения — после переезда из Уфы в Омск Временного Всероссийского правительства (Директории) — Всероссийского Совета министров с 4 ноября 1918 г. Но уже 18 ноября 1918 г. А. В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России, а новое правительство получило название Российского, чья деятельность в Западной Сибири фактически закончилась с вступлением частей Красной армии в Омск в ноябре 1919 г. Между этими датами была образована Омская губерния (в августе 1919 г.), куда вошли части Тобольской, Акмолинской и Томской областей.

После восстановления советской власти вновь началось административное переустройство Западной Сибири. Ее юго-западные районы в 1919–1923 гг. входили в Челябинскую губернию и Киргизскую АССР, а с 1 января 1924 г. — в состав Уральской области. Волости, населенные башкирами и татарами, были объединены в Яланский кантон и до 1923 г. входили в состав Башкирской АССР, а затем, в Челябинскую область. С 1943 г. Сафакулевский и Альменевский районы (бывший Ялано-Катайский район) переподчинены вновь созданной Курганской области.

Восточная часть Кузнецкого уезда временно отходила к Хакасии. Границы Киргизской (Казахской) АССР с 26 июля 1920 г. прошли по территории прежнего Степного генерал-губернаторства, но оставили в пределах РСФСР Акмолинскую и Семипалатинскую области, присоединенные

в 1921–1922 гг. к Казахстану вместе с частями Томской и Алтайской губерний (Рудный Алтай). Еще до этого — в 1920 г. — Алтайская губерния потеряла Каменский и часть Барнаульского уездов, отошедших в Ново-николаевскую губернию и Славгородский уезд — в Омскую губернию. Как отмечают исследователи, административно-территориальное разделение происходило с учетом политических и экономических потребностей, этнического состава населения.

В соответствии с этими же принципами в 1924 г. было проведено районирование Сибири, и вместо 6 губерний образовано 20 округов. Тогда же были созданы Уральская область (куда отошла часть Западной Сибири) и Сибирский (с 1930 г. — Западно-Сибирский) край, образованный из 5 губерний (Алтайской, Енисейской, Ново-николаевской, Омской, Томской) и Ойротской автономной области (упраздненный в 1922 г. Каракорумский уезд). Край в декабре 1937 г. был разделен на Новосибирскую область (с Кузбассом) и Алтайский край, куда вошла и Ойротская автономная область, преобразованная в январе 1948 г. в Горно-Алтайскую.

С 1 декабря 1934 г. территория бывшей Тобольской/Тюменской губернии (ранее находившейся в составе Уральской области)

вошла в состав Обь-Иртышской (с 1935 г. — Омской) области (до начала 1935 г. с центром в Тюмени, затем — в Омске), Челябинской области и Красноярского края. Курганская и Кемеровская области были созданы в 1943 г., а Тюменская, Томская и Омская области (в новых границах) — в 1944 г. Тогда же в состав Ямало-Ненецкого округа отошли некоторые территории Красноярского края.

В 1964 г. были проведены последние обмены территориями внутри Западной Сибири, и это не вызывало желание их переключить на общероссийском уровне, тогда как за рубежом есть иной взгляд на существо проблемы. Так, китайские историки продолжают работать в рамках традиционной парадигмы, рассматривая историю Сибири в контексте захватнических войн России, направленных против Китая и его вассальных территорий [5].

Таким образом, нельзя сказать, что мир окончательно «переболел» от желаний переключить карту Западной Сибири. И чем больше будут «расцветать» идеи обособленности, тем «горше» будут их «плоды». Поэтому идея о проведении консолидирующего для всей Западной Сибири и России мероприятия — празднование 300-летия Сибирской губернии актуальна и должна иметь общественный резонанс.

1. См. подробно: Исакова С. М., Валеев Ф. -Т. А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 92. С. 5.

2. Шмурыгин В., Белкин В., Чмелев Н., Саитбатов А., Мустакимов Л. Будет ли прирастать могущество Приобья? // Наше время, 1992, 11 января.

3. Горбачев В. Доигрались? // Тюменская правда, 1993, 14 сентября.

4. Нечипаев Г. Сибирский хрен слаще уральской редьки // Тюменские известия, 1992, 21 февраля.

5. Ли Цзусюнь, Лю Минюань, Чжан Чжихун. Вайго лиши чаньши. Пекин, 1982; Сиболия ши / Под ред. Сэй Цзинсюе. Хэйлунцзян цзяюй чубаньше, 1991; Сун Ченму, Лю Цзунси, Ли Цзян. Эго тунши цзянбянь. Жэнминь чубаньшэ. Пекин, 1986; Сэй Цзинсюе. Эгоши гао. Чжунго цинци чубаньшэ. [б. м., предположительно 1989]; Ша Эюй Дунбэй / Под ред. Тун Дуна. Чаньчунь, 1985 (на кит. яз.); и др.

ПОДГОТОВКА КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛО–СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Д. В. БОБЫЛЕВ

После победы над наполеоновской Францией Россия была на пике своей военной славы. Она стала самым могущественным государством мира, другим странам приходилось считаться с ее мнением. Многочисленная и хорошо обученная армия и флот, современное вооружение, грамотное командование обеспечили приоритетное положение России в военной сфере относительно других государств. Одним из факторов, явившимся результатом успеха русского оружия, было наличие в вооруженных силах страны казачьего сословия. Именно казаки как потомственные военные надежно охраняли границы Империи, своей удалью и отвагой восхищая и поражая современников. Традиции, обычаи и порядки в сочетании с уставами и инструкциями военного министерства строго регламентировали жизнь в войске, которая кардинально отличала казачьи войска от регулярных. Отличался также офицерский и командный состав, который легко находил общий язык со своими подчиненными, но в то же время был менее воспитан и образован, чем армейские офицеры. Последнее было большой проблемой в казачьей среде, особенно в связи с повышением требований к образовательному уровню казачьих офицеров.

В начале XIX века стали появляться губернские кадетские корпуса, которые имели целью дать наилучшее образование, воспитание и развитие своим воспитанникам. Самые именитые и влиятельные казаки стремились отдать своих сыновей именно в эти военно-учебные заведения, где помимо образовательного и воспитательного аспекта открывалась возможность дальнейшего карьерного роста. В связи с этим существует необходимость рассмотреть, как осуществлялась подготовка казачьих офицеров в кадетских корпусах, во-первых, для определения, каким из кадетского корпуса выходил новоиспеченный казачий офицер, и, соответствен-

но, сравнения его с офицерами – казаками, не обучающимися в кадетских корпусах. Во-вторых, получить ответ на вопрос: целесообразно ли было государству и казачьему войску тратить около 5 тысяч рублей на каждого выпускника из кадетского корпуса для получения в своих рядах обученного офицера, либо было эффективней присваивать офицерское звание за выслугу и за боевые заслуги, как было ранее, а деньги тратить на другие военные нужды?

Несмотря на явный интерес к проблеме подготовки казачьих офицерских кадров в системе военного образования в конце первой половины XIX века, в литературе она не рассматривается как самостоятельная проблема, но имеется достаточное количество научных работ, где затронуты некоторые вопросы данной темы. Всю имеющуюся литературу можно разделить на три периода: до-революционный, советский и постсоветский.

Первый период представлен в большинстве своем работами различных военных деятелей того времени. К одной из наиболее важных и интересных работ следует отнести многотомный труд «Столетие Военного министерства. 1802–1902» [1]. Главная ценность данной работы заключается в том, что она была написана на основе большого количества источников, в том числе и архивных данных. Достоинством книги является описание системы военного образования, обилие фактических сведений, изложение военных программ. Другой не менее значимой работой этого периода является книга «Казачьи войска» [2], написанная М. П. Хорошкиным, где рассматриваются вопросы подготовки казачьих офицерских кадров.

Второй период представлен наименьшим числом работ по сравнению с другими периодами, так как казачество и офицерство воспринималось тогда как антиреволюционный элемент, и отношение к нему было враждебное, в основном это работы эмиг-

рантов и историков 70–80-х годов. Автор А. А. Керсновский в своем 4-х томнике «История русской армии» [3] очень подробно рассказывает историю становления русской армии, излагает опыт ее создания, рассматривает военно-образовательные проблемы. Эта книга относится к числу наиболее интересных работ того периода. Еще одна важная и значимая работа «История подготовки офицерских кадров в России» [4] А. И. Каменева. В ней рассматривается становление всей системы военного образования в России, дается характеристика отечественной системы военного образования в сравнении с зарубежными аналогами, описывается организация учебной и методической работы в военных вузах с ее сильными и слабыми сторонами.

Третий период характеризуется ликвидацией жестких идеологических рамок, открытостью архивов и доступностью новых источников. Самой значимой работой этого периода является книга С. В. Волкова «Русский офицерский корпус» [5], где показана система военного образования во время правления династии Романовых. Автор собрал материал, отражающий статистические сведения о казачьих офицерах. Особое значение имеют диссертационные исследования данного периода, в которых разносторонний материал наиболее полно отражает проблематику рассматриваемой темы. Одной из таких работ является работа А. Н. Назарова «Подготовка офицерских кадров в Российском государстве в XVIII – начале XX вв.» [6], где подробно изложена история становления и развития отечественной военной школы.

Из вышесказанного видно, что некоторые вопросы подготовки казачьих офицерских кадров в системе военного образования в конце первой половины XIX века отдельными авторами затрагивались, но в связи с изучением других проблем. Однако комплексно подготовка казачьих офицерских кадров рассмотрена не была, поэтому возникает необходимость проследить эту проблему в данной статье.

Источниковую базу данной статьи составили законодательные акты и архивные материалы. Из законодательных актов были использованы: Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам, Свод военных постановлений и годовые Приказы военного министерства. Архивные материалы представлены документами, содержащимися в Российском госу-

дарственном военно-историческом архиве. В частности были использованы материалы фонда 1 (канцелярия военного министерства), фонда 330 (Главное управление казачьих войск) и фонда 1154 (Оренбургский Неплюевский кадетский корпус). В России к началу 40-х годов XIX века существовали кадетские корпуса, которые делились на две группы. Корпуса первой группы – 1-й и 2-й кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александровский Сиротский, Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, (как и Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) непосредственно готовили офицеров. Корпуса второй группы, имевшие пятилетний общий курс, – Александровский малолетний, Тульский Александровский, Тамбовский, Владимирский Киевский и малолетнее отделение при 1-м Московском кадетском корпусе переводили воспитанников в корпуса первого класса. В кадетские корпуса принимались только дети офицеров и дворян. Процент воспитанников из казачьего сословия в данных кадетских корпусах был мал и достигал в различных корпусах от 1 до 3 процентов, что не отвечало даже умеренным потребностям как казачьих войск в квалифицированных и обученных офицерах, так и потребностям казачьего дворянства дать своим отпрыскам достойное воспитание и образование. Желающих обучаться в кадетских корпусах было гораздо больше, чем имелось вакансий, необходимы были срочные меры, способные исправить положение [7].

Именно Урало-Сибирский регион стал кузницей казачьих офицерских кадров в системе военного образования. Это объясняется прежде всего тем, что данный регион был значительно удален от центральной России, на территории которой располагалась большая часть кадетских корпусов, и поэтому вакансий от казачьих войск данного региона в корпусах не было, в отличие от казачьих войск других регионов. Вторым фактором явилось то, что в данной местности основную массу войск составляли казацкие войска, поэтому учрежденные там кадетские корпуса были обязаны готовить офицеров именно для казачьих войск. Почти одновременно в 1824 и в 1826 году были открыты два военно-учебных заведения, специализирую-

щиеся на подготовке офицеров для казачьего сословия. Это были Оренбургское Неплюевское военное училище и Училище Сибирского линейного казачьего войска. В 1844-м и 1845-м оба заведения стали называться кадетскими корпусами: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Сибирский кадетский корпус, имели целью воспитание, обучение и подготовку офицеров как для регулярных, так и для иррегулярных войск, расположенных в непосредственной близости от корпусов. Именно в данных военно-учебных заведениях, начиная с момента их образования, и обучалась основная масса кадет из общего числа казачьих выпускников всех кадетских корпусов. Поэтому рассмотрение именно этих двух военно-учебных заведений и является главной целью данной статьи. В ней основной упор будет сделан, во-первых, на сравнительный анализ этих кадетских корпусов между собой, а во-вторых, на особенности и отличия данных военно-учебных заведений от кадетских корпусов, готовивших офицеров для регулярных войск.

Назначение и состав корпусов. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус состоял из двух отделений: европейского и азиатского. Европейское отделение готовило образованных офицеров для регулярного и иррегулярного войска отдельного Оренбургского корпуса, а также сведущих в восточных языках гражданских чиновников для службы в Оренбургском крае. Во втором отделении получали образование преимущественно дети лиц азиатского происхождения. В строевом отношении корпус разделялся на 2 эскадрона. По возрасту воспитанников в первый эскадрон зачислялись старшие, а во второй младшие по равному числу. В числе назначенных по штату 260 вакансий полагалось 70 казеннокоштных, 54 пансионерских, 90 для детей войскового сословия Оренбургского, Уральского и Башкиро-Мещерякского казачьих войск (по 30 человек для каждого войска), 30 для киргизов малой и внутренней орд, 14 для детей видных дворян Оренбургского края и 2 для детей недостаточных офицеров Оренбургских линейных батальонов, в корпус принимались дети не моложе 9,5 и не старше 12 лет. Казеннокоштные вакансии предоставлялись детям офицеров регулярных войск и гражданских чиновников, служащих и служивших в Оренбургском крае [8].

Из офицеров в составе корпуса по штату полагались: директор из военных генералов,

командир дивизиона из штаб-офицеров, два командира эскадронов, 12 эскадронных офицеров, из которых один являлся адъютантом, а второй казначеем и смотрителем лазаретов. Воспитанников было 260, из них полагалось 2 вахмистра и 12 унтер-офицеров. Помимо преподавательского состава (инспектора классов, наблюдатели за преподаванием и др.) и обслуживающего персонала (фельдшера, портные, сапожники, лекари, библиотекари, повара, кастелянчики, прачки и др.) в штатный состав входили: священник православного вероисповедания и мулла. Корпус находился в подчинении Его императорского Величества Государя и причислялся к Московскому военно-учебному округу, ближайшее же управление осуществлял директор корпуса под надзором Оренбургского генерал-губернатора [9].

Сибирский кадетский корпус имел целью готовить своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и в казачьих войсках отдельного Сибирского корпуса. В кадетский корпус могли поступать сыновья офицеров отдельного Сибирского корпуса и гражданских чиновников из дворян, служащих или служивших в Сибири, а также дети войскового сословия казачьих войск с таким расчетом, чтобы при поступлении они должны иметь не менее 7, а по выпуску не менее 17 лет от роду. В строевом отношении представлял собой роту и эскадрон, в каждом подразделении обучалось по 120 воспитанников. В роте обучались воспитанники с последующим устройством в регулярные войска, а в эскадроне — только воспитанники казачьего сословия для дальнейшей службы в иррегулярных войсках [10].

Управление корпусом было вверено директору, назначаемому из способных и достойных штаб-офицеров, который наблюдал за сохранением порядка во всем заведении. Непосредственное же наблюдение за воспитанниками лежало на подчиненных ему лицах: ротном и эскадронных командирах и офицерах отделений. Делами по хозяйственной части и письмоводству заведовал смотритель экономии офицерского звания, исполняющий к тому же и обязанности полицмейстера. При нем состояли его помощники и писарь урядничего звания, а также рядовой и унтер-офицерский состав. Для медицинского обеспечения корпуса в нем находился лазарет с одним врачом и фельдшером. Обучение предметам в корпусе возлагалось на штат преподавателей,

но некоторые предметы вели сами ротные и эскадронные офицеры. Из числа воспитанников в каждое подразделение из наиболее благополучных кадетов назначался вахмистр и фельдфебель в эскадрон и роту соответственно, а также 14 унтер-офицеров поровну в каждое подразделение, они ставились как прямые начальники над рядовыми воспитанниками. Задача младших командиров заключалась в помощи командованию, в соблюдении среди воспитанников внутреннего порядка и дисциплины. Все воспитанники корпуса размещались по отделениям, которых в эскадроне было четыре, группы эти составлялись только по ранжиру. Каждое отделение имело особую спальную комнату, эта же комната служила и для учебных занятий вне классного времени.

Весь остальной штат был схож со штатом Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Сибирский кадетский корпус был подчинен главному начальнику военно-учебных заведений и состоял под попечительством командира отдельного Сибирского корпуса [11].

Из вышесказанного хорошо видно, что оба учебных заведения по данным характеристикам существенно отличались от «армейских» кадетских корпусов, так как, во-первых, в строевом отношении они уже больше напоминают казачью сотню, чем армейскую роту, а во-вторых, очень большое влияние на корпуса имело местное начальство, а не высшее военное руководство. Этим определяется и еще одна особенность: ориентированность корпусов на дальнейшую службу в своем крае. Если же по данным характеристикам сравнивать их между собой, то невольно бросается в глаза, что Сибирский кадетский корпус имеет в отличие от Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса двойственный характер, так как состоит и из роты, и из эскадрона, другим ярким отличием является то, что директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса назначается не из полковников, как в Сибирском кадетском корпусе, а из генералов, следовательно, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус по положению и как войсковая единица ставится выше Сибирского кадетского корпуса. Об этом факте говорит также то, что Оренбургский Неплюевский кадетский корпус имеет и еще одного штаб-офицера — командира дивизиона. Назначение корпусов также отличается друг от друга, в остальном же корпуса очень похожи.

Учебный процесс. Для приема в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус поступающие должны были уметь читать и писать на русском языке, знать главные христианские молитвы и четыре правила арифметики. Дети же киргизов и башкиро-мещеряков принимались без экзаменов. Курс обучения на обоих отделениях составлял четыре класса: приготовительный, нижний, средний и верхний. Курс продолжался 2 года в каждом классе. Занятия и предметы Европейского отделения несколько отличались от занятий и предметов азиатского отделения, но основной принцип был следующим: в приготовительном, нижнем и среднем классе упор больше делался на общеобразовательные предметы, такие как география, история, математика, рисование, зоология, а военные предметы вообще не изучались. Причем учебный план по предметам был расписан на весь курс обучения, и если в приготовительном классе обучение начиналось с азов, то в верхнем классе изучались уже довольно сложные темы. Кардинально от младших классов отличался верхний класс, в котором, наконец, профессиональные военные приступали к изучению истинно военных предметов, таких как: топография в поле, артиллерия, полевая фортификация, начало тактики и малая война и другие. Особняком среди всех предметов, во всех классах стояли: Закон Божий и русский язык, которым во всех четырех классах было уделено максимум внимания: программа изучения была самая большая, на экзамене сдача именно этих предметов предопределяла все [12].

На азиатском направлении учебный план был схож, но упор делался больше на общеобразовательные дисциплины, а такие предметы, как физика, артиллерия, топография, начальная тактика и малая война, полевая фортификация и черчение были исключены из учебной программы. Закон Магометанский заменил Закон Божий. Все предметы оценивались по 12-балльной системе. Кроме этих предметов все кадеты обучались гимнастике, плаванию, танцам и церковному пению, а с верхнего класса сверх того фехтованию. Очень важным внеклассным предметом, которому уделялось особое внимание, была верховая езда, которой обучали опытные инструкторы, особенно в верхнем классе ей уделялось максимум внеклассного времени.

Учебный процесс продолжался с августа по июнь, время с 15 июня по 1 августа

назначалось для лагерных занятий, допускалось в это время увольнение воспитанников в отпуск, в награду за успехи в науках и при хорошем поведении. Окончившие курс обучения кадеты сдавали установленный экзамен, по результатам которого выпускались из корпуса [13].

Курс обучения в Сибирском кадетском корпусе в отличие от других кадетских корпусов составлял 6 лет и был разделен на 3 класса: нижний, средний и верхний. Интересен тот факт, что при корпусе 22 вакансии были определены для отдельного класса восточных языков с целью приготовления толмачей (переводчиков) и топографов. Предметы обучения были схожи с предметами Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, однако программы были другие, а курс был более сокращен. Соблюдая принцип последовательности обучения предмету, как и упор на общеобразовательные дисциплины в нижнем и среднем классах. Изучение военных дисциплин как и в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе начиналось только в верхнем классе. Несмотря на сокращенный срок обучения, в учебной программе были такие предметы, которые отсутствовали в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе: французский или немецкий языки, строительное искусство с главными началами архитектуры и другие. Воспитанники из казачьего сословия, как и в кадетском Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, дополнительно изучали и татарский язык.

В классах уроки продолжались утром с 8 до 11 часов, после обеда – с 15 до 18 часов. После вечерних классов и получасового отдыха до 20 часов воспитанники должны были оставаться в своих помещениях по отделениям и заниматься приготовлением уроков [14].

Сверх перечисленных предметов кадеты Сибирского кадетского корпуса, так же как и их коллеги из Оренбурга, обучались гимнастике, плаванию, танцам, пению, фехтованию и верховой езде. В свободное от классов время кадеты занимались фронтовым учением. В лагерное же время их обучали: рассыпному строю, форпостной службе, топографической съемке, саперным и военно-лабораторным работам, стрельбе в цель из артиллерийских орудий и ружей. Выпуску воспитанников из корпуса предшествовал подробный экзамен, производившийся в присутствии главного мес-

тного начальства, который определял разряд выпускника.

Рассмотрев учебный процесс, первое, на что можно обратить внимание, это малое и незначительное обучение военных дисциплин в курсе кадетских корпусов. Несмотря на то, что молодых людей готовили к военной службе, притом многие из них, живя в казачьей среде, воочию наблюдали все перипетии армейской жизни и несомненно обучались военному делу в станицах, то можно предположить, что первые шесть лет в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и первые четыре года в Сибирском кадетском корпусе притупили это знание. Можно констатировать факт более светского образования, и обращение большего внимания на научные, а не на военные познания выпускников. Еще одним несомненным просчетом являлось то, что верховая езда не включена в учебный план, а рассматривалась только во время внеклассных занятий. Но в целом учебный план соответствовал научному и военному характеру, присущему середине XIX века.

Внутренний порядок. Распорядок дня был одинаков для обоих кадетских корпусов и был следующим:

5.30–7.00 – подъем, умывание, одевание, молитва, завтрак.

7.00–8.00 – приготовление уроков.

8.00–11.00 – две лекции, между которыми прогулка 15 минут на воздухе.

11.00–12.00 – фронтовое ученье.

12.00–13.00 – гимнастика, фехтование, танцы, пение, верховая езда.

13.00–13.30 – прогулка на чистом воздухе.

13.30–14.00 – обед.

14.00–15.00 – отдых.

15.00–18.00 – две лекции, прогулка между ними.

18.00–18.30 – отдых.

18.30–20.00 – приготовление уроков.

20.30–21.00 – ужин, молитва.

21.00–21.30 – умывание, приготовление ко сну, отбой [15].

Из распорядка дня хорошо видно, что он менее отвечает военному образцу и более направлен на учебную деятельность, не случайно 6 часов занятий и полтора часа подготовки к занятиям ежесуточно, при том, что нет различных построений, разводов и утренней физической зарядки.

Форма одежды кадетов Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса была вы-

полнена по образцу казачьей, исключение составляла лишь шинель, которая была по образцу прочих кадетских корпусов [16].

Обмундирование и вооружение в Сибирском кадетском корпусе было одинаковым со строевыми войсками, сапоги солдатского образца носились круглый год [17]. Тот факт, что в Сибирском кадетском корпусе форма одежды кадетов была выполнена не под казачий лад, еще раз доказывает двойственность данного военно-учебного заведения, специализирующегося как на казачье сословие, так и на армейскую службу.

Питание воспитанников обоих корпусов было постоянным: завтрак их состоял из ¼ фунта пшеничного хлеба с водой. За обедом и ужином они постоянно ели щи из кислой капусты и кашу из яичной крупы. Во время постов по средам и пятницам в корпусе не допускалось ни мяса, ни масла. В праздники за обедом подавалась жареная говядина или рыба, прибавлялось и третье блюдо: пирожки с мясом, студень или пшеничные оладьи. Это вполне удовлетворяло потребности воспитанников.

Круглый год по субботам после обеда воспитанники ходили в баню. В это время занятий не назначали. Купание воспитанников летом не входило в расписание, а представляло собой лишь вид поощрения после удачного фронтового учения.

Таким образом, при всем отличии в разных сферах деятельности корпусов как между собой, так и по отношению к другим корпусам в вопросах внутреннего порядка

оба кадетских корпуса руководствовались общими для всех кадетских корпусов правилами, наставлениями и инструкциями, а отличия были незначительными. И распорядок дня, и внутренний порядок в подразделениях находился на должном уровне и вполне отвечал условиям для нормальной жизнедеятельности.

Правила выпуска. Как уже было отмечено выше, окончившие курс обучения кадеты сдавали установленный экзамен, по результатам которого выпускались из корпуса с различными преимуществами. Преимущества эти постоянно видоизменялись, так как само течение времени требовало это, но основной принцип, заложенный в это правило, был следующим: выпускники по результатам экзамена делились на 4 разряда.

К 1-му разряду, то есть лучшими по выпуску, причисляли кадетов, которые получили в поведении, в Законе Божьем и в русском языке не менее 10 баллов. А также не менее 10 баллов на Азиатском отделении в восточных языках, на Европейском в восточных языках или в военных науках, а в прочих науках не менее 8 баллов.

Ко 2-му разряду, то есть хорошими по выпуску, причисляли кадетов, которые получили в поведении, в Законе Божьем и в русском языке не менее 9 баллов. А также не менее 9 баллов на Азиатском отделении в восточных языках, на Европейском в восточных языках или в военных науках, а в прочих науках не менее 7 баллов.

К 3-му разряду, то есть удовлетвори-

Таблица 1

Разряды по поведению и успеваемости в науках	Какими преимуществами пользуются	
	На Европейском отделении	На Азиатском отделении
1-й разряд, то есть лучшие по выпуску	В Оренбургскую конную казачью артиллерию первым сотником, прочие старшими хорунжими. В Оренбургское и Уральское казачьи войска сотниками.	В Оренбургское, Уральское казачьи войска и Башкиро-Мещерякское войско первым сотником, а прочие старшими хорунжими.
2-й разряд, то есть хорошие по выпуску	В Оренбургскую конную казачью артиллерию хорунжими. В Оренбургское и Уральское казачьи войска первыми офицерскими чинами со старшинством полутора лет.	В Оренбургское, Уральское казачьи войска и Башкиро-Мещерякское войско первыми офицерскими чинами со старшинством до одного года.
3-й разряд, то есть удовлетворительные по выпуску	В Оренбургское и Уральское казачьи войска первыми офицерскими чинами.	В Оренбургское, Уральское казачьи войска и Башкиро-Мещерякское войско первыми офицерскими чинами.

тельными по выпуску, причисляли кадетов, которые получили в поведении, в Законе Божьем и в русском языке не менее 8 баллов, средний балл за все предметы не менее 7 и нет ни в одном предмете менее 5 баллов.

Те, кто не мог быть причислен ни к одному из разрядов по поведению либо из-за слабого усвоения изучаемых предметов, выпускался на действительную службу урядниками с правом производства в первый офицерский чин по представлению начальства: на Европейском отделении от 6 месяцев до 1 года, на Азиатском отделении от 1 года до 1,5 лет.

Воспитанники казачьих войск выпускались непременно в те войска, в которые по происхождению своему принадлежали. Для обоих кадетских корпусов распределение на вакансии по войску было примерно одинаковым, для примера рассмотрим вакансии по выпуску в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе (табл. 1 на стр. 116)

Из таблицы видно, что выпуск с наилучшим разрядом очень сильно влиял на дальнейшую службу и карьерный рост выпускника, иной раз изменяя всю его жизнь. К сожалению, на сегодняшний день в наших российских военных учебных заведениях как собственно и в советских тоже такого правила не существует.

Что касается воспитанников Сибирского кадетского корпуса, то они по окончании курса выходили сотниками, хорунжими или урядниками в казачьи полки в зависимости от разряда, полученного по выпускному экзамену, по такому же принципу, как и выпускники из Оренбурга. Неспособные же воспитанники из казачьего сословия поступали в Сибирское казачье линейное войско на нестроевые должности.

Интересен такой факт: единственным отличием между корпусами по правам по выпуску было то, что все воспитанники 1-го разряда из башкир в Сибирском кадетском корпусе выпускались сотниками, а не только лучший по выпуску как, например, в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. И это очень волновало командование Оренбурга, которое постоянно указывало в своих донесениях военному министру данную несправедливость по отношению к ним, хотя, казалось, статус у них должен быть выше. В остальном отличий не было. Выпускаемые на службу в казачью конную артиллерию и иррегулярные войска получали из государственного казначейства тройное жалова-

ние, наравне с чинами армейскими, а именно хорунжий тройное жалование прапорщика, старший хорунжий — подпоручика, сотник — поручика, и это было очень важным моментом, так как официально уравнивало выпускников Оренбургского Неплюевского и Сибирского кадетских корпусов с выпускниками других кадетских корпусов как в вопросах служебных, так и экономических [18].

Рассмотрев данную систему, можно признать, что она очень оригинальна и актуальна на сегодняшний день. Ведь деление на разряды накладывало стимул лучше заниматься, быть дисциплинированным и в награду получить более высокий разряд, тем самым выделиться из общей массы выпускников.

Таким образом, рассмотрев оба кадетских корпуса, готовивших офицерские кадры для казачьих войск в 40-х годах XIX века, можно сделать следующие выводы:

- во многих отношениях (внутренний порядок, дисциплина, учебная часть, строевой состав и др.) данные военно-учебные заведения были схожи между собой, но отличия все же имели место, они прежде всего касались вопросов географического положения, особенностей казачьих войск, сословного представительства в корпусе и других моментов;

- отличие данных военно-учебных заведений от других кадетских корпусов касается самой организации учебного процесса, структуры, строевого состава, подчиненности и пр.;

- учебный план отвечал более общеобразовательному аспекту, менее военному;

- воспитанники, окончившие курс обучения в данных военно-учебных заведениях, получали возможность дальнейшего карьерного роста, в отличие от офицеров, получивших офицерские звания в войсках без обучения в кадетском корпусе;

- несмотря на дорогостоящее обучение, данные офицеры, имея хорошее научное образование, вносили большой вклад в развитие военной мысли и дальнейшее усовершенствование вооружения;

- увеличение данной категории офицеров в казачьих войсках способствовало улучшению нравственной стороны казачьих войск, так как получившие в кадетском корпусе идеальное воспитание молодые офицеры, прибывающие в войска, накладывали определенный отпечаток на своих сослуживцев;

- разделение выпускников на разряды

по выпуску способствовало увеличению мотивации у воспитанников;

— учреждение данных военно-учебных заведений дало возможность многим детям казачьих офицеров получить достойное образование для своего времени.

В целом учреждение кадетских корпусов для казачьих войск имело положительное значение, увеличивая приток в войска более профессиональных и грамотных офицеров, улучшая тем самым боеспособность войска и его моральный статус, а также помогая казачьим дворянским семьям дать своим детям соответствующее их статусу образова-

ние, причем бесплатно. В дальнейшем данные военно-учебные заведения претерпят изменения, касающиеся отделении общеобразовательного курса в военно-учебных заведениях от военно-специального. И кадетские корпуса получают названия военных гимназий, правда ненадолго, но в любом названии суть их не изменится, они будут также добросовестно и ответственно подходить к вопросам военной подготовки казачьей молодежи, тем самым являясь кузницей казачьих офицерских кадров на протяжении всего XIX века.

1. Главное управление военно учебных заведений: Ист. очерк/Сост. П. В. Петров, Н. А. Соколов. 1914/Столетие Военного министерства. 1802–1902: Ист. очерк/Под ред. Д. А. Скалона. СПб., 1902–1914. Т.10. Ч.1–3.
2. Хорошхин М. П. Казачьи войска. СПб., 1902.
3. Керсновский А. А. История русской армии, в 4-х томах. Белград, 1933.
4. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990.
5. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
6. Назаров А. Н. Подготовка офицерских кадров в Российском государстве в XVIII – начале XX вв. Дис... доктора исторических наук. М., 2001.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 170–226.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 120. С. 9–13.
9. Краткий исторический очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913. С. 31–49.
10. Краткий исторический очерк 1-го сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. М., 1915. С. 19–52.
11. Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса 1826–1876. Омск, 1884. С. 27–40.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 120. С. 12–16.
13. Краткий исторический очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913. С. 37–53.
14. Краткий исторический очерк 1-го сибирского Императора Александра I кадетского корпуса М., 1915. С.100–112.
15. 2-й Оренбургский кадетский корпус в ряду других военно-учебных заведений. Спб., 1884. С. 27–37.
16. А. Н. Назаров Подготовка офицерских кадров в Российском государстве в XVIII – начале XX вв. Дис... доктора исторических наук. М., 2001. С. 6.
17. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России, М., 1990. С. 69–82.
18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 120. С. 34–36.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2008 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

СОЦИУМ

- Бароненко А. С., Бароненко Е. А.* Проблемы создания гражданского общества и гражданского воспитания молодежи в современной России. **№ 1**
- Бароненко А. С., Бароненко Е. А.* Синергетика и педагогика (критический анализ проблемы). **№ 3**
- Берестова Т. Ф.* Роль индивида, социума и государства в создании единого информационного пространства. **№ 3**
- Беспаленко П. Н.* Политическая идентичность россиян в контексте проблематики духовной безопасности. **№ 3**
- Будаев Э. В.* Социум и власть в зеркале метафоры: исследовательские эвристики. **№ 2**
- Веретнова И. В.* Особенности проявления детской агрессии и формы ее коррекции. **№ 2**
- Горелова Г. Г.* Принцип антропологизма в науке и практике социального управления. **№ 1**
- Денисова И. В.* Трансформация институтов социализации в политическом процессе современной России. **№ 2**
- Докторович А. Б.* Системное исследование социального потенциала. Часть 2. Анализ взаимодействий и отношений. **№ 4**
- Иванчук Н. В.* Собственность и управление: социолого-антропологический подход. **№ 4**
- Мизрахи Б. А.* Судьбы российской интеллигенции в эпоху реформ. **№ 1**
- Пономарева Н. Г.* Координация или экспансия: две стратегии государства в регулировании медийных форм социальной коммуникации. **№ 3**
- Рябов А. М.* Методология фасилитации в образовательной среде демократического общества. **№ 1**
- Сибиряков И. В.* Интернет-интеллигенция: парадоксальная закономерность. **№ 1**
- Сагатовский В. Н.* О свободе и эксплуатации. **№ 4**
- Сизов С. Г.* Власть, масс-медиа и интеллигенция современной России: возможные грани взаимодействия. **№ 1**
- Ушаков В. А.* Специфика проявления феномена городской монофункциональности. **№ 1**

ВЛАСТЬ

- Аврамов А. В.* Российский коммуникативный феномен концептуализации кода власти. **№ 4**
- Александров А. А., Карымова Л. С.* Национальная политика субъекта Российской Федерации как условие стабильного развития региона (на примере Свердловской области). **№ 4**
- Балынская Н. Р., Подольская И. А.* К вопросу о структурных характеристиках политического процесса. **№ 1**
- Балынская Н. Р.* Специфика проявления информационной сущности современного российского политического процесса. **№ 4**
- Борисенков А. А.* Политическая структура: теоретико-методологический взгляд. **№ 2**
- Борисов Н. А.* Эволюция институционального дизайна как фактор политической конкуренции в постсоветских государствах (на примере Украины и Кыргызстана). **№ 3**
- Буров А. В.* О критериях оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований. **№ 3**
- Дейнега О. В.* Административный ресурс в системе государственного управления России: сущность, природа и роль. **№ 4**
- Дзахова Л. Х.* Избирательная кампания как политический проект российских партий (региональные обобщения). **№ 4**
- Зырянов С. Г.* Выборы в Государственную думу пятого созыва: отношение населения к высокому уровню участия и содержательные оценки прошедшей избирательной кампании. **№ 1**
- Зырянов С. Г.* Электоральное поведение и электоральная культура в трансформирующемся институциональном пространстве: методологический аспект. **№ 2**
- Логиновский С. С.* Святой Иоанн Златоуст о власти. **№ 3**

-
- Нежданов Д. В.* Политический рынок: основы типологизации. № 3
Подопригора А. В. Новая парадигма регионального развития России. № 3
Пранова М. И. Избирательные кампании: теоретико-методологический анализ. № 3
Пранова М. И. Избирательная кампания как арена социального конфликта. № 4
Сонина Е. О. Реформа как «измерение» политического процесса в современной России: ценностный аспект. № 4
Скорняков А. В. Национально-государственные интересы России в контексте событий 90-х гг. XX века. № 1
Трофимов Е. А. Прямые выборы Совета Федерации и институт регионального парламентаризма в России. № 1
Тульчинский Г. Л. О федерализме. № 1
Шабалина О. В. Гендерные стереотипы в системе принятия управленческих решений: особенности и проблемы. № 3
Шапаров А. Е. Стратегии формирования социальной политики. № 4
Швецова А. П. Определение места и роли региональных элит в социально-политическом управлении территорией. № 3

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Воропанов В. А., Сабанцев А. Н.* Организация региональной системы правосудия в России в первой половине XIX века. № 3
Гусак В. А. Мобилизация общественности на решение задач охраны правопорядка в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). № 1
Жаров С. Н. Отечественная печать начала XX века о секретной агентуре розыскных органов Российской империи. № 3
Кузнецов В. Ф. Уточнение понятия «гражданский процесс». № 2
Лесняк В. И. Современное понимание патриотизма как системного атрибута работника правоохранительных органов: факторный аспект. № 1
Мионов Е. В. Концепция «либерального консерватизма» Б. Н. Чичерина. № 4
Родионова А. К. Основные признаки федерализма и их классификация. № 4
Сабитова Е. Ю. Модернизация судебно-правовой системы России в 2007–2011 годах. № 2
Сабитова Е. Ю. О реализации и ресурсном обеспечении федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» в 2007–2011 годах. № 4
Свалова Н. А. *Negotiorum gestio* в римском праве. № 2
Смирнов Г. С., Смирнов С. С. Законодательные основы государственного межевания в России первой половины – середины XVIII в. № 1
Тараборина Ю. В. Политико-правовое учение Ш. Л. Монтескье и его влияние на развитие государственно-правовой мысли России во второй половине XVIII века. № 2
Шумаков И. А. Правовые режимы в конституционном праве. № 1
Шумаков И. А. Возникновение и развитие института особых конституционно-правовых режимов. № 4
Югов А. А. Система реализации конституционных прав, свобод и обязанностей (к 15-летию действия Конституции Российской Федерации 1993 года). № 3
Юнусов А. М. Особенности прохождения государственной службы в окружных судах Российской Империи в пореформенный период (на материалах Оренбургского окружного суда). № 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- Абрамова И. Е.* Институциональная политика агроэкономических преобразований в России. № 4
Гаврилов А. И. Проблемы и перспективы воспроизводства естественной монополии как формы рыночной трансформации. № 2
Дудченко Г. Б., Шульган Ю. П. Движение населения и трансформации отраслевой структуры хозяйствования в населенных пунктах Дальнего Востока России (на примере г. Артем Приморского края). № 2
Зацепилин Ю. В. «Профессиональная команда страны» как инструмент формирования кадрового резерва инновационной экономики страны. № 2

-
-
- Козина М. В.* Институциональные механизмы согласования интересов участников корпоративных отношений. **№ 2**
- Кайгородцев А. А.* Механизм государственного регулирования АПК. **№ 3**
- Лаврова М. И., Лавров И. В.* Методологические проблемы разработки интегральной теории фирмы (предприятия). **№ 2**
- Теунаев Д. М.* Рынок несовершенной конкуренции в условиях глобализации: редкость энергоносителей. **№ 2**
- Тогунов И. А.* Системная маркетинговая модель государства. **№ 1**
- Шлимович Ю. Б., Коротина Н. Ю.* Экологическое страхование как экономический инструмент возмещения вреда окружающей среде. **№ 4**

КУЛЬТУРА

- Гапанович-Кайдалов Н. В.* Организация государственного управления культурой в республике Беларусь. **№ 4**
- Загребин С. С.* Современный российский театр: проблема художественного позиционирования в условиях либерального общества и рыночной экономики. **№ 3**
- Коровина-Реймерс С. В.* Проблемы границ памяти и полихроматизация языка культуры. **№ 2**
- Миროнова Н. И.* Парадигма как культурный код социального пространства-времени. **№ 2**
- Павлов А. В.* Гуманитарная теория как новая рациональность. **№ 2**
- Павлов А. В.* Гуманитарная теория как новая рациональность (часть 2). **№ 3**
- Харченко Е. В.* Образ представителя власти в языковом сознании носителей русской культуры. **№ 1**

ИСТОРИЯ

- Бобылев Д. В.* Подготовка казачьих офицерских кадров в системе военного образования в Урало-сибирском регионе в конце первой половины XIX века. **№ 4**
- Гейль В. В.* Творческая интеллигенция в эвакуации. Южный Урал, 1941–1945 гг. **№ 2**
- Засядь-Волк Е. Я.* «Союз христианской политики» С.Н. Булгакова: исторический опыт создания в России христианской социалистической партии. **№ 2**
- Илюхов А. А.* «Дома новы, а предрассудки стары» – «грязные» политехнологии начала XX в. **№ 1**
- Осипов О. В.* Армия и церковь: исторический опыт деятельности Оренбургской епархии в начале XX века. **№ 1**
- Расторгуев А. П.* Рождение оппозиции (Органы власти и национал-патриотические движения во второй половине 1980-х гг. на примере Свердловской области). **№ 1**
- Скипский Г. А.* Коммунисты в РККА в 1920-х гг. (из истории Урала). **№ 2**
- Смертин А. Н.* Феномен большевизма в России. **№ 2**
- Фельдман М. А.* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и судьба рабочих коллективов промышленности СССР. **№ 1**
- Ярков А. П.* Из исторического опыта укрепления российской государственности (к 300-летию Сибирской губернии). **№ 4**

Авторы номера

АБРАМОВА И. Е., доцент кафедры политологии и социологии Новочеркасской государственной инженерно-мелиоративной академии, кандидат исторических наук, докторант кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону.

АВРАМОВ А. В., заведующий кафедрой общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, кандидат философских наук, г. Псков.

АЛЕКСАНДРОВ А. А., доктор философских наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, профессор, начальник Департамента внутренней политики Администрации губернатора Свердловской области, заместитель главы Администрации, г. Екатеринбург.

БАЛЫНСКАЯ Н. Р., кандидат политических наук, доцент кафедры истории, теории государства и права и социологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

БОБЫЛЕВ Д. В., аспирант Челябинского государственного педагогического университета.

ГАПАНОВИЧ-КАЙДАЛОВ Н. В., декан факультета психологии и довузовской подготовки Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат психологических наук, доцент, г. Гомель, Республика Беларусь.

ДЕЙНЕГА О. В., аспирант кафедры государственно-политического управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург.

ДЗАХОВА Л. Х., кандидат исторических наук, заведующая кафедрой этнокультурологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, доцент, Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания.

ДОКТОРОВИЧ А. Б., доктор философских наук, профессор Академии государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

ИВАНЧУК Н. В., доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург.

КАРЫМОВА Л. С., аспирант кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург.

КОРОТИНА Н. Ю., кандидат экономических наук, заведующая кафедрой финансов, бюджета и налогообложения Челябинского института Уральской академии государственной службы, доцент.

МИРОНОВ Е. В., заведующий кафедрой социологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, г. Челябинск.

ПРАНОВА М. И., кандидат философских наук, доцент, Генеральный директор Нацконсалтгрупп, докторант кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону.

РОДИОНОВА А. К., кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права.

САБИТОВА Е. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Челябинского института Уральской академии государственной службы.

САГАТОВСКИЙ В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и гносеологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

СОНИНА Е. О., аспирант кафедры философии и политологии Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург.

ШАПАРОВ А. Е., кандидат политических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой истории и политологии Архангельского государственного технического университета.

ШЛИМОВИЧ Ю. Б., кандидат технических наук, руководитель Управления по технологическому и экологическому надзору Ростехнадзора по Челябинской области.

ШУМАКОВ И. А., адвокат, адвокатская палата Челябинской области.

ЯРКОВ А. П., доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть»

1. Авторы направляют один экземпляр рукописи в электронном варианте (на дискете, CD-диске или по электронной почте по адресу: saa@urags-chel.ru).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 0,5 п.л. (20 тыс. знаков без пробелов, включая сноски). Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную.

3. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

4. Цифровые данные оформляются в таблицу. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

5. Название статьи указывается посередине текста 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

6. Ссылки на литературу оформляются в виде

концевых сносок с помощью соответствующей компьютерной программы.

7. Сноски оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

8. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакции.

9. Помимо текста статьи автором представляются **отдельным файлом** в электронном виде **на русском и английском языках**:

а) краткая (до 500 печатных знаков) **аннотация** с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) **ключевые слова и словосочетания** (не более пяти);

в) **сведения об авторе** – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.